

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ

Центр военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России
и ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

Руководитель авторского коллектива
А.И. Подберезкин

Издательство «МГИМО-Университет»
2014

УДК 327
ББК 66.4
В63

Авторы:

*А. И. Подберезкин, Р. Ш. Султанов, М. В. Харкевич,
Г. Р. Ручкин, А. В. Жуков, Ю. А. Русакова, О. А. Подберезкина*

Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития : аналитич.
В63 доклад / А. И. Подберезкин, Р. Ш. Султанов, М. В. Харкевич [и др.] ; Моск. гос. ин-т
междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследова-
ний. — М. : МГИМО–Университет, 2014. — 167 с.

ISBN 978-5-9228-1140-8

Аналитический доклад Центра военно-политических исследований МГИМО(У) МИД России посвящен методологическим вопросам долгосрочного прогнозирования военно-политического и военно-стратегического измерения мирового развития. В докладе подробно рассматривается порядок формирования сценариев, анализируются существующие сценарии и предлагается авторский долгосрочный военно-политический прогноз до 2050 г.

Доклад может быть интересен как исследователям в области военно-политического планирования, так и лицам, принимающим решения.

**УДК 327
ББК 66.4**

ISBN 978-5-9228-1140-8

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2014

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С. Е. НАРЫШКИНА

Настоящий аналитический доклад, посвященный военно-политическим аспектам прогнозирования глобального развития, наверняка заинтересует не только специалистов, но и широкую аудиторию. Ведь поднятые в нём вопросы и приведённые результаты исследований помогут лучше разобраться в современной международной ситуации, в логике многих событий и процессов, свидетелем которых является каждый из нас.

Мы видим, что и в XXI веке мирные способы урегулирования конфликтов являются приоритетом далеко не для всех. К сожалению, это так, и драматические события на Украине это наглядно подтвердили. А значит, всем нам нужно трезво оценивать существующие угрозы глобальной, региональной и национальной безопасности. Иметь адекватное представление о балансе сил и реальном потенциале сдерживания, о существующих очагах напряжённости на планете и качестве нынешнего международного сотрудничества в целом.

Сегодня крайне актуальны и востребованы профессиональные и фактически обоснованные прогнозы геополитического характера. Заранее понимая, в каком направлении и в какой динамике будет меняться та или иная ситуация, можно упредить многие вызовы, а также избежать ошибок и упущений в стратегическом планировании, в том числе, в сфере законотворчества.

Председатель Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации

С. Е. Нарышкин

A handwritten signature in blue ink, consisting of stylized, overlapping loops and a long horizontal stroke extending to the right.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ОАО «КОНЦЕРН ПВО „АЛМАЗ-АНТЕЙ“» Я. В. НОВИКОВА

Долгосрочные тренды мирового социально-политического развития человеческой цивилизации зачастую не учитываются в военно-политическом прогнозировании. Однако военное дело зависит цивилизационных мегатрендов не в меньшей степени, чем любая иная человеческая деятельность. Ценность данной монографии состоит в подчеркивании неразрывной взаимосвязи военно-политической проблематики с остальными сферами мирового развития и с динамикой человеческой цивилизации в целом. Например, процессы в экономической сфере определяют возможности государств в наращивании своего оборонного потенциала; производство оружия и военных технологий сегодня неразрывно связано с наукой; количество и качество военнослужащих определяется общими демографическими трендами и качеством системы национального образования; внешнеполитические возможности государств не в последнюю очередь зависят от их геополитического положения и общей международной и стратегической обстановки в мире.

Трудный методологический вопрос заключается в определении причинно-следственных связей между различными областями деятельности человека. Что является независимой переменной в сложном уравнении мирового развития: экономика, демография, вооруженное насилие, система международных отношений, культура, религия?

Книга «Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития», написанная авторским коллективом Центра военно-политических исследований МГИМО(У) МИД России под руководством директора Центра, проректора по научной работе, профессора А. И. Подберезкина, дает исчерпывающий ответ на этот и многие другие вопросы. Разработанная в монографии методология долгосрочного военно-политического прогнозирования позволяет строить комплексные прогнозы, учитывающие динамику развития во всех сферах человеческой цивилизации. Уверен, что такой комплексный подход к долгосрочному стратегическому планированию поможет российскому ОПК должным образом подготовиться к нарастающей турбулентности в современных международных отношениях.

Генеральный директор ОАО «Концерн ПВО „Алмаз–Антей“»
Я. В. Новиков

A handwritten signature in blue ink, which appears to be 'Novikov', written in a stylized, cursive script.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

АСЕАН	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АСП	анализ стратегических прогнозов
АТР	Азиатско-Тихоокеанский регион
БЛА	беспилотный летательный аппарат
БРВЗ	баллистическая ракета «воздух–земля»
БРИКС	группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика
ВиВТ	вооружения и военная техника
ВКВ	Воздушно-космические войска
ВКО	воздушно-космическая оборона
ВПО	военно-политическая обстановка
ВПС	мировая военно-политическая система
ВТО	высокоточное оружие
ГЗЛА	гиперзвуковой летательный аппарат
ГНСР МО	группа негативных сценариев развития международной обстановки
ГНСЦР МО	группа нейтральных сценариев развития международной обстановки
ГПСР МО	группа позитивных сценариев развития международной обстановки
ГПУ	грунтовые пусковые установки
ЕврАзЭС	Евразийское экономическое сообщество
ЕС	Европейский союз
ЕТП	единое транспортное пространство
ИКАО	Международная организация гражданской авиации
КР	крылатая ракета
КСП ПРО	комплекс средств преодоления ПРО
ЛАГ	Лига арабских государств
МБР	межконтинентальные баллистические ракеты
МО	Международная обстановка

Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития

НАТО	Организация Североатлантического договора
НТП	научно-технический прогресс
НЧК	национальный человеческий капитал
ОАЭ	Объединенные Арабские Эмираты
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВД	Организация Варшавского договора
ОДЭР	Организация за демократию и экономическое развитие
ООН	Организация Объединенных Наций
ОЭСР	Организации экономического сотрудничества и развития
ПРО	противоракетная оборона
РЛС	радиолокационная станция
СААРК	Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии
СВА	Северо-Восточная Азия
СЕ	Совет Европы
СЕАП	Совет евроатлантического партнерства
СЕНКООП	Сотрудничество центральноевропейских государств
СИПРИ	Стокгольмский институт исследования проблем мира
СКР	стратегические крылатые ракеты
СМП	Северный морской путь
СНБ	Совет национальной безопасности США
СНГ	Содружество Независимых Государств
СО	стратегическая обстановка
СПРН	система предупреждения о ракетном нападении
СЯС	Стратегические ядерные силы
ТАП	трансатлантическое партнерство
ТБ	тяжелый бомбардировщик
ТЛУ	транспортно-логистические услуги
ТТП	Транстихоокеанское партнерство
ЦИНК	Центр изучения национальных конфликтов
ЦРУ	Центральное разведывательное управление
ЧЦ	человеческая цивилизация
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
ЮНЕСКО	Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры
ЯБЗ	ядерный боезаряд
CSIS	Центр стратегических и международных исследований
IMO	Международная морская организация
MAD	взаимное гарантированное уничтожение
MRB	ракета средней дальности
NDPP	процесс оборонного планирования в НАТО
PG	политические руководящие указания
SRBM	крылатая ракета малой дальности
THAAD	батарея противоракетной системы
UEWR	система обнаружения и слежения

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

Военное планирование в Российской Федерации — составная часть военных мер организации обороны Российской Федерации, заключающаяся в определении порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, их применения и всестороннего обеспечения. Посредством военного планирования определяется последовательность действий по достижению целей планируемых процессов — ведения обороны, военного строительства, обеспечения обороны, информационного противоборства и управления обороной Российской Федерации.

Военно-политическая обстановка (ВПО) — состояние мировой военно-политической системы в определенный период времени, характеризующееся составом субъектов военной политики, их состоянием и особенностями военно-политических отношений между ними. ВПО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов военно-политических отношений в отношении других.

Военно-политические отношения — процесс взаимодействия субъектов военной политики во внешнеполитической, военной, социально-политической, экономической, идеологической и других сферах, в ходе которого проявляются их национальные, государственные, коалиционные и иные интересы. Военно-политические отношения в каждой сфере взаимодействия представляют собой определенную совокупность акций, мероприятий, проводимых субъектами военной политики в целях реализации своих интересов, достижения определенного их баланса, соотношения. Процесс взаимодействия субъектов военной политики имеет определенные фазы (этапы) развития, различающиеся степенью напряженности военно-политических отношений.

Государственная программа Российской Федерации — система мероприятий (взаимосвязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности, определенных в концепции долгосрочного социально-экономического развития или Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Государственная программа субъекта Российской Федерации — увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс мероприятий, направленный на наиболее эффективное решение задач социально-экономического развития субъекта Российской Федерации.

Государственное прогнозирование — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с участием общественных, научных и иных организаций по разработке научно обоснованных представлений о возможных рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации, направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Государственное стратегическое планирование — деятельность органов государственной власти, с участием общественных, научных и иных организаций направленная на решение стратегических задач.

Государственное стратегическое планирование (стратегическое планирование в Российской Федерации) — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, общественных, научных и иных организаций по государственному прогнозированию, программно-целевому планированию и стратегическому контролю, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности.

Документ государственного стратегического планирования — документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая органами государственной власти и иными участниками государственного стратегического планирования в соответствии с требованиями, установленными нормативными правовыми актами.

Задача социально-экономического развития — ограниченный по времени комплекс взаимосвязанных мероприятий в рамках направления достижения цели социально-экономического развития.

Качественные показатели — субъективные показатели, не поддающиеся количественным измерениям, либо являющиеся производными от таких измерений.

Количественные показатели — физические, экономические, социологические, математические и иные показатели, предполагающие количественное измерение.

Концепция (Стратегия) долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий систему научно обоснованных представлений о долгосрочных целях, внешних и внутренних условиях социально-экономического развития Российской Федерации.

Корректировка документа государственного стратегического планирования — частичное изменение текста документа без изменения периода, на который разрабатывался документ государственного стратегического планирования.

Критическое (пороговое) значение показателя обеспечения национальной безопасности — количественная характеристика угрозы национальной безопасности.

Метод оценки критериев и показателей — психофизический метод оценки степени уверенности (5–7) эксперта в правильности того или иного критерия или показателя.

Методическое обеспечение государственного стратегического планирования — требования и рекомендации по разработке документов государственного стратегического планирования.

Методологическая база военного планирования в Российской Федерации — разработанная (уточненная) в ходе подготовки к очередному этапу военного планирования совокупность процедурных знаний, применяемых для обоснования (прогнозирования) на определенный временной период процессов ведения и обеспечения обороны, военного строительства, информационного противоборства и управления обороной Российской Федерации, системы обеспеченных ресурсами мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации.

Мировая военно-политическая система (ВПС) — совокупность субъектов военной политики, взаимосвязь между которыми осуществляется посредством военно-политических отношений. В структуре мировой ВПС могут выделяться региональные ВПС и внутригосударственные ВПС.

Мониторинг реализации документов государственного стратегического планирования — деятельность по комплексной оценке основных показателей, а также бюджетных обязательств.

Облик военной организации государства — совокупность количественных и качественных параметров (показателей), характеризующих возможности, состав, структуру, численность, техническую оснащенность, а также системы управления и всестороннего обеспечения военной организации.

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного планирования, определяющий задачи социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности на среднесрочную перспективу.

Отраслевой документ государственного стратегического планирования — документ, в котором определены цели, приоритеты и задачи развития и обеспечения национальной безопасности, в соответствующей отрасли или сфере социально-экономического развития Российской Федерации.

План обороны Российской Федерации — комплекс взаимосвязанных документов военного планирования в Российской Федерации, разрабатываемый в целях обоснования и нормативного правового закрепления системы согласованных по срокам и обеспеченных ресурсами военных, правовых, политических, экономических и иных мер, реализация которых позволит обеспечить оборону и безопасность государства.

Планирование ведения обороны Российской Федерации — процесс определения военной организацией государства системы мер по стратегическому сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, вооруженной защите жизненно важных интересов государства от внешних и внутренних угроз.

Планирование военного строительства в Российской Федерации — процесс определения системы мер по строительству и развитию военной организации государства, направленных на перевод органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов, привлекаемых к выполнению задач в области обороны частей производственного и научного комплексов страны, в определенные качественные состояния, позволяющие в условиях планового периода обеспечить оборону и безопасность государства.

Планирование информационного противоборства Российской Федерации — процесс определения комплекса мер, осуществляемых военной организацией государства в интересах обеспечения национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере и достижения политических, экономических, военных и иных целей.

Планирование обеспечения обороны Российской Федерации — процесс выработки решений и разработки на их основе системы мер, определяющих цель, задачи, мероприятия обеспечения деятельности военной организации государства при выполнении ею задач по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации.

Планирование управления обороной Российской Федерации — процесс определения основ управления деятельностью военной организации государства при выполнении ею задач обороны в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время.

Показатели внутригосударственной военно-политической обстановки — данные, позволяющие оценивать состояние и процессы, происходящие в военно-политической, военно-социальной, военно-экономической, научно-технической, технологической и иных областях жизни страны.

Показатели межгосударственной обстановки — данные, по которым можно судить о состоянии и перспективах развития международной ситуации и положения России в мире.

Потенциал государства — совокупность материальных и духовных сил государства и общества.

Принципы стратегического прогнозирования — основные правила, объединяющие в действительности известную совокупность идей, связанных со стратегическим прогнозированием.

Приоритет социально-экономической политики — предпочтительные направления и способ действий по достижению целей социально-экономического развития, исходя из целесообразности, рациональности и эффективности.

Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах научно-технологического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в долгосрочной перспективе.

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития Российской Федерации, в том числе субъектов Российской Федерации, на долгосрочный или среднесрочный период.

Прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный или среднесрочный период.

Прогнозирование социально-экономического развития — деятельность по разработке научно обоснованных представлений о направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, определению параметров социально-экономического развития Российской Федерации, достижение которых обеспечивает реализацию целей социально-экономического развития Российской Федерации и приоритетов социально-экономической политики с учетом задач национальной безопасности.

Программа социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации на среднесрочную перспективу и комплекс мероприятий по их достижению.

Программно-целевое планирование — деятельность, направленная на определение целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, приоритетов социально-экономической политики и национальной безопасности, а также формирование комплексов направленных на достижение этих целей и приоритетов мероприятий с указанием источников их финансового обеспечения.

Результат социально-экономического развития — фактическое (достигнутое) состояние экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое характеризуется количественными и (или) качественными показателями.

Система государственного стратегического планирования — совокупность участников государственного стратегического планирования, взаимоувязанных документов государственного стратегического планирования, характеризующих приоритеты социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, и нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения государственного стратегического планирования.

Система документов государственного стратегического планирования — совокупность взаимосвязанных по стратегическим целям, задачам, срокам и источникам ресурсного обеспечения документов государственного стратегического планирования.

Стратегическая обстановка — вид военно-политической обстановки, представляющий собой состояние мировой (региональной, внутригосударственной) ВПС в определенный период времени в ходе военного конфликта между субъектами военной политики (фаза развития военно-политических отношений — военный конфликт). Стратегическая обстановка характеризуется особенностями, масштабами и ходом военных действий, возможностями и условиями их прекращения или расширения, факторами, влияющими на их ход и результаты.

Стратегические национальные приоритеты — важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляется устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности.

Стратегический прогноз рисков социально-экономического развития Российской Федерации и угроз обеспечения национальной безопасности — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о возможных стратегических рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации.

Стратегическое сдерживание — разработка и системная реализация комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства — агрессора (коалиции государств) в интересах обеспечения военной безопасности страны.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий стратегические национальные приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующий состояние национальной безопасности и уровень развития государства на долгосрочную перспективу.

Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели, приоритеты социально-экономической политики и задачи социально-экономического развития субъекта Российской Федерации в долгосрочной перспективе.

Структура сценариев развития ВПО — последовательная совокупность действий элементов и субъектов ВПО и эволюция их устойчивых взаимосвязей как единой системы, обеспечивающих ее целостность и сохранение основных свойств при самых различных вариантах изменения внутреннего и внешнего характера.

Структура сценария — последовательная совокупность действий (актов, сцен, сюжетов).

Субъекты военной политики — государства, коалиции государств (военно-политические союзы), вооруженные силы государств, вооруженные формирования, не имеющие международного правового статуса, способные вырабатывать свою политику и генерировать различные мероприятия и действия, с помощью которых должны решаться политические задачи и достигаться поставленные политические цели.

Сценарий — детальный план (проект), существующий в виде документа (пакета документов) или набора идей относительно долгосрочных политических и иных целей.

Сценарий развития военно-политической обстановки — это описание изменения состояния мировой военно-политической системы в течение заданного периода времени при определенных (возможных, наиболее вероятных) уровнях действия влияющих факторов (политических, военных, экономических, идеологических и др.).

Сценарий текущей и прогнозируемой ВПО — существующий и будущий детальный план с участием основных действующих субъектов развития ВПО.

Характер внешних угроз — разновидность типов угроз, зависящих от сферы их возникновения: политических, экономических, военных.

Характер войн и вооруженных конфликтов — структура относительно устойчивых связей, определяющих цели войн, средства достижения этих целей и масштабы военных действий.

Цель социально-экономического развития — достижение состояния экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое определяется участниками государственного стратегического планирования в качестве ориентира своей деятельности и характеризуется количественными и (или) качественными показателями.

Человеческая цивилизация (ЧЦ) — локализованное по времени и пространству современное человеческое сообщество, объединяющее нации, государства и отдельные социумы. В данной работе рассматриваются две основные формы ЧЦ: **глобальная ЧЦ**, как совокупная современная общность людей проживающих на планете, **локальная ЧЦ** — часть современно глобальной цивилизации, объединяющая цивилизационно близких людей.

Шкалы количественных и качественных показателей — оценка того или иного показателя для измерения его значения.

ВВЕДЕНИЕ

Мой вывод таков: на мировой арене Америка всегда должна вести всех за собой. Если мы не возьмем на себя эту роль, то ее возьмет кто-то другой¹.

Б. Обама,
Президент США

Население России примерно вдвое меньше населения США, так что и в относительных цифрах секретная Америка больше секретной России².

авторы книги
«Венчурные фонды»

Разработка системных сценарных прогнозов развития международных и внутренних военных конфликтов на долгосрочный период становится возможной после детальной проработки вероятностных вариантов развития всей нынешней человеческой цивилизации (ЧЦ), международной обстановки (МО), собственно военно-политической обстановки (ВПО) и стратегической обстановки (СО).

Долгосрочный сценарный прогноз развития ВПО и СО вытекает из строго логической последовательности, которая не предполагает исключения какого-либо предшествующего этапа³. Так, необходимый стратегический прогнозный сценарий развития ВПО можно сделать только на основе комплекса сценариев развития МО. При этом, как показывает политическая практика, должны учитываться не только факторы, поддающиеся количественной оценке, в том числе статистические данные, но и другие явления, которые оказывают, даже более серьезное влияние на ход исторического процесса⁴.

При этом важно изначально подчеркнуть два важных обстоятельства.

Во-первых, количество вариантов на каждом из последующих этапов разработки про-

Логическая схема последовательности разработки стратегических прогнозов сценариев развития ВПО и СО

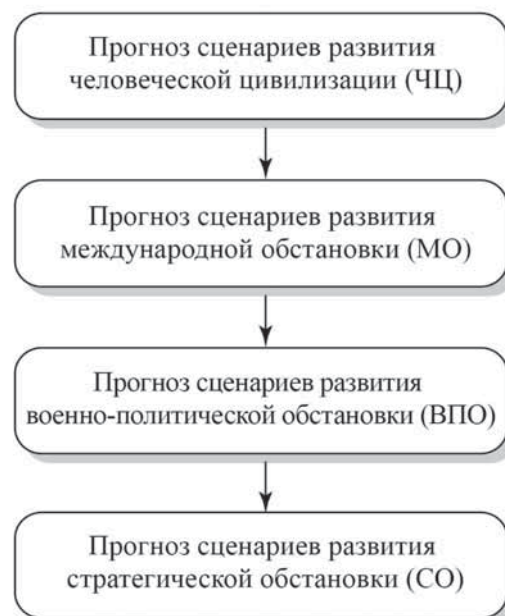

Рис. 1.

гнозных сценариев будет всегда больше, чем на предшествующем этапе. Например, количество основных стратегических прогнозных сценариев

Логическая схема последовательности долгосрочного прогноза развития сценариев

Рис. 2.

развития человеческой цивилизации насчитывает пять базовых вариантов. В этом случае суммарное количество прогнозов развития МО, вытекающих из этих пяти базовых вариантов, всегда будет в несколько раз больше.

Соответственно, количество сценарных прогнозов развития ВПО и СО будет зависеть от количества прогнозов на уровнях ЧЦ и МО.

Во-вторых, следует разделить понятия «возможный сценарий» и «вероятный сценарий» для того, чтобы полнее учитывать все последующие возможные и вероятные прогнозные сценарии. Особенно, если речь идет о прогнозах после 2050 годов, когда даже наименее вероятный прогноз может быть реализован. Описывая наиболее вероятные сценарии, нельзя игнорировать любой теоретически возможный сценарий развития. Эту мысль можно проиллюстрировать на следующем рисунке, попытавшись условно разделить «возможные сценарии» на «вероятные» и «малореальные» (рис. 2).

На этом этапе важно попытаться учесть все возможные варианты развития сценариев, особенно если речь идет о периоде после 2050 годов, когда могут полностью измениться парадигмы развития ЧЦ, МО, ВПО и СО.

В этом случае Логическая схема последовательности долгосрочных прогнозов может существенно измениться: к середине века те сценарии

развития ЧЦ, МО и ВПО, а тем более СО, которые казались во втором десятилетии малореальными, либо вообще не учитывались, могут стать главными. Так, развитие ВПО в Европе в 2014 году в связи с событиями на Украине совершенно не рассматривалось в качестве одного из возможных сценариев вплоть до настоящего времени хотя такие сценарии существовали еще в 80-е годы в СССР). Предлагаемые сегодня некоторые сценарии развития ВПО и СО (например, РЭНД) исходят уже из формирования трех фронтов — в АТР, Европе и СНГ, — против России.

В этой связи матрицы стратегического прогноза до 2030 годов и 2050 годов существенно отличаются друг от друга. Если первая во многом детерминирована и инерционна уже существующим соотношением сил, качеством и количеством ВиВТ и соответствующими отношениями в МО, то во втором случае ситуация качественно иная.

Ошибка, которая может вытекать из игнорирования возможных сценариев более высокого уровня, способна привести к значительным искажениям последующих прогнозов. В этой связи очень важно изначально, рассматривая всю вертикаль прогнозов, не исключить даже теоретически маловероятный сценарий, который способен стимулировать важные, оригинальные идеи и оценки. Так, например, если

проигнорировать достаточно маловероятный сценарий развития ЧЦ, вытекающий из космической (астероидной и пр.) опасности, то можно недооценить возможные варианты глобального международного сотрудничества, разработки единой системы обороны и т. д.

Поэтому «приближаться» к стратегическим прогнозам и сценариям развития ВПО и СО необходимо строго последовательно, с учетом итогов анализа основных вариантов развития ЧЦ и МО.

В долгосрочной перспективе существует несколько основных сценариев возможного развития человеческой цивилизации (ЧЦ), в рамках каждого из которых должны разрабатываться несколько (три, как минимум) сценариев развития МО. В свою очередь каждый из этих сценариев должен стать основой для проработки нескольких прогнозных вариантов развития ВПО и, соответственно, СО.

Это можно изобразить на рисунке следующим образом в качестве иллюстрации последовательного развития только одного из возможных сценариев развития человеческой цивилизации (ЧЦ), не анализируя его по двум другим критериям — «вероятный» и «маловероятный», «до 2030 годов» и «после 2050 годов». (рис. 3)

Логическая последовательность развития одного из сценариев ЧЦ

Рис. 3.

Вместе с тем, рассматривая даже один из сценариев первого этапа, необходимо будет четко определиться как по временному периоду прогноза («до 2030 годов», «после 2050-х годов»

и т. д.) так как не только вероятность, но даже теоретическая возможность развития того или иного сценария будет зависеть непосредственно от этого, а, значит, не может быть игнорированием. Так, например, первый этап сценария развития ЧЦ «деградация человечества» применительно к 2030 годам не может быть вообще ни возможным, ни вероятным, так как такие глобальные изменения не происходят за столь короткий период как 15 лет. Но начало такого периода вполне может быть обозначено, а, значит и соответствующая вероятность развития сценария МО.

Вместе с тем, если выделить из сценария развития ЧЦ «глобальный» и «локальный» фрагменты, то такие сценарии вполне возможны, а именно: даже за 15 лет можно обнаружить явные признаки вырождения локальной ЧЦ (западной, например).

Как видно из этой логической схемы, принципиально важно изначально четко выделить базовые сценарии развития ЧЦ, а затем основные прогнозные варианты развития МО для каждого из сценариев развития ЧЦ и т. д. вплоть до прогнозных сценариев развития СО. При этом заведомое исключение из потенциальных прогнозов сценариев более высокого уровня означает последовательное исключение всех остальных прогнозов сценария и их вариантов.

Так, например, исключение из прогнозных вариантов развития ВПО в конце 80-х годов сценария развала ОВД и СССР, привело к тому, что когда к 1990 году готовился новый вариант Военной доктрины ОВД (который через несколько месяцев уже не потребовался) фактически начал реализовываться сценарий развала ОВД.

Аналогичный пример можно привести и по отношению к стратегическому прогнозированию и планированию развития СССР (которых в конце 80-х годов в ЦК и других органах просто не существовали), хотя в США, например, к концу 80-х годов СНБ уже разработали план последовательного развала СССР. По поводу этого прогноза и плана, состоявшего из 5-и этапов, я безуспешно пытался доложить руководству ЦК (В. Фалину и А. Грачеву) в 1989 году. Тогда соответствующая аналитическая записка была расценена как «антиперестроечная». То же самое произошло со специальной работой, посвященной растущему значению систем боевого управления, связи и разведки и активизирующейся роли ВТО.

Примечательно, что уже осенью 1994 года в США рассекретили и опубликовали вышеупо-

мянутый документ СНБ, который практически текстуально совпал с тем анализом, который я привел в своей записке в 1989 г. в ЦК. Потребовалось, таким образом, всего 5 лет, для того, чтобы стратегический прогноз и сделанная на его основе «дорожная карта» стратегического планирования, были реализованы в 4-х из 5-и этапов.

- Этот последний, пятый этап, предполагал:
- создание вокруг России враждебного окружения из бывших стран-членов ОВД и республик СССР, которые бы обеспечили её изоляцию от внешнего мира, трудности с транспортными коридорами и ограничения в поставках энергоресурсов, а также плацдарм для внутривнутриполитической дестабилизации самой России;
 - дестабилизацию социально-экономической и внутривнутриполитической ситуации в России с ее последующей дезинтеграцией и разделом на ряд самостоятельных государств достаточно враждебных Китаю и друг другу;
 - потерю контроля над транспортными коридорами в Евразии, Северном Ледовитом океане и на Дальнем Востоке, включая трубопроводный транспорт и морские комму-

никации, которые должны были стать экстерриториальными;

- насильственную интеграцию народов России в систему западных ценностей.

Не трудно увидеть, что за последние десятилетия США настойчиво продвигались в реализации 5-го этапа своего плана, о чем красноречиво свидетельствовали события на Украине 2013–2014 годов, когда долгосрочная и расчетливая политика Вашингтона откровенно проявилась и была реализована в самой циничной форме.

В зависимости от реализации того или иного стратегическогосценарного прогноза развития ЧЦ, МО, ВПО и СО может происходить трансформация самых различных форм войн и военных конфликтов. Надо понимать, что значение и роль военной силы, средств и способов ее применения, не только очень гибко меняются и приспосабливаются к политическим и иным изменениям, но и выходят далеко за границы собственно вооруженной борьбы. Силовая политика и политика военной силы соотносятся как общее и частное понятие. Сложность заключается в том, что между ними не существует четких границ (хотя некоторые авторитетные эксперты в России и пытаются их обозначить).

Взаимосвязь силовой политики и применения военной силы

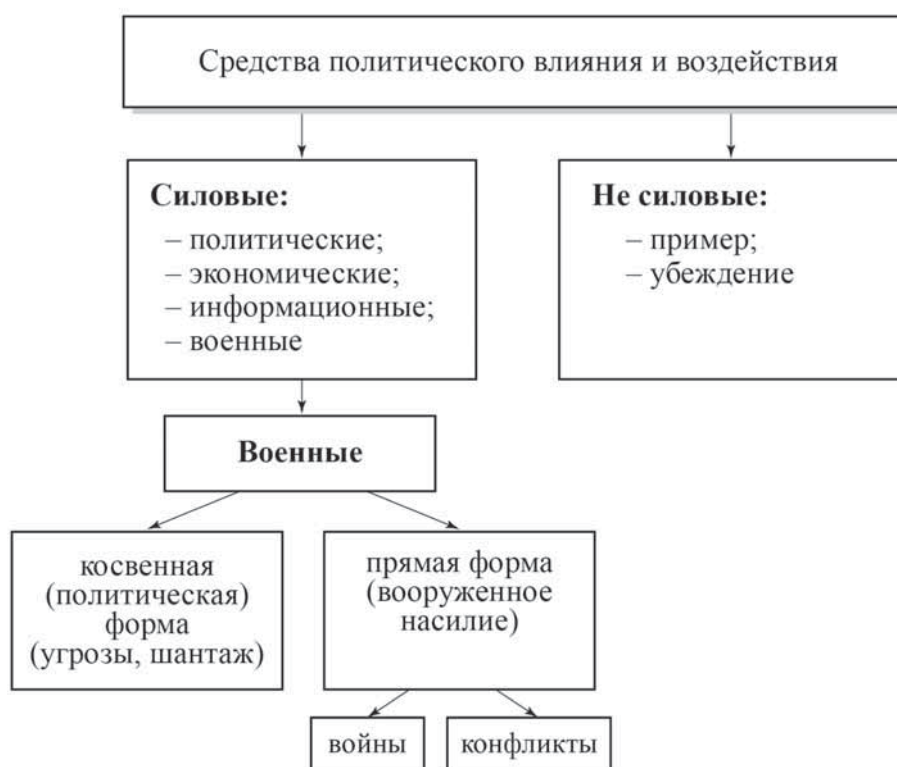

Рис. 4.

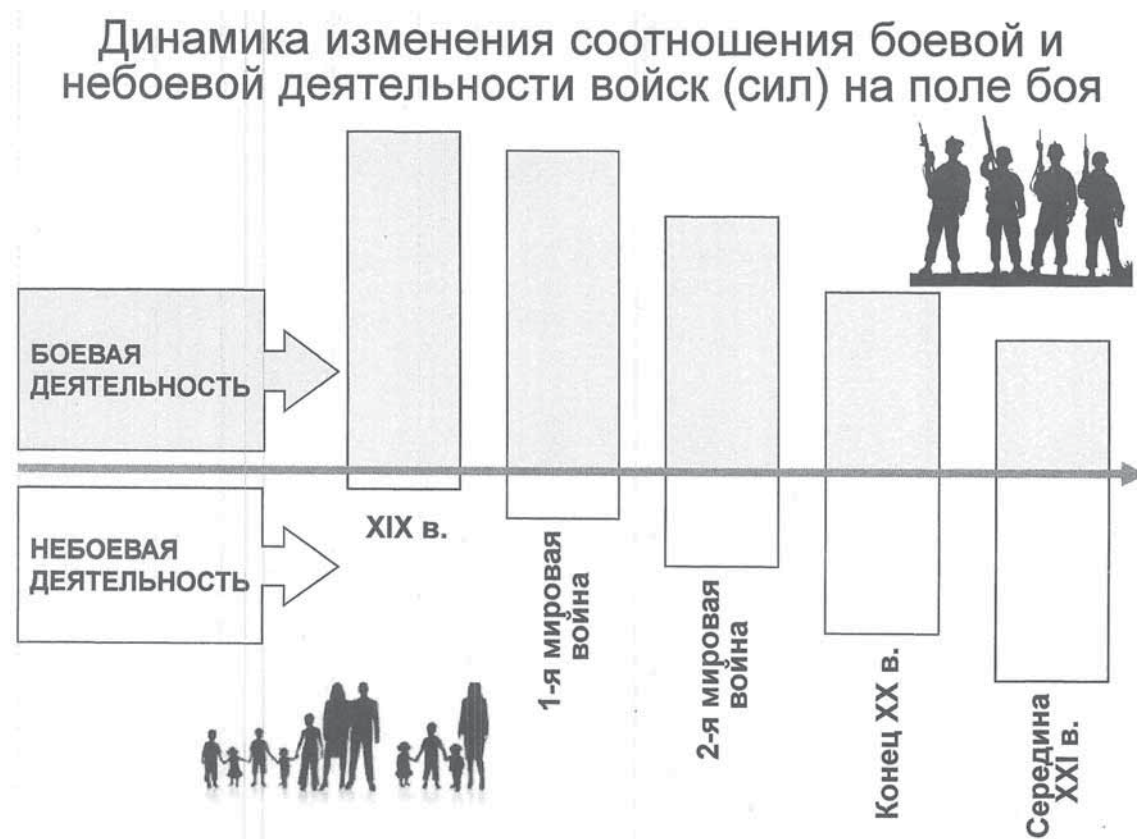

Рис. 5.

Да и сами эти понятия зависят не только от изменений в средствах вооруженной борьбы (ВиВТ) и способах их применения (военное искусство), но и от политических аспектов.

На взгляд автора, диалектика взаимосвязи силовой политики и применения военной силы может быть отображена на следующем рисунке (рис. 4).

Это классическое восприятие в XXI веке претерпело существенные изменения в силу целого ряда причин, которые позволяют в целом сделать вывод о том, что прежние подходы к анализу различных форм войн и военных конфликтов уже не соответствуют реалиям. Прежде всего потому, что в «чистом виде» вооруженное насилие в его самых разных формах встречается достаточно редко — ему предшествует политико-дипломатическая, информационная, экономическая, гуманитарная и иная эскалация, которая постепенно приобретает силовые формы и даже формы вооруженного насилия (захваты зданий редакций газет, экономические санкции, депортации, аресты журналистов, их избивание, уничтожение и т. д.).

Во многом эти перемены объясняются тем, что прямое вооруженное насилие:

- существенно дороже других силовых средств воздействия, например, подготовки враждебных вооруженных формирований;
- менее эффективно с точки зрения достижения конкретных политических целей.

Конфликты в Ливии, Сирии, Ираке и на Украине ярко иллюстрируют такой подход. Он заключается в том, что прямое и явное военное вмешательство США либо отсутствует, либо не привлекает к себе внимания. Войны и конфликты ведутся силовыми средствами, которые не относятся к классическим определениям средств и способов вооруженной борьбы. Так, в Ираке порядка 300 американских советников помогают иракской армии противодействовать исламистам. На Украине — примерно такое же количество военных советников, «сухойки» и финансы обеспечивают использование украинских ВС и Национальной гвардии.

Российские эксперты И. Попов и М. Хамзатов отмечают, что в XXI веке существенно изменилось соотношение боевой и небоевой деятельности войск (сил) на поле боя⁵.

Эта схема (рис. 5) в принципе отражает существующую реальность с некоторыми поправками в пользу увеличения удельного веса невоенных

Рис. 6.

средств (невооруженного применения силы). Есть основания полагать, что в XXI веке эта доля существенно превысила долю вооруженного насилия за счет расширения двух областей⁶:

- во-первых, собственно силовых инструментов политико-информационного, общественного, международно-политического, экономического и иного насилия;
- во-вторых, за счет увеличения доли невооруженного насилия в собственно вооруженных формах воздействия. Так, произошло, например, изменение объектов применения военной силы. Если прежде основными объектами были собственно ВС, ВиВТ, а также военно-экономический потенциал, то сегодня основным объектом воздействия стали центры политического и административного руководства и даже элементы гражданской инфраструктуры. Это особенно было видно на примере военных конфликтов в Ливии, Ираке, Сирии и на Украине, где политико-административные центры и гражданское население становились главными объектами нападения. Так, в военном конфликте на Юго-Востоке Украины основными целями официального Киева были руководство, инфраструктура и система жизнеобеспечения

и только затем ополченцы. Это вызывало недоумение у ряда наблюдателей, хотя те же И. Попов и М. Хамзатов говорили об этом задолго до конфликта на Украине, приводя пример так называемых «Пяти колец полковника Уордена»⁷ (рис. 6).

Таким образом, рассматривая в XXI веке традиционно-классические подходы к ведению вооруженной борьбы — войны и силовые конфликты — необходимо вносить существенные, иногда качественные коррективы. Так, например, войны и силовые конфликты сегодня традиционно делятся экспертами, на⁸:

Внешние войны:

- племена против племен;
- государства против государств;
- государств против племен;
- коалиционные войны;
- мировые войны;
- колониальные войны;
- революционные войны;
- религиозные войны;
- террористические войны;
- миротворческие операции;
- гуманитарные интервенции и т. д.

Между тем такое традиционное деление уже не вполне оправдано, хотя бы потому, что

практически все последние войны (в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, на Украине) трудно отнести к какой-либо форме таких внешних войн. Современные внешние войны отличаются, как минимум, следующими особенностями:

- как правило, воюющие государства не находятся де-юре в состоянии войны, а иногда даже сохраняют определенный уровень политических, дипломатических, экономических, гуманитарных и иных отношений. Другими словами, против государства воюет нередко неизвестный, по сути, противник;
- как правило, не существует какого-то единого центра управления войной или конфликтом. Действительный центр или центры, в которых принимаются решения, в значительной степени скрыт от противоположной стороны;
- как правило, неясны источники финансирования, поставок ВиВТ, которые изначально имеют ложные адреса;
- как правило, не вполне понятны масштабы используемых противником вооруженных сил, их базы, их система подготовки.

Сказанное означает, что подготовка к внешним войнам в будущем должна радикально отличаться от традиционной подготовки, когда все внимание уделяется развитию ВС, ВиВТ и тем требованиям, которые существовали в XX веке. Уже война в Афганистане, Чечне и на Украине показала, что эти требования устарели.

Трудно согласиться и с традиционным делением внутренних войн, сохранившихся до настоящего времени. В частности, российские эксперты делят **внутренние войны** на следующие виды:

- гражданские войны;
- освободительные войны;
- крестьянские восстания;
- национально-освободительные восстания и войны;
- восстания рабов;
- мятежи и бунты;
- военные перевороты⁹.

Между тем в XXI веке мы редко встречаем «в чистом виде» такие внутренние войны. Даже категория «мятежи и бунты» приобрела в большей степени информационно-политическое значение, которое определяется не характером конфликта, а отношением к нему правящей элиты или редакционной политикой того или

иного СМИ. Типичный пример — новейшая Украина, — смена власти в которой, в разных странах определялась как «революция», «мятеж» и «военный переворот». Причем эти определения могли меняться в зависимости от разных событий, например, результативности тех или иных переговоров.

Соответственно радикально менялись и представления об эффективности тех или иных типов ВС, ВиВТ. Так, в США и во Франции только за 23 года второго десятилетия XXI века были не только созданы, но и увеличена на 300–500 %, численность киберкомандования, в т. ч. спешно мобилизовались гражданские IT-специалисты и даже хакеры¹⁰.

Наиболее универсальным и наиболее соответствующим современным реалиям остается определение **«смешанные виды войн»**;

Это определение вооруженного конфликта и войны относится практически к любой войне или конфликту второй половины XX века или начала XXI века.

Трудно поддаются классификации современные войны по своим пространственным и временным масштабам. Так, эксперты делят их на **«иные способы классификации войн»**:

- локальные;
- региональные;
- глобальные;
- **по длительности** и т. д.¹¹

Между тем представляется, что в XXI веке основным типом крупной войны становится «системная» война, которая охватывает всю (без исключения) планету, воздушное морское пространство, космос и, возможно, подземные пространства.

Наконец, вряд ли возможно сохранять и традиционное деление войн и силовых конфликтов по интенсивности или потерям. Например, эксперты обычно делят войны **по интенсивности** (которую так же измеряют путем соотношения «битвы» на единицу времени, например, месяц);

- **по потерям** и т. д.

Между тем подсчет «количества битв» теряет смысл, когда конфронтация (например, в кибер- или информпространстве) ведется ежеминутно, не прекращаясь. Более того, неизвестно, когда такие «битвы» начинаются и когда заканчиваются. Похоже, что они уже становятся постоянными, в том числе между союзными государствами.

Среди таких войн и конфликтов особенно примечательными стали после Второй

Мировой войны, т. н. бескровные конфликты, асимметричные войны, когда одна из сторон имеет подавляющее техническое, организационное, численное и иное преимущество. В этом случае другой стороне силового конфликта приходится прибегать к несимметричным видам войны.

Это означает, что в зависимости от соответствующих сценариев развития ЧЦ, МО и ВПО будут трансформироваться и различные формы войн, а также международные и внутренние военные конфликты. Так, асимметричные войны

стали реальностью во второй половине XX века и общим правилом — в XXI веке. Можно сказать, что за последние 25 лет ни одна война в мире не была «симметричной» в традиционном смысле слова.

Таким образом, существенно изменились в XXI веке формы войн и конфликтов, однако в еще большей степени они изменятся к 2030 году, а тем более, к середине 2050 годов.

Можно твердо утверждать, что к середине нынешнего века восторжествует совершенно новая парадигма войн.

¹ Обама Б. Выступление в академии Вест-Пойнта. 2014. 28 мая // ИТАР-ТАСС / <http://itar-tass.com/>

² Венчурные фонды. М.: МФТИ. 2012. С. 20.

³ См. подробнее: Подберезкин А. И. Предложения по сценариям развития ЧЦ, МО, ВПО и СО / Интр. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 2 июля / <http://eurasian-defence.ru>

⁴ См. например нематериальные факторы, оказавшие влияние на развитие России, описанные в следующих работах: Подберезкин А. И. Стратегия для будущего президента России: Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». Москва, 2000; Подберезкин А. И. Человеческий капитал. Москва. 2007. Том I. Идеология опережающего развития человеческого потенциала; Подберезкин А. И., Стреляев С., Хохлов О., Ястребов Я. Москва. 2004; Подберезкин А. И. Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». РАУ-Корпорация. Москва. 1996.

⁵ Попов И. М., Хамзатов М. М. Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государств / Доклад И. М. Попова на научной конференции в МГИМО(У) МИД РФ. 2014. Апрель / <http://eurasian-defence.ru>. 2014. 2 июня.

⁶ См. подробнее: Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М. МГИМО(У). 2014.

⁷ Попов И. М., Хамзатов М. М. Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государств / Доклад И. М. Попова на научной конференции в МГИМО(У) МИД РФ. 2014. Апрель / <http://eurasian-defence.ru>. 2014. 2 июня.

⁸ Война и ее виды / <http://www.warconflict.ru/>

⁹ Там же.

¹⁰ Уриновский А. Киберармии США не хватает хакеров / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 5 февраля / <http://eurasian-defence.ru>

¹¹ Война и ее виды / <http://www.warconflict.ru/>

ГЛАВА 1

МЕТОДИКИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Когда достигаешь цели, понимаешь, что путь и был целью.

*Поль Валери,
французский философ*

Велика вероятность новой волны конфликтов,
сопровождающих дрейф «глобального центра силы» от США к Китаю...¹.

*Д. Белоусов,
экономист*

Методики сценарного прогнозирования развития военно-политической обстановки (ВПО) вытекают из общих методов стратегического прогнозирования и способов долгосрочного прогноза человеческой цивилизации и международной обстановки (ЧЦ и МО), являясь как их частными проекциями, с одной стороны, так и вполне самостоятельным, специфическим, инструментарием стратегического военно-политического исследования, — с другой.

Этим объясняется то обстоятельство, что прежде чем обратиться к собственно методикам анализа и прогноза ВПО и СО, необходимо рассмотреть более общие методы анализа и стратегического прогнозирования развития ЧЦ и МО. Тем более это условие справедливо для решения вполне конкретной задачи стратегического прогнозирования и военного планирования России.

В самом общем виде логика данного подхода заключается в следующем:

- **во-первых**, выделение вероятных сценариев развития ЧЦ до 2030 и 2050-х годов XXI века;

- **во-вторых**, определение для каждого из этих сценариев развития ЧЦ вариантов сценариев развития МО;
- **в-третьих**, выделение из каждого из сценариев развития МО вариантов развития ВПО и, если возможно, СО;
- **в-четвертых**, подготовка вариантов стратегического прогноза и планирования для России и ее союзников в отношении каждого из вариантов развития ВПО.

Надо ясно понимать, что в США и НАТО ведут настойчивую работу по стратегическому прогнозированию и проработке сценариев развития ВПО на этот период. В частности, на саммите стран НАТО в Чикаго (май, 2012 г.) был принят пакет мер под названием «Силы НАТО-2020». Как отмечает исследователь этой проблемы В. Поздняк: «В практическом плане речь, разумеется, не идет о неких умозрительных идеальных качествах, но многоступенчатом и «многослойном» процессе оборонного планирования, в котором

имеется несколько взаимоизменяющихся параметров и временных «горизонтов». Последние включают 2010 год как стартовую линию (принятие Стратегической концепции), 2020 год как среднесрочный целевой горизонт, когда планирование носит более реалистический (и в меньшей степени гипотетический) характер, а также более дальний «виртуальный» горизонт как прогноз стратегической обстановки после 2020 г. Долгосрочные стратегические прогнозы обстановки задают предполагаемые будущие рамки операций, которые, в свою очередь, позволяют ориентировочно планировать требуемые силы и средства. Однако реальные возможности — прежде всего, объективно ограниченные финансовые и экономические ресурсы сегодняшнего дня и ближайшего будущего («горизонт настоящего») — вносят в данную схему существенные коррективы, ограничивая и конкретизируя как цели, так и средства и способы их достижения².

На рисунке ниже схематично представлены основные структурные элементы и этапы стратегического военного планирования НАТО до 2020 г. и на дальнейшую перспективу в увязке с предлагаемыми средствами и способами достижения поставленных целей.

Общая структура стратегического планирования НАТО до 2020–2030 гг.

Рис. 1.³

Как пишет В. Поздняк, «Чтобы получить наиболее качественное коллективное видение долговременной перспективы, служащей ориентиром для постоянного совершенствования и сохранения боеспособности организации, Командование ОВС НАТО по трансформации возглавило группу по изучению основных сценариев будущего, в которую вошли представители Командования ОВС НАТО по операциям, Международного секретариата и Международного военного штаба. Задачами данной группы является проведение анализа стратегических прогнозов, который выступает в качестве общего понимания будущей среды безопасности, а также выработка Рамочного подхода к будущим операциям альянса. Он опирается на несколько проведенных за последние годы несколько масштабных исследований, в частности, — «Исследование НАТО о долгосрочных потребностях» (NATO LongTermRequirementsStudy), а также проекты «Многовариантное будущее» (MultipleFuturesProject) и «Объединенные операции НАТО-2030» (NATO JointOperations 2030). На основе уже подготовленного предварительного варианта Анализа стратегических прогнозов (АСП), охватывающего перспективу до 2030 г. был сделан вывод о том, что будущее будет характеризоваться сложностью, неопределенностью, рисками и опасностями, вызываемыми быстрым темпом социальных, научных и технологических изменений в результате инноваций»⁴.

В XXI веке становится все более очевидным, что один из сценариев развития ЧЦ предполагает дальнейшее обострение сверхсложных цивилизационных конфликтов. Причем питается такое обострение неоднозначными глубинными факторами и причинами. Так, вооруженный конфликт на Украине в 2014 году можно рассматривать как переплетение и развитие различных сценарных вариантов. Собственно именно об этом в июне 2014 года писал, например, З. Бжезинский буквально следующее: «То, что мы сейчас наблюдаем на Украине, это, с моей точки зрения, не просто ссора, а симптом более серьезной проблемы — а именно, постепенного и устойчивого подъема российского квази-мистического шовинизма, который продолжается уже в течение шести или семи лет. Главную роль в этом сыграл Путин, и содержание этой новой концепции полностью определяет отношения России с миром в целом и с Западом в частности...»⁵.

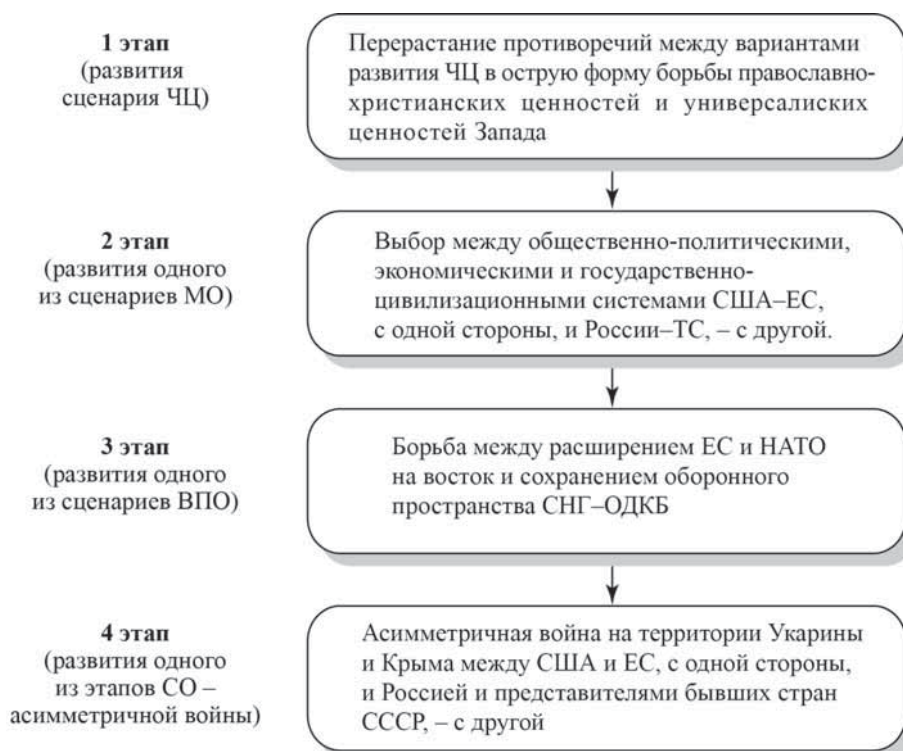
3. Бжезинский видит в этом явную угрозу для Запада. Эту угрозу он описывает следующим образом: «Не менее важной является убежденность в том, что Россия не входит в состав западной цивилизации. Она также не является частью Китая. Она не является частью мусульманского мира. Считается, что Россия сама по себе является великой цивилизацией. Понятие «мировой цивилизации» включает в себя ряд принципов, некоторые из которых еще неизвестны в нашем обществе, таких как, к примеру, сильная приверженность к определенному религиозному учению, гораздо более сильная, чем на Западе, где религия представляет собой часть более сложного общественного устройства. Суть заключается в том, что великая русская цивилизация отстаивает определенные базовые ценности, не только религиозные, но и ценности, касающиеся межличностных отношений — к примеру, осуждение изменений в отношениях между полами и внутри полов, которые в настоящее время происходят в мире. В результате Россия защищает сохранность определенных базовых убеждений, которые всегда характеризовали христианство, но с точки зрения россиян, то христианство сегодня предаёт свои основополагающие принципы. Итак, мы имеем дело с полноценным мировоззрением — амбициозным мировоззрением, которое оправдывает утверждение о том, что Россия — это мировая держава. И ничто в меж-

дународном диалоге с Западом не задевало г-на Путина так сильно, как слова президента Обамы, который назвал Россию сильной региональной державой. Более обидной характеристики он дать не мог»⁶.

Другими словами, угроза России заключается уже в том, что она посмела идентифицировать себя как самостоятельную цивилизацию и заявить о наличии своей системы ценностей.

В этой связи можно говорить о возвращении к идеологии, но уже не по партийно-социальной шкале, а цивилизационно-национальной. До некоторой степени, видами идеологической войны становятся войны информационные, психологические, даже сетевые и кибернетические. Причем их значение стремительно возрастает. Так, основными объектами противоборства на Украине были теле- и радиовышки, редакции и прочие объекты коммуникации. И это отнюдь не случайно. Еще во время войны в Югославии, Ливии и Сирии эти объекты становились приоритетными целями. Не случайно, что в ходе вооруженной борьбы на Украине в 2014 году активно использовались социальные сети, дезинформация, целенаправленное распространение слухов, кибернетическое оружие, даже попытки вывести из строя спутники связи.

Сохраняются в XXI веке и традиционные деления войн и вооруженных конфликтов. Так, правомерно остается деление на справедливые

и несправедливые войны, но эта классификация становится еще более субъективной в связи с возможностями СМИ исказить реальную действительность.

Есть основания полагать, что к 2030 году ведущие страны мира будут бороться за лидирующие позиции в глобальных процессах формирования общественного мнения в нужном для себя ракурсе. Такая информационно-психологическая подготовка уже ведется в США и НАТО и доказала свою высокую эффективность, особенно на ранних стадиях вооруженного конфликта — от нескольких недель до нескольких месяцев. Надо полагать, что это направление военного планирования не только сохранит свою приоритетность, но и может стать доминирующим в военной политике развитых государств.

Таким образом, предстоит последовательно решить три группы проблем, связанных как с анализом текущего состояния человеческой цивилизации, МО, ВПО и СО, так и вероятного прогноза их развития в долгосрочной перспективе, а именно:

- системный анализ прогнозных сценариев развития человеческой цивилизации (ЧЦ) в широком философско-культурологическом, политико-историческом и ином аспектах. Целью такого анализа должно стать вычленение наиболее вероятных сценариев эволюции ЧЦ, на основе которых, в свою очередь, должны будут формироваться сценарные векторы развития МО;
- системный анализ прогнозных сценариев развития МО в широком контексте политических, экономических, военных, социально-демографических, финансовых, информационных, научно-технических и иных факторов;
- системный анализ прогнозных сценариев развития ВПО как одной из подсистем военно-политической системы МО и основы для выработки сценариев трансформации СО. Вряд ли возможен конкретный прогноз сценарных вариантов развития СО на 2030, а тем более 2050 годы, которые в силу огромного количества переменных величин сегодня трудно поддаются практическому анализу.

Такой анализ имеет не только теоретическое и методологическое, но и совершенно конкретное, прикладное значение для России, так как он должен стать основой общенационального стра-

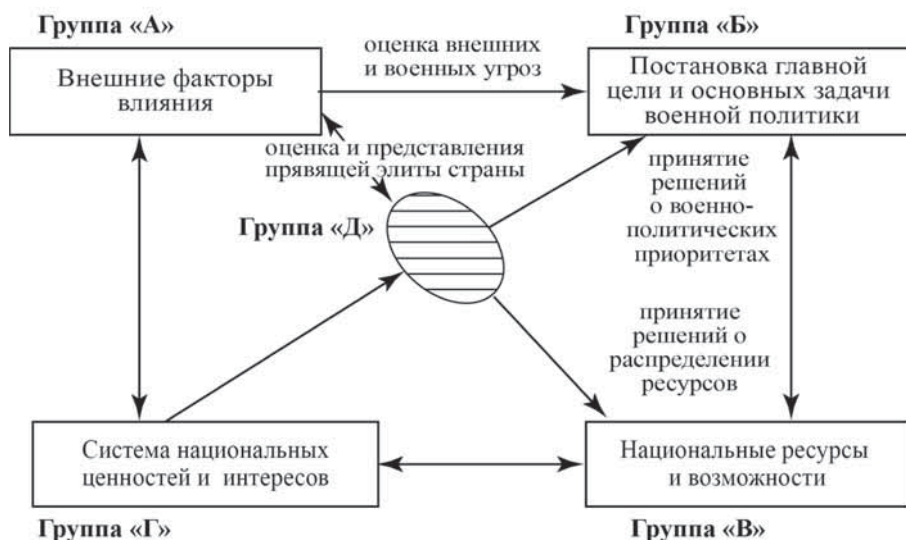
тегического прогнозирования и стратегического, военно-политического, научно-технического планирования на долгосрочную перспективу. Есть основания полагать, что тщательно проработанные сценарии развития ЧЦ, МО и ВПО обязательны для подготовки долгосрочных социально-экономических, «инновационных» и пр. «невоенных» общенациональных прогнозов. До недавнего времени многие из этих внешних факторов практически не учитывались.

Однако, именно эта, группа «внешних» факторов оказывает решающее влияние на:

- а) цели политической национальной стратегии, которые должны не только корректироваться, но и меняться под воздействием изменений внешней обстановки;
- б) распределение национальных ресурсов в зависимости от приоритетности решения задач. Так, присоединение Крыма в 2014 году потребовало, как и в целом конфликт на Украине, выделения сотен миллиардов рублей на ранее не запланированные расходы;
- в) представления правящей элиты о национальной стратегии страны. В этой связи характерен пример влияния конфликта на Украине на всю национальную систему ценностей и отношение к ней правящей элиты в России, что проявилось практически во всех областях — от ОПК до системы образования.

Таким образом, «внешние» факторы формирующие среду для существования нации и российского государства, оказывают сложное и системное влияние, часть из которого реализуется в развитии сценариев МО и ВПО, а другая — влияет на сами процессы формирования ЧЦ, МО и ВПО. Как видно из известного рисунка, в котором описана логическая модель политического процесса⁷, группа «внешних» факторов непосредственно оказывает влияние на указанные выше факторы политического процесса. Причем внешнее влияние воздействует на внутренние факторы по-разному. Если оно прямо и непосредственно влияет на политику и стратегию государств (прежде всего через формулирование политических целей, а также на более консервативную составляющую — систему ценностей и национальных интересов, — то на представления правящей элиты это влияние может быть очень сильным и, главное, динамичным (так это было в конце 80-х гг. в СССР и в XXI веке — на Украине).

Принципиальная логическая схема политического процесса и принятия решений

И, наоборот, на распределение национальных ресурсов, собственно стратегию, стратегическое планирование и тактику, это влияние может быть опосредованным — через элиту, систему ценностей и формулирование политических целей.

Прогнозные сценарии долгосрочного развития ЧЦ, МО, ВПО и СО, таким образом, крайне важны для стратегического прогнозирования и планирования, которые решающим образом обуславливаются внешними условиями и факторами. Так, относительно благоприятные

Диапазон возможных вариантов развития геополитической обстановки для России и значение Вооруженных Сил

Рис. 2.

внешние условия позволяют развитым государствам тратить 1 % своего ВВП на оборону и даже КНР — 2 %, в то время как США и Россия тратят более 4 % ВВП на нужды обороны. В условиях обострения МО (т. е. при развитии неблагоприятного сценария) эти расходы могут достигать 8 % ВВП, а в условиях войны — до 40 %.

Соответственно долгосрочное прогнозирование и планирование стратегических приоритетов и национального развития малоэффективно без учета динамики конкретной МО и ВПО. Соответственно, те или иные сценарии развития человеческой цивилизации, МО, ВПО и СО формируют конкретные условия, особенности и характеристики будущих войн и военных конфликтов.

Как справедливо отмечают бывшие советники Начальника Генштаба ВС РФ И. Попов и М. Хамзатов, будущий характер войн, конфликтов и военной организации России во многом предопределяется этими сценариями. Они несколько упрощают внешние условия и сценарии развития ЧЦ, МО и ВПО, объединяя их в несколько вариантов развития геополитической обстановки (3 сценария — положительной и 3 — отрицательной), но в целом это дает существенное представление о системном характере

воздействия внешних факторов (Рис. 2).

Другим существенным недостатком этой схемы является акцент на государство и ВС этого государства, который не может гарантировать безопасность в отрыве от других факторов национальной мощи, прежде всего национального человеческого капитала (НЧК).

Таковыми же недостатками обладают и описания идеи разработки сценариев развития ВС, которые слишком абстрактны, но, тем не менее дают самые общие представления о вариантах (сценариях) развития ВС РФ.

В частности, в вариантах (Сценариях) И. Попова и М. Хамзатова не указаны:

- а) факторы, влияющие на те или иные решения;
- б) значение внешних условий и развития сценариев ЧЦ, МО и ВПО.

Поэтому не вполне ясно, почему, в зависимости от каких причин, принимаются те или иные решения о развитии ВС.

Наконец, не вполне понятно (в связи с рисунком 2) какова роль ВС России при развитии того или иного сценария, например, нужна ли России роль глобальной державы, способной контролировать, в т. ч. военными средствами, всю планету?

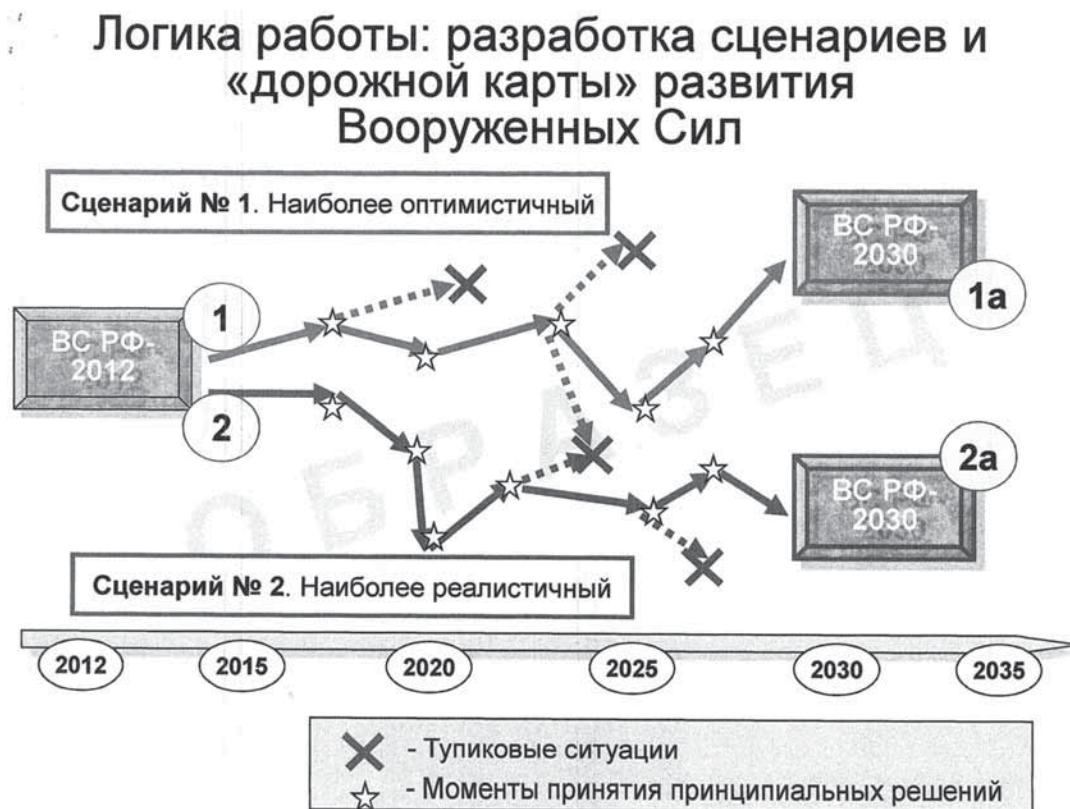

Рис. 3.⁸

Еще большую критику вызывает попытка логического обоснования стратегического облика ВС РФ до 2030 года, опираясь только на внутренние интересы ведомств, которая показана И. Поповым и М. Хамзатовым на следующем рисунке (рис. 4).

Как видно из этого рисунка, смысл которого может разделяться значительной частью правящей российской элиты, будущий прогноз облика ВС формируется министерствами и ведомствами (с участием РАН) в результате использования бюрократических процедур и сложного межведомственного согласования. Видимо И. Попов и М. Хамзатов справедливо хотят подчеркнуть, что выработка будущего облика национальных ВС не является исключительно задачей МО и Генштаба и даже всей военной организации страны, что, естественно, правильно.

Вместе с тем надо отметить, что ни в одном из этих министерств и ведомств нет профессионально работающих коллективов, информационных систем, методов и технологий эффективного стратегического прогнозирования, разработки необходимых сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО, СО. Те немногие существующие сегодня стратегические прогнозные сценарии фактически являются лишь самыми первыми шагами в этой

области, скромными попытками энтузиастов, не обеспеченных ни необходимыми кадрами, ни информацией, ни другими ресурсами.

Поэтому на повестке дня стоит вполне конкретная задача создания такого межведомственного органа, который был бы способен проделать масштабную по своему объему работу, предоставив системные и взаимодополняющие прогнозные сценарии стратегического развития ЧЦ, МО, ВПО и СО, учитывающих самые разные факторы условия — от климатических и демографических до экономических, социальных и психологических.

Пока что мы можем предложить лишь обобщенные и достаточно абстрактные попытки стратегического прогнозирования различных сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО, которые были разработаны в самом общем виде различными учеными, футурологами и писателями в последние годы. Эти прогнозы, сценарии и варианты развития, естественно, способны в лучшем случае выявить и показать основные тенденции, ключевые факторы, влияющие на формирование сценариев в долгосрочной перспективе.

Как следствие такой логики, предложения по сценариям долгосрочного развития ЧЦ, МО, ВПО и СО на период до 2030 и 2050 годов могут

Рис. 4.⁹

вытекать только из анализа долгосрочных тенденций мирового развития и изучения основных вероятных сценариев.

Аналогичный вывод следует сделать и применительно к долгосрочному прогнозу возможного характера войн и вооруженных конфликтов, как внешних, так и внутренних, на тот же период. Этот прогноз может стать следствием анализа и долгосрочного прогноза основных сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО.

Таким образом, набор вариантов стратегических прогнозов и соответствующего стратегического планирования ответных действий России в случае военных конфликтов и военных кризисов зависят, прежде всего, от количества проработанных сценариев развития ЧЦ, производных от них сценариев развития МО; и далее — производных сценариев развития ВПО.

Как уже говорилось, чем выше в иерархии гипотетических вариантов находится тот или иной сценарий (либо отсутствует), тем большее значение он имеет для последующих операций. «Забытая» один из вариантов развития ЧЦ, например, мы изначально отвергаем, как минимум, несколько сценариев развития МО, еще большее количество ВПО и еще большее СО. В конечном итоге, могут быть проигнорированы или неадекватно оценены различные, порой принципиальные, возможные ответные меры со стороны России.

Именно поэтому, анализируя и прогнозируя сценарии развития ВПО и СО на долгосрочную перспективу необходимо особенно ответственно отнестись к стратегическим трендам трансформации ЧЦ и МО.

Этот вывод имеет особенное значение для прогнозирования и планирования ответных мер со стороны военно-политической коалиции по

нейтрализации угроз потенциального противника, так как требует учета, координации и согласования с другими участниками коалиции. Как справедливо отмечают эксперты, «базовые принципы Североатлантического договора, политическая солидарность, взаимные обязательства и единая оборонная стратегия и задачи обеспечения безопасности требуют согласованной процедуры военного планирования и координации планов национальной обороны в общих интересах. Процесс оборонного планирования в НАТО (НДПП — *англ.* NDPP) учитывает множество факторов с целью оптимизации использования национальных и коллективных ресурсов, которые выделяются на реализацию всего спектра задач альянса»¹⁰.

При долгосрочном прогнозировании, разработке сценариев развития ЧЦ наиболее часто используются два наиболее популярных метода:

- методика экспертных оценок, которая, однако, предоставляет наибольший разброс мнений и точек зрения, даже если речь идет не о долгосрочной перспективе, а об актуальном состоянии объекта прогнозирования;
- «дельфийский метод», который, как правило, используется по инициативе ведущих правительственных организаций и крупных фондов.

Особое значение для системного анализа и долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования приобретают целевые информационно-поисковые модели, применяемые для системного поиска, сбора и базового исследования больших массивов информации. Все более важную роль играют и специальные интеллектуальные информационно-управляющие системы, предназначенные для разработки и реализации многомерных рефлексивных стратегий.

1.1. Перспективы стратегических сценарных прогнозов глобального развития

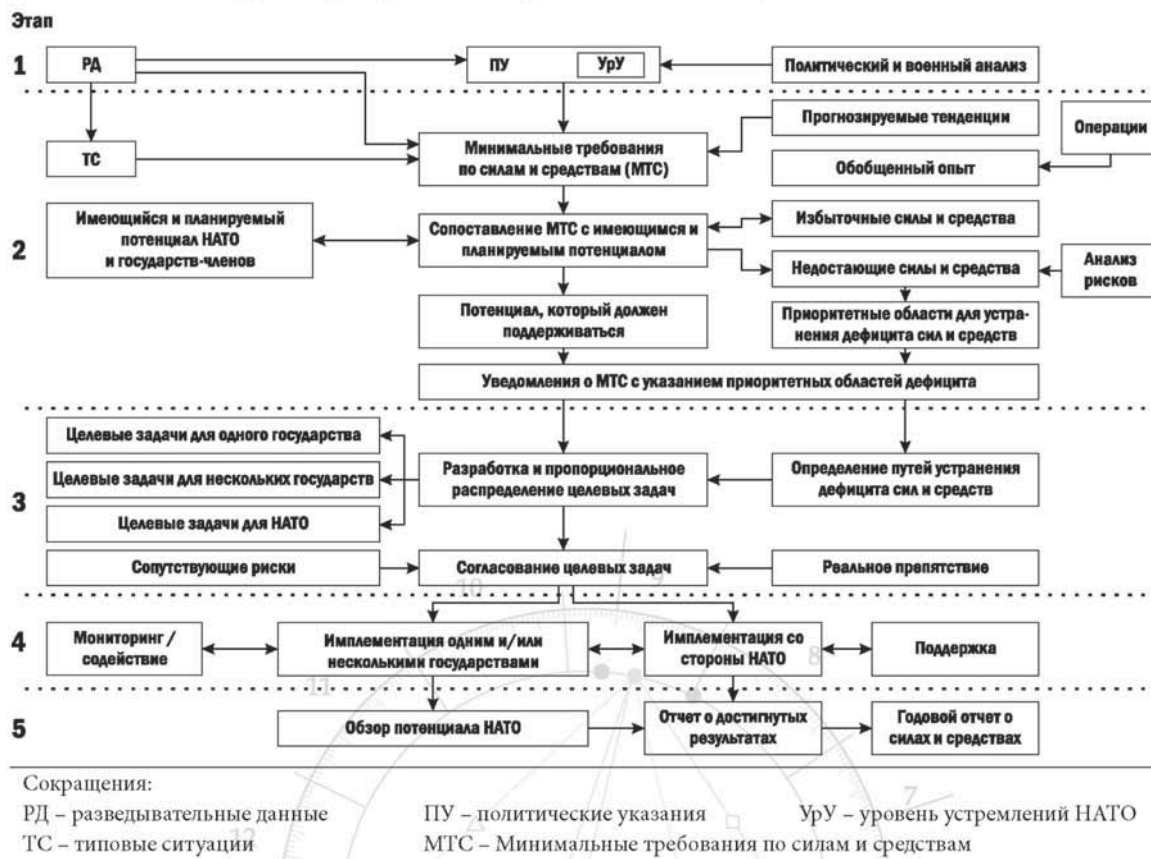
... первую меру должно быть возбуждение народного патриотизма, без которого крепкой боеспособной армии не будет¹¹.

А. Брусилов,
русский полководец

Современное состояние анализа и стратегического прогнозирования сценариев развития ЧЦ и МО в России можно охарактеризовать как бессистемные попытки отдельных

групп энтузиастов и лиц, которые периодически пытаются дать описание основных существующих и будущих тенденций и сценариев развития.

Модель процесса оборонного планирования НАТО

Рис. 5.¹²

Между тем, очевидно, что стратегическое планирование в масштабах всей страны и по отдельным, наиболее важным направлениям, в частности ОПК, не может быть реализовано без учета развития более общих тенденций в мире. Важнейшие исходные условия и критерии будущей ВПО будут определяться теми факторами, которые формируются в рамках более общих мировых и региональных, тенденций.

Это обстоятельство, кстати, в полной мере учитывается в НАТО, где «в рамках всеобъемлющей трансформации альянса в апреле 2009 г. с целью создания механизма для интеграции, гармонизации и повышения эффективности оборонного планирования» западные лидеры утвердили его новую, ныне действующую модель (рис. 5).

Особенность последней состоит в функциональном объединении гражданского и военного подходов к планированию. В июне того же года министры обороны государств-членов утвердили Переходный план по реализации НДПП. В отличие от 7 областей в предыдущей модели новый вариант охватывает уже 13 сфер: проти-

воздушную оборону, управление воздушным движением, вооружения, консультации, командование и управление — «СЗ», гражданское чрезвычайное планирование, войска, разведку, тыловое обеспечение, медицинское обеспечение, ядерное оружие, исследования и технологии, ресурсы и стандартизацию.

НДПП служит механизмом для гармонизации процессов оборонного планирования в НАТО и государствах-членах. Он имеет четырехлетний цикл, в течение которого с установленной последовательностью и допустимым вариативностью выполняется 5 следующих этапов (рис. 6):

Несколько этапов могут реализовываться одновременно. Так, например, этап 4 является не только относительно самостоятельным, но выполняет также функции поддержки параллельно всем остальным этапам¹³.

Каждый цикл НДПП начинается с разработки политических руководящих указаний (ПГ), которые охватывают все сферы планирования и устанавливают уровень устремле-

**Этапы цикла оборонного планирования НАТО
согласно новой модели процесса оборонного
планирования НАТО (Outline Model for a NATO
Defence Planning Process – ПО (2009)004)**

Рис. 6.

создаваемых потенциалов и определению целевых задач в соответствии с согласованными потребностями и с учетом особенностей текущего экономического и военно-политического контекста¹⁴

Постоянное совершенствование общего процесса планирования сопровождается сокращением и оптимизацией участвующих в нем структур и способствует гармонизации и интеграции национальных и союзных планов, устраняя дублирование, улучшая координацию действий и,

The map illustrates the NATO command structure in Europe. At the top, two main command centers are highlighted: the **NATO Transformation Command** (Norfolk, Virginia, USA) and the **NATO Strategic Command** (Mons, Belgium). Below these, several regional and functional command centers are shown, each with its subordinate units. The map also labels major bodies of water (Atlantic Ocean, North Sea, Mediterranean Sea) and various NATO member states and territories (Norfolk, Berlin, Brussels, Rome, Madrid, Naples, Ankara, etc.).

- Командование НАТО по трансформации** (Норфолк, Вирджиния, США)
- Стратегическое командование НАТО по операциям** (Монс, Бельгия)
- Штаб командования ВВС НАТО в Европе** (Брюссель, Бельгия)
- Штаб командования ВМС НАТО в Европе** (Брюссель, Бельгия)
- Штаб командования ВВС НАТО (Ремонт, Германия)**
- Штаб командования СВ НАТО (Киев, Турция)**
- Штаб командования ВМС НАТО (Норфолк, Великобритания)**
- Группа по системам связи и информации НАТО (Монс, Бельгия)**
- Многофункциональный центр координации операций в Турции** (Анкара, Турция)
- Многофункциональный центр координации операций в Турции** (Анкара, Германия)
- Региональный центр управления действиями в Европе** (Мадрид, Испания)
- Батальон связи (Брюссель, Польша)**
- Батальон связи (Вильямс, Германия)**
- Батальон связи (Турин, Италия)**

в конечном счете, повышая эффективность и результативность использования наличных ресурсов. В частности, сокращение структуры органов военного управления НАТО с 11 до 6 штабов позволит уменьшить численность занятого в них персонала с 13 200 до 6800 человек¹⁵.

В этой связи необходимо обратиться к тем немногим известным и относительно удачным попыткам стратегического прогноза сценариев развития ЧЦ и МО, которые известны к настоящему времени. Причем, как правило, сценарии

развития ЧЦ и МО авторами прогнозов делятся на самостоятельные, иногда даже не взаимосвязанные сценарии, что, естественно, превращает их во многом в бессистемное изложение нередко качественных и полученных материалов. Так, например, в стратегическом прогнозе Д. Белоусова, который в полной мере может быть отнесен к категории стратегических прогнозов МО, описывается «Новый внешний формат развития», который вполне может быть отнесен к одному («кризисному») из сценариев развития МО¹⁶.

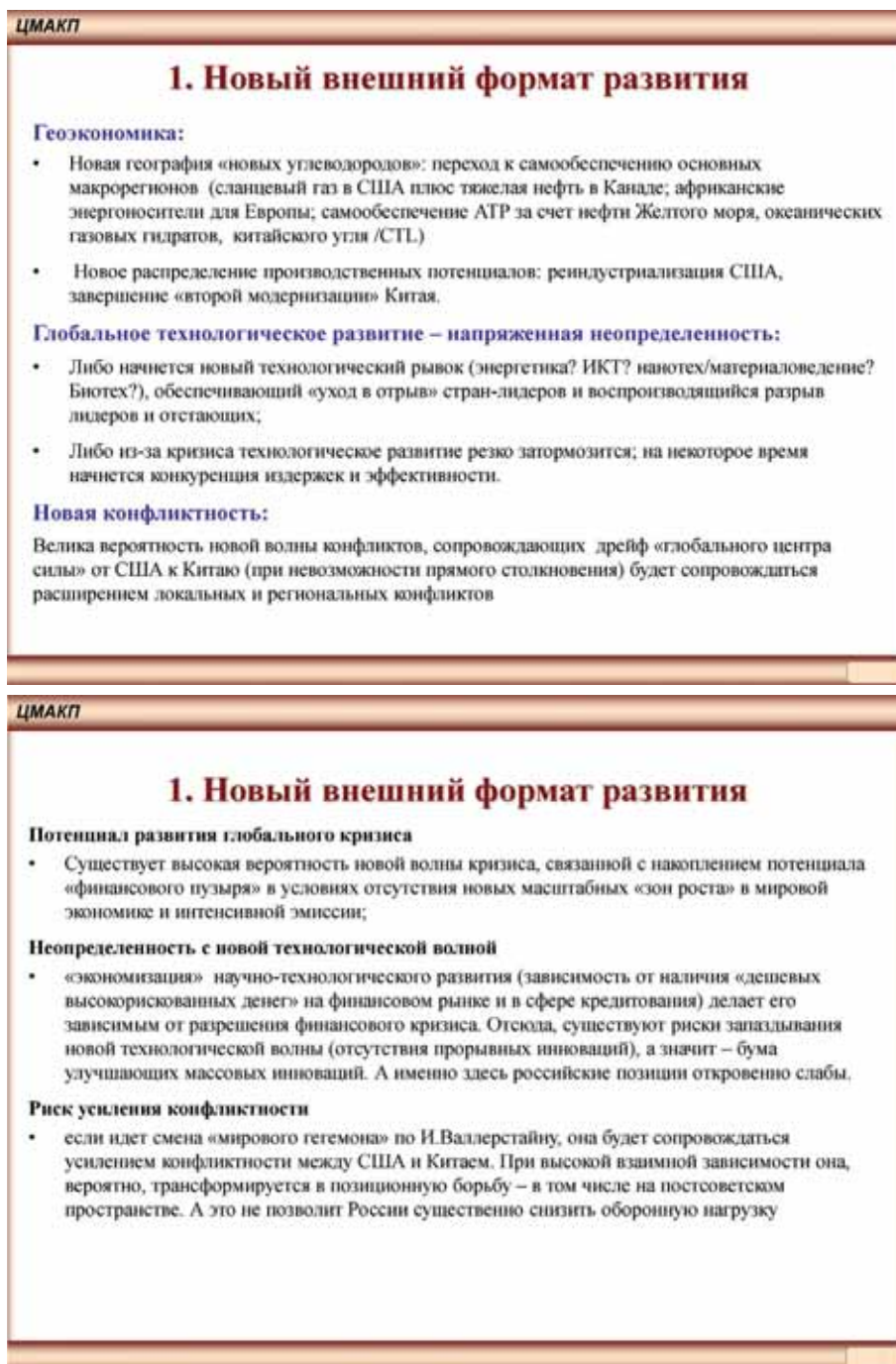

Рис. 7.

Между тем этот сценарий, во-первых, вообще не соотносится ни с одним из сценариев развития ЧЦ, хотя можно допустить, что он может быть идентифицирован в качестве условного «кризисного» сценария развития ЧЦ без описания других кризисных явлений.

Во-вторых, этот сценарий достаточно эклектично, не понятно по каким признакам и принципам, выбирает основные кризисные направления. Такие, например, как «геоэкономика» или «потенциал развития глобального кризиса».

Вместе с тем следует отдать должное направлению анализа автора и его попыткам долгосрочного прогноза и сценария развития МО, который (хотя и вырван из контекста) дает основания для работы над национальной стратегией развития России. Что, вероятно, и было главной целью такого анализа. В целом же попытку Д. Белоусова графически можно изобразить следующим образом (рис. 8).

Еще большую критику вызывает попытка Д. Белоусова описать только часть одного из сценариев развития ВПО, обозначенная им как «Глобальная безопасность: узлы напряженности» (выделяя, по всей видимости, отдельные региональные аспекты ВПО)¹⁷. Рис. 9.

Почему именно эти области и в таком порядке выделены в презентации Д. Белоусова, естественно, не объясняется, однако также естественно возникают соответствующие вопросы, причем

Области, охваченные прогнозом Д.Р. Белоусова

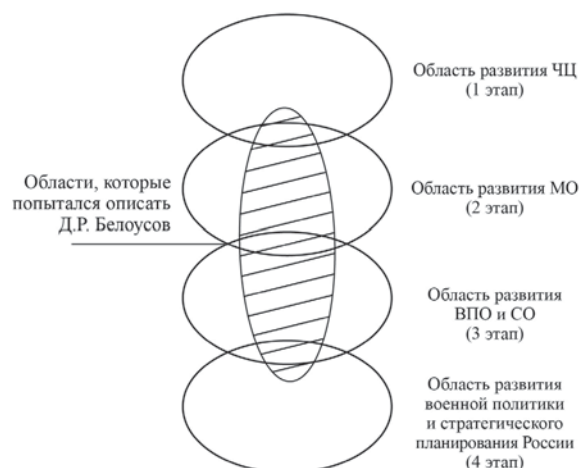

Рис. 8.

принципиальные. Например, почему «Глобальное противостояние Китая и США» выделено в важнейшие по порядку и значению приоритет? Это, в действительности так и может быть, однако:

- во-первых, в перспективе 20–30–50 лет;
- во-вторых, существуют и другие сценарии развития отношений США–КНР;
- в-третьих, этот «глобальный узел» является следствием развития одного из сценариев ЧЦ, но какого именно?;
- и т. д.

Учитывая эту самую общую критику безусловного положительной попытки Д. Белоусова опи-

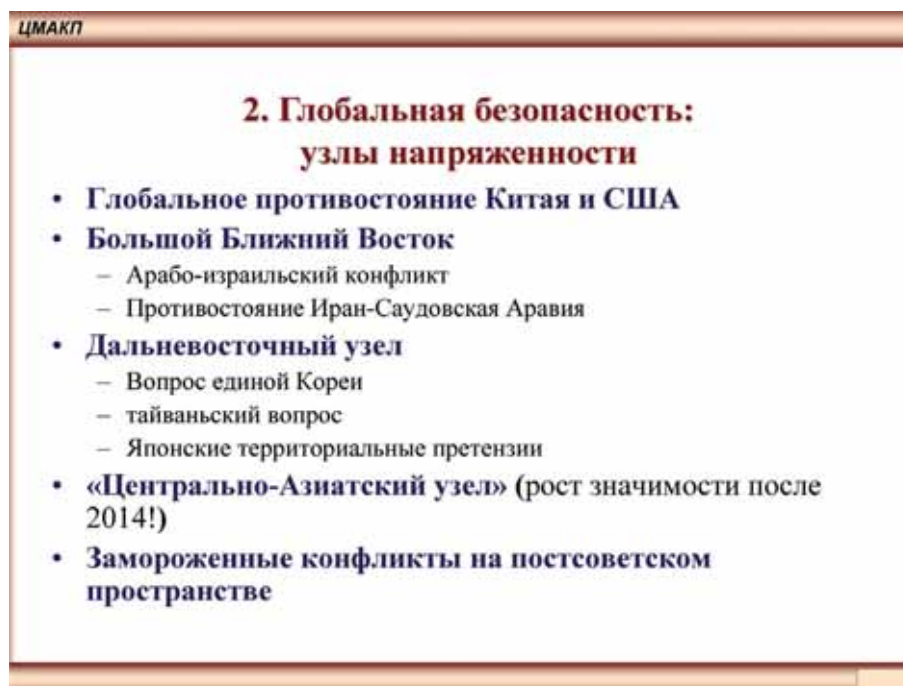

Рис. 9.

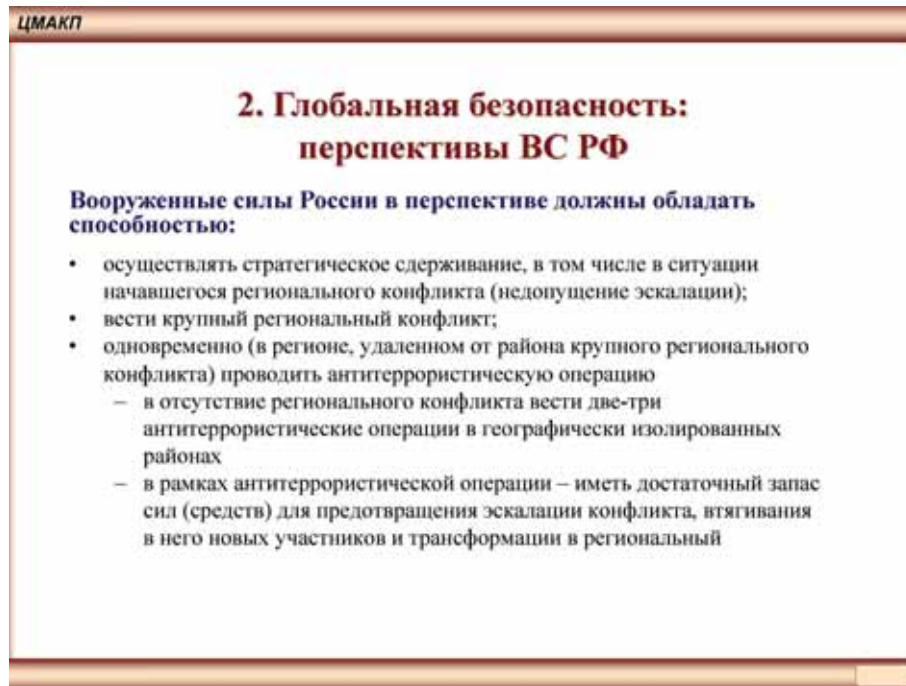

Рис. 10.

сать один из сценариев ВПО, неизбежно следуют далеко не бесспорные рекомендации по отношению к стратегическому военному планированию России, т. е. — четвертому этапу в описании сценариев развития ВПО — предложению ответных мер по нейтрализации внешних военных угроз¹⁸. Рис. 10.

В частности, важнейший приоритет Д. Белоусова («ж» «стратегическое сдерживание» / «недопущение эскалации») уже во втором десятилетии XXI века становится все менее и менее значимым. Да, действительно, сохраняющийся паритет России и США/НАТО пока не позволяет

использовать против России вооруженные силы в крупномасштабном конфликте. Однако:

- во-первых, это отнюдь не сдерживает США/НАТО, например, в других регионах, в т. ч. в Европе (на Украине). Более того, позволяет активно использовать другие силовые (невоенные) политические инструменты;
- во-вторых, к 2020 году потенциал ВТО и стратегической обороны, вероятно, девальвирует и эти возможности;
- в-третьих, «сдерживание» никоим образом не сдерживает эскалацию региональных конфликтов.

1.2. Стратегический прогнозный сценарий глобального развития

... в современных условиях, когда сталкиваются мощные государства и их коалиции, войны неизбежно принимают затяжной характер, а формы борьбы ... могут быть весьма многообразны¹⁹.

*А. Свечин,
военный теоретик*

Не суди о человеке по его друзьям. У Иуды они были безупречны
*Поль Валери,
французский философ*

Стратегический прогнозный сценарий развития ЧЦ, МО, ВПО и СО является системным продуктом самых разных по своей профессио-

нальной принадлежности и представлениям исследователей. Как объект исследования, — человеческая цивилизация зародилась тысячелетия

Структура человеческой цивилизации и ее возможные варианты развития

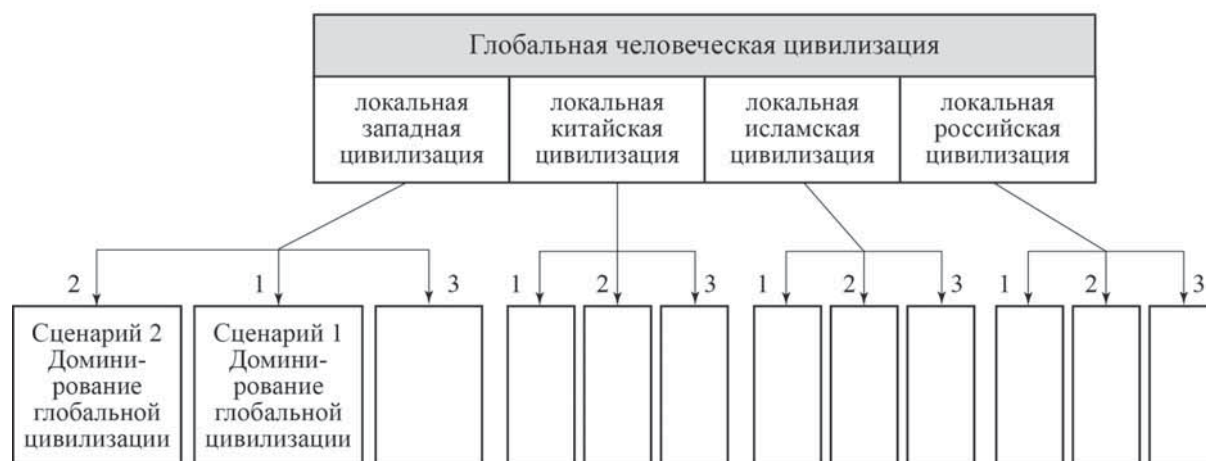

Рис. 11.

назад и сегодня процесс ее формирования **далеко не закончен**, т. е. мы находимся еще лишь на определенном этапе, который может привести к самым разным вариантам ее развития. Существующие локальные цивилизации далеко не всегда находятся в состоянии сотрудничества, нередко претендуя не только на лидерство, но и откровенное доминирование. Структуру современной ЧЦ можно было бы представлять следующим образом (рис. 11).

Как видно из рисунка, возможны, как минимум, по три сценария развития каждой локальной цивилизации в сочетании с глобальной цивилизацией. Разница между ними будет за-

ключаться, прежде всего, в **приоритете** национальных систем ценностей и интересов (локальных цивилизаций) по отношению к глобальной и другим локальным цивилизациям. Итого, как минимум (4×3) , 12 локально-глобальных вариантов и один вариант абсолютного доминирования глобальной цивилизации.

Возвращаясь к логической схеме политического процесса, необходимо подробнее рассмотреть именно базовые системы ценностей и цивилизационные интересы в этой модели

Логическая схема политического процесса (применительно к локальным цивилизации) — рис. 12.

Принципиальная логическая схема политического процесса и принятия решений

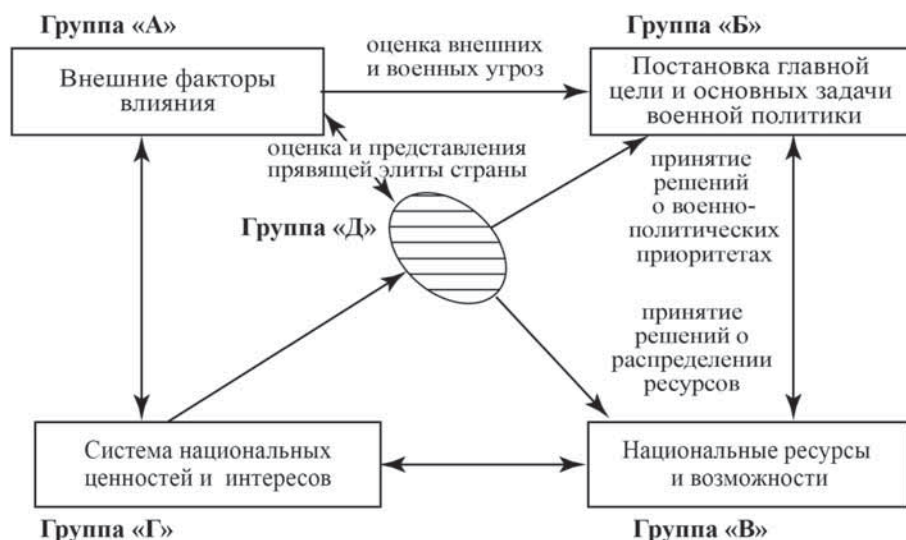

Рис. 12.

Национальная (цивилизационная) система ценностей и интересов представляет в реальности сложное сочетание самых разных по своей роли и значению ценностей и интересов, которые можно в упрощенном виде представить в виде следующей матрицы.

Матрица национальной (цивилизационной) системы ценностей и интересов (по приоритетам)

Перечень системы ценностей и интересов	Степень важности 1–7	Степень актуальности 1–7	По времени		
			кратко-срочные	средне-срочные	Долго-срочные
1. Глобальные цивилизационные ценности и интересы					
1.1. сохранение биологической жизни;					
1.2. метеоритная защита и т.д.;					
2. Локальные цивилизационные ценности и интересы:					
1.1. язык;					
1.2. культура;					
1.3. свободы, обычаи					
3. Национальные ценности:					
3.1.					
3.2.					
4. Государственные:					
4.1. территория;					
4.2. суверенитет;					
4.3. независимость и т.д.					
5. Социальные:					
5.1.					
5.2.					
6. Групповые:					
6.1.					
6.2.					
7. Личные:					

1.3. Принципы стратегического прогнозирования глобального развития

... предвидение будущего — одна из важных практических задач²⁰.

А. Дынкин,
академик РАН

Практическое значение стратегического прогноза достигается при помощи заранее оговоренных принципов, которые объединяют в действительности определенную совокупность системных идей и концепций. Именно реалистичность и практическая применимость стратегических прогнозов развития ЧЦ, МО, ВПО и СО должны стать тем главным критерием, который объединяет все усилия и на основе которого принимаются управленческие решения. В данном случае — решения, касающиеся конкретных мер по противодействию внешним и внутренним военным угрозам. В этом смысле все эти требования и принципы не отличаются от других требований, предъявляемых к управленческой информации, о которых немало написано²¹. «Для того чтобы с уверенностью пользоваться информацией, — отмечают авторы работы, — она должна быть качественной. Теоретическое понятие качества информации достаточно сложное и запутанное. В обычной практике информация считается качественной, если она удовлетворяет ряду требований»²².

Этот «ряд требований» к стратегическому прогнозу серьезно отличается от требований к бизнесу или другим областям, требующим принятия долгосрочных по своим последствиям решений. В частности, речь идет о таких жизненно важных последствиях для нации и государства, как:

- безопасность страны, ее союзников и партнеров;
- суверенитет, территориальной целостности государства;
- экономические издержки;
- социальные последствия и т. д.

Известны случаи, когда от качества такой стратегической информации зависело вступление того или иного государства в войну, выбор союзников для коалиции, завершение военных действий и т. д. Поэтому на стадии сбора и обработки информации главным принципом должен стать **принцип достоверности**, «верифици-

руемости» и обоснованности. Это предполагает определенную процедуру сбора, систематизации и обработки информации, необходимой для стратегического прогнозирования.

На нижеследующем рисунке показано, как происходит преобразование данных в информацию и информации обратно в данные, а затем снова в информацию в информационно-справочных системах²³.

«При поверхностном взгляде может показаться, что выполняется двойная напрасная работа, когда из уже обработанной информации „вытаскиваются“ первичные данные, которые затем снова обрабатываются и превращаются в информацию. Однако только такой подход к работе с информацией, полученной из внешних источников через информационно-справочные системы, позволяет выделять действительно существующие и влияющие на деятельность предприятия факты, анализировать их, строить прогнозы и принимать на их основе важные для предприятия решения»²⁴.

Это — общие принципы, которыми руководствуются при подготовке и принятии управленческих, в том числе и политических решений. Вместе с тем метод стратегического прогнозирования развития ЧЦ, МО, ВПО, возможного ха-

рактера войн и конфликтов, а также вероятных военных возможностей враждебных государств, группировок и коалиций должен основываться на следующих специальных принципах:

1. **Принцип «подчиненности» развития сценария ВПО** развитию сценария МО (и, соответственно, ЧЦ), из которого следует, что сам по себе сценарий развития военно-политической обстановки и стратегической обстановки является лишь производной частью системной трансформации международной обстановки. Соответственно сценарии развития ВПО и СО не появляются «сами по себе» — их количество, особенности и основные тенденции являются производными от соответствующих сценариев развития ЧЦ и МО.

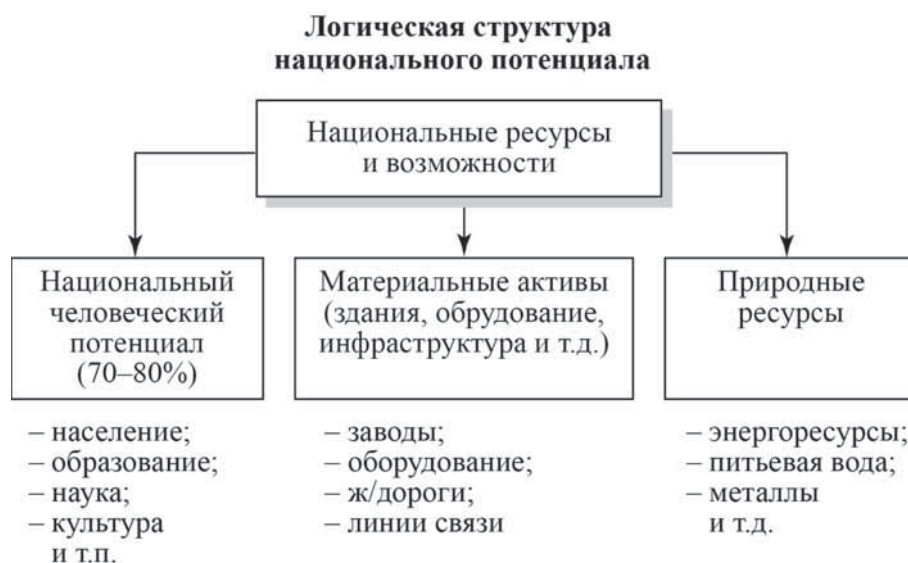
Невозможно сделать долгосрочный прогноз развития ВПО без достаточно подробного описания различных сценарных вариантов развития ЧЦ и МО, в которых затрагиваются более общие, принципиальные вопросы политики, экономи-

ки, культуры, демографии и т. д., формирующие условия и рамки для последующей трансформации ВПО и СО.

2. **Принцип системности в развитии МО и ВПО**, который заключается в том, что МО и ВПО формируются под влиянием многих факторов, среди которых важнейшими являются объективные тенденции мирового развития и тенденции в развитии всех субъектов — государственных, международных, общественных — международной и военно-политической обстановки.

Принцип системности предполагает, в частности, что на сценарии развития ВПО влияют три основные группы факторов:

- глобальные, локально цивилизационные, региональные, ключевые тренды развития в экономике, науке, финансах, культуре и т. д.;
- эволюция в развитии самых различных субъектов МО, включая:
 - государства;
 - негосударственные секторы МО;
 - международные организации;
 - развитие собственно нации и государства, ее ресурсов, возможностей, эволюция целей, задач и т. д.
- 3. **Принцип «национальных возможностей»**, который определяет не только масштабы влияния государства на МО и ВПО, но и условия внутреннего (политического, экономического, социального и пр.) развития государства. Так, будущая конфигурация МО и ВПО применительно к России будет зависеть не только от внешних, но и базовых внутренних факторов.

Во-первых, от наличия соответствующих национальных ресурсов и возможностей, которые обуславливаются общим национальным потенциалом, включающим в себя и оборонный потенциал, о чем писалось достаточно подробно в книге «Военные угрозы России»²⁵. Здесь же важно отметить, что национальный потенциал и возможности измеряются в настоящее время, прежде всего, масштабами и качеством национального человеческого капитала (НЧК), в наибольшей степени влияющей на реализацию стратегических возможностей в МО и ВПО.

Говоря сегодня о возможностях влияния России на международную и военно-политическую обстановку, необходимо исходить из того, что эти возможности (в т. ч. военные) определяются, прежде всего, качеством и масштабами национального человеческого потенциала. Он составляет две трети всех возможностей нации и государства, т. е. абсолютно большую часть. И, кроме того, этот потенциал наиболее динамичная часть государственной мощи, поскольку обеспечивает до 95 % прироста ВВП развитых стран.

Во-вторых, принцип «национальных возможностей» свидетельствует об адекватности понимания правящей элитой сложных реалий МО и ВПО и формирующихся угроз национальной безопасности. Недооценивать влияние этого второго фактора при формировании сценариев развития МО и ВПО нельзя. Достаточно вспомнить, что развал СССР произошел, прежде всего, именно по этой причине. Адекватная оценка системы взаимосвязанных внутренних и внешних угроз является важнейшим условием для ста-

бильного и устойчивого развития государства на международной арене.

Принцип учета «национальных возможностей» при стратегическом прогнозировании и планировании имеет огромное значение с точки зрения оптимизации расходования национальных ресурсов.

Формирование «ложных угроз» в этой связи становится важнейшей целью потенциального противника, который заставляет форсированно аккумулировать национальные ресурсы для противодействия ложным или второстепенным целям. Так, противодействие росту внешних опасностей и военных угроз не должно доводить до крайнего истощения ограниченные национальные ресурсы, которые требуются, в том числе, для преодоления системных внутренних угроз. В частности, например, такой угрозы как рост цен и инфляция, которую более 67 % опрошенных представителей элиты рассматривают в качестве «высших» и «наивысших» (рис. 13).

Принцип комплексного учета «национальных возможностей» предполагает также, что внешние и внутренние угрозы, в т. ч. военные, должны быть нейтрализованы, прежде всего, национальными средствами. Соответственно формирование «извне» долгосрочных внутренних угроз становится одной из важных целей потенциального противника.

Долгосрочные рефлексивные стратегии конструирования «внутренних угроз», используемые военно-разведывательным сообществом США, становятся одним из важнейших факторов для формирования будущей МО, ВПО и СО в мире

Рост цен и инфляция как угроза

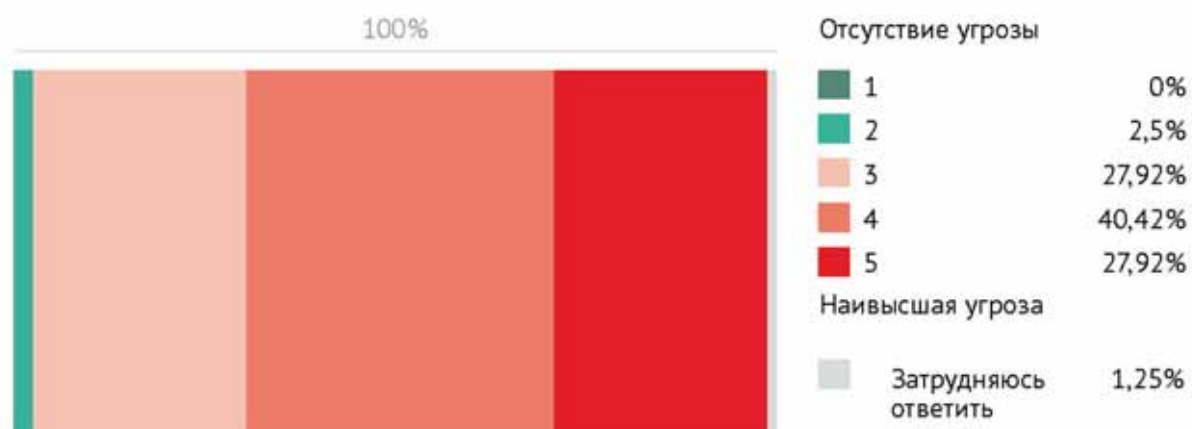

Рис. 13.

и в России. В этом смысле наиболее показательный пример — это использование Украины «образца 2014 года» или создание предпосылок для «целенаправленного вызревания» таких угроз на территории собственно РФ.

В частности, межэтнические противоречия рассматриваются в Вашингтоне как наиболее удобные условия для формирования оппозиции и изменения политического строя. К сожалению, именно этот внешний фактор явно недооценивается при формировании социально-экономической и национальной политики на федеральном уровне, хотя современная история СССР и России последних десятилетий неоднократно доказывала это. Так, авторы работы «Гроздь гнева²⁶: Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России (осень 2013 — весна 2014 года)», подготовленного сотрудниками Центра изучения национальных конфликтов (ЦИНКа) и «Клуба Регионов» весной 2014 года, перечисляя «Основные факторы межэтнической напряженности», выделили следующие:

- неконтролируемая миграция;
- социально-экономическая депрессия, приводящая к «поиску виновных» и ксенофобии;
- отсутствие внятной национальной политики;
- связанная с предыдущей, проблема неосведомлённости населения о реальной ситуации и отсутствие культуры межнационального общения;
- противостояние элит и кланов на фоне высокого уровня коррупции и массовой бедности
- низкая ответственность СМИ, зачастую раздувающих конфликты;
- распространение радикального ислама в ряде национальных республик.

Большинство перечисленных факторов, считают эксперты, являются общими, некоторые имеют региональную специфику. Рассмотрим подробнее некоторые проблемы, имеющие отношение к росту межнациональных конфликтов²⁷. Как видно из перечня, внешние факторы вообще не обозначены и не считаются не только в качестве «основных», но и вообще факторов влияния (рис. 14).

Распределение регионов России по степени межэтнической напряженности

Рис. 14.²⁸

Неоднократные случаи массовых насильственных действий Дагестан, Москва, Санкт-Петербург, Ставропольский край, Татарстан
Неоднократные организованные массовые ненасильственные конфликтные действия; зафиксированы случаи этнически мотивированного насилия; политическая активность с эксплуатацией этнической тематики Астраханская область, Краснодарский край, Московская область, Нижегородская область, Ростовская область, Самарская область, Саратовская область, ХМАО, Челябинская область
Неоднократные случаи целенаправленных насильственных этнически мотивированных действий; массовые ненасильственные действия Башкирия, Владимирская область, Волгоградская область, Воронежская область, Ивановская область, Ленинградская область, Липецкая область, Новосибирская область, Омская область, Пермский край, Свердловская область, Томская область, Хабаровский край

Рис. 15.²⁹

Преимущественно ненасильственные конфликтные действия; единичные не связанные друг с другом случаи этнически мотивированных насильственных действий Адыгея, Алтайский край, Архангельская область, Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область, Калужская область, Камчатский край, Карелия, Кемеровская область, Кировская область, Коми, Курганская область, Курская область, Мордовия, Мурманская область, Новгородская область, Приморский край, Псковская область, Рязанская область, Тверская область, Тульская область, Удмуртия, Чувашия, Ярославская область
Отсутствие зафиксированных конфликтных действий либо несколько онлайн-действий; отсутствие доказанного насилия по этническому признаку Амурская область, Белгородская область, Брянская область, Вологодская область, Еврейская АО, Нингушетия, Кабардино-Балкария, Калининградская область, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Костромская область, Красноярский край, Магаданская область, Марий Эл, Ненецкий АО, Оренбургская область, Орловская область, Пензенская область, Республика Алтай, Сахалинская область, Северная Осетия, Смоленская область, Тамбовская область, Тува, Тюменская область, Ульяновская область, Хакасия, Чечня, Чукотка, Якутия, ЯНАО

Проведенный авторами Рейтинга мониторинг открытых источников показал, что в общей сложности с 1 сентября 2013г. по 20 марта 2014г. в России произошло 570 этнически мотивированных конфликтных действий различной степени интенсивности (от размещения ксенофобного контента в интернете до массовых столкновений с применением оружия и смертельными исходами). Можно прогнозировать: если эффективность государственной национальной политики останется на столь же низком уровне, межэтническая напряжённость в обществе будет расти, а география конфликтов – расширяться.

Рис. 16.³⁰

Если предположить, что дестабилизация политического режима, смена власти и развала российского государства являются целью для какой-то внешней силы (государства, организации, другого актора МО и ВПО), то можно предположить, что основной акцент в политике дестабилизации будет делаться на тех регио-

нах, где межэтническая напряженность может быть превращена в открытую политическую конфронтацию. Как это и было в СССР в случае с республиками Прибалтики. В этом случае шкала, предлагаемая авторами рейтинга, может быть использована в целях стратегического прогнозирования (рис. 15–16).

**Принципиальная логическая схема
политического процесса и принятия решений**

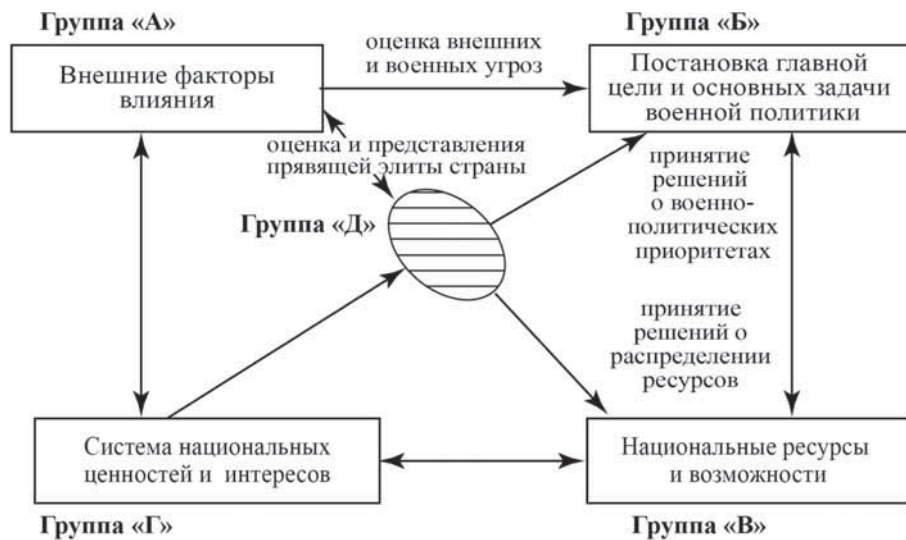

Рис. 17.

4. **Принцип адекватности поведения** национальных элит при стратегическом прогнозировании и планировании развития МО, ВПО и СО. Этот принцип предполагает, что поведение национальной элиты будет соответствовать, как минимум, следующим требованиям:
- национальная элита **достаточно профессиональна для того, чтобы управлять государством** (т. е. имеет необходимое образование, опыт и профессиональную подготовку). При отсутствии этого качества, как в случае М. Горбачева, соответствующие решения не будут приняты, даже в случае подготовки идеального стратегического прогноза;
- национальная элита — нравственна, ориентирована на национальные интересы государства и общества, а не личные, групповые или чуждые интересы, что было характерно для так называемой элиты периода М. Горбачева и Б. Ельцина;
- национальная элита способна рационально прогнозировать последствия принимаемых решений, т. е. способна к стратегическому прогнозированию и планированию. Значительная часть, даже большинство горбачевско-ельцинского истеблишмента, не обладала этим качеством.

Таким образом в технологии сценарного прогнозирования развития МО, ВПО и СО должны обязательно присутствовать методы

изучения поведения правящих элит основных субъектов ВПО, с учетом того, что различными группами этих элит могут двигать самые разные, в том числе, и антагонистические интересы.

В этой связи необходимо вернуться еще раз к общей логической модели политического процесса, из которой ясно видно, что в основе мотивации поведения правящих элит лежат вполне определенные системы интересов и ценностей (рис. 17).

Как уже говорилось выше, группа факторов «Г», объединяющая в порядке приоритетности цивилизационные, локально-цивилизационные, национальные, социальные и групповые, а также личные интересы должны постоянно анализироваться и прогнозироваться с учетом возможных изменений в их иерархиях.

Для стратегического прогнозирования, планирования и последующей оптимизации процесса принятия стратегических решений такой анализ имеет решающее значение, ведь нередко политические, экономические и военные решения принимаются под давлением интересов личного, группового, корпоративного, бюрократического, социального (как в 20–30-е годы XX века в СССР) характера.

Как видно, на процесс поведения и целеполагания элитами влияют разные факторы — но, прежде всего, факторы, непосредственно проистекающие из систем **базовых, жизненно важных ценностей и интересов**. Потому-то

так важны определение и классификация этих ценностей и интересов. Так, если представитель политической элиты будет руководствоваться традиционной национальной системой интересов, то соответствующим образом будут формироваться его целеполагание и стратегия. Но возможно и другое: в 90-е годы в России и два последних десятилетия на Украине правящие элиты находились под внешним влиянием, а нередко принимали решения под влиянием сугубо личных интересов.

Один из вариантов моделирования по интересам, ценностям и мотивации может быть представлен в виде эннеаграммы³¹. Так, применительно к отдельной личности (представителю элиты), эннеаграмма может выглядеть следующим образом: рис. 18.

Для правящей элиты (или ее части) важно определить «стратегический выбор», который был ею сделан, и который будет влиять на формирование МО, ВПО и СО, как совокупность выбора личностей, формирующих правящую элиту. Во многом этот выбор будет предопределять отношение элиты как к стратегическому прогнозированию и планированию, так и конкретным политическим решениям.

Рис. 18.

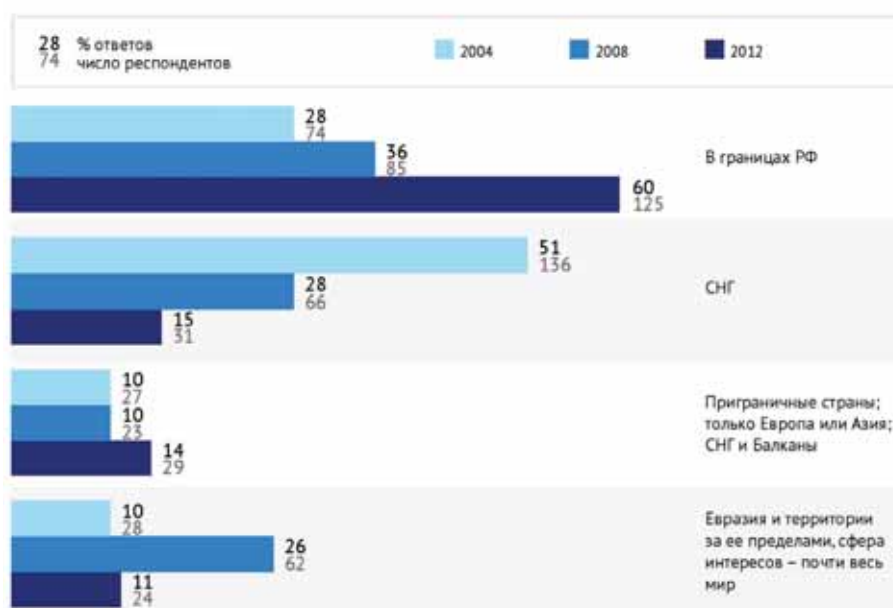
Этот «стратегический выбор», как показывает политическая практика, может очень отличаться у разных элитных групп. Данные многочисленных соцопросов показывают значительную разницу в предпочтениях между различными слоями и группами, причем эта разница достаточно быстро меняется в зависимости от множества факторов.

В контексте стратегического военно-политического прогнозирования необходимо исхо-

Эннеаграмма стратегических выборов

Сфера интересов России

доть из того, что структуры интересов разных групп общества и элит могут радикально измениться даже в среднесрочной перспективе. Подобный «поворот общественного мнения» не раз происходил в истории государства и международных отношений. Весьма примечателен в этой связи «поворот» и правящей элиты, который произошел в последнее десятилетие в России от преимущественной ориентации на западные ценности к ориентации на традиционные российские интересы³².

Наконец, пятый принцип — учет отношения общества, включая прежде всего его наиболее активные социальные группы «творческого» («креативного») класса к образу будущего страны, ее потенциальному общественно-политическому и социально-экономическому устройству,

модели и характеру национального стратегического планирования.

Будущее нации и ее место в будущем сценарии развития ЧЦ, МО, ВПО и СО во многом предопределяется отношением динамичной в социально-экономическом и активной в социально-политическом плане социальной группы. Сегодня эта группа объединяется под достаточно общим названием «креативный класс», который:

- обеспечивает основной прирост ВВП;
- формирует социально-политическую систему общества и государства;
- предопределяет основной вектор развития нации и государства.

В той или иной степени влияние «креативного класса» ощущается и в перечисленных выше четырех принципах, влияющих на эффективность

Шкала оценки наличия инструментов передачи власти³³

Степень неустойчивости (по возрастанию)	Наличие инструментов передачи власти
1	Отсутствие необходимости в инструментах передачи власти
2	Необходимость удержания власти в собственных руках в рамках конституционного срока
3	Необходимость удержания власти в собственных руках вне рамок конституционного срока
4	Необходимость передачи власти представителю своего клана/племени/партии
5	Необходимость передачи власти члену семьи

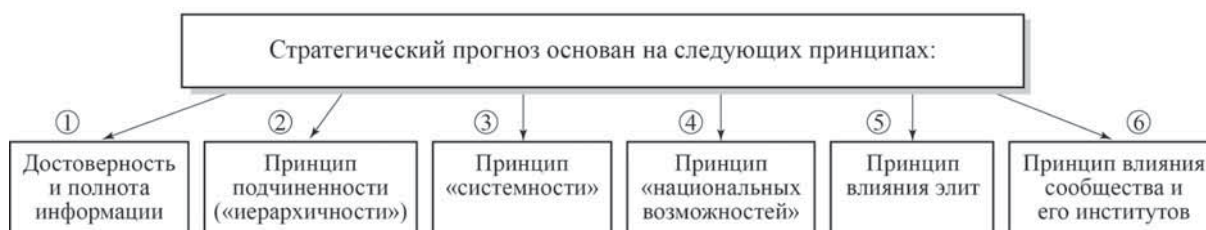
стратегического прогнозирования. Именно этот активный социальный слой оказывает решающее воздействие на возможности реализации того или иного сценария развития ЧЦ, МО, ВПО и СО.

Не менее важно понимать особенности того политического режима, который сложился в стране, с учетом его возможной роли в будущем. Степень его устойчивости имеет огромное значение, которое может измеряться, в том числе и количественными показателями.

Это же важно и для групп государств, военно-политических коалиций и особенно для **государств-лидеров** (таких, как США, Китай,

Россия), чья политическая позиция влияет или даже определяет стратегию других государств. Так, внутривластная стабильность в США имеет огромное и непосредственное значение не только для страны, но и для десятков других стран. Даже незначительные конфликты внутри правящей элиты США (как это было при Д. Кеннеди, Р. Никсоне и Дж. Буше) — радикально отражаются на других странах.

Суммируя, можно сказать, что в основе процесса стратегического прогнозирования лежат следующие принципы, действительно позволяющие говорить о его практической значимости:

¹ Белоусов Д. Р. ОПК и наука: что следует из долгосрочного прогноза? Новосибирск. 2013. Ноябрь. С. 1.

² Поздняк В. НАТО после Чикагского саммита: развитие оборонного потенциала // Аспекты безопасности. 2013. №1. С. 3–4.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Бжезинский Ж. В борьбе с российским шовинизмом / «TheAmericanInterest» / Цит. по: Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 3 июля / <http://eurasian-defence.ru/>

⁶ Там же.

⁷ В основу этого рисунка положены идеи профессоров МГИМО(У) М. А. Хрусталева и А. Н. Злобина, на которые автор не раз ссылался в предыдущих работах, например: Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

⁸ Попов И. М., Хамзатов М. М. Новый характер войны: «облачный противник» Vs государства / Экспертно-аналитический центр «Эпоха».

⁹ Там же.

¹⁰ Поздняк В. НАТО после Чикагского саммита: развитие оборонного потенциала // Аспекты безопасности. 2013. №1. С. 5.

¹¹ Цит. по: Кокошин А. А., Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А. А. Свечин. М.: МГУ. 2013. С. 235.

¹² Поздняк В. НАТО после Чикагского саммита: развитие оборонного потенциала // Аспекты безопасности. 2013. №1. С. 6.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Белоусов Д. Р. ОПК и Наука: что следует из долгосрочного прогноза // ЦМАКП. 2013. Ноябрь.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Цит. по: Кокошин А. А., Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А. А. Свечин. М.: МГУ. 2013. С. 239.

²⁰ Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М.: Магистр. 2011. С. 15.

²¹ Карминский А. М., Черников Б. В. Методология создания информационных систем: учебное пособие / А. М. Карминский, Б. В. Черников. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИД «ФОРУМ»; ИНЫФРА-М, 2012. С. 20.

²² Информационные системы в экономике / <http://xreferat.ru/>

²³ Карминский А. М., Черников Б. В. Методология создания информационных систем: учебное пособие / А. М. Карминский, Б. В. Черников. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИД «ФОРУМ»; ИНЫФРА-М, 2012. С. 19.

²⁴ Там же.

²⁵ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

²⁶ Гроздья гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Осень 2013 — весна 2014 года / ЦИНК. «Клуб Регионов». 2014 / <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/>

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Эннеаграммы (эннеаграмма) (от греч. еппеа — девять и грамма — начертание) — это психологическая модель, описывающая 9 глубинных мотивов, влияющих на личность на подсознательном уровне. Каждый из 9 мотивов порождает совершенно определенный характер, с присущими ему мыслительными стратегиями, эмоциональными реакциями и жизненными установками.

³² Российская элита — 2020. Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва. 2013. Июль.

³³ Исаев Л. М. Политический кризис в арабских странах: опыт оценки и типологизации / http://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/dissertaciya_isaev_final.pdf. С. 80.

ГЛАВА 2

ПОРЯДОК ФОРМИРОВАНИЯ СЦЕНАРИЕВ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Если наиболее важный момент в истории международных отношений XXI века —
рост китайской экономики, то второй по значению пункт —
модернизация и развитие китайской армии¹.

Эксперты фонда Карнеги

Сложность, многофакторность противоречивость социальной эволюции приводят
исследователей к закономерному выводу о том, что любое упрощение, редукция, упущение
из вида всего многообразия факторов неизбежно ведет к увеличению ошибки...².

И. Следзевский

Порядок формирования сценариев и вариантов развития человеческой цивилизации (ЧЦ), международной обстановки (МО) и военно-политической обстановки (ВПО) в мире сегодня определяется исследователями сугубо в зависимости от их профессиональной ориентации и идеологической приверженности, а иногда и вкуса. Только в тех случаях, когда этот процесс поручается координировать межведомственным группам (как Комитету по делам разведки США, например) к работе на системной основе привлекаются разные специалисты, а субъективные факторы уступают место системным усилиям. Таких системных попыток стратегического прогнозирования различных сценариев развития человечества, экономики, науки и техники

и других областей человеческой деятельности к настоящему времени существует немало.

Если говорить о попытках прогнозирования ВПО и СО, вытекающих из сценариев развития человечества и международной обстановки, то таких попыток насчитывается существенно меньше. Главная трудность заключается в том, чтобы достаточно определенно вычислить сценарии развития самых верхних уровней — человеческой цивилизации, локальных цивилизаций — и вытекающих из них сценариев международной обстановки. При этом важно изначально не упустить ни одного из вариантов таких сценариев потому, что за каждым из них в конечном счете будет находиться несколько сценариев развития ВПО и еще больше — СО.

2.1. Методологические вопросы формирования сценариев развития

Постоянное увеличение численности самолетов и КР Соединенными Штатами в течение последних 30 лет вынудило Москву усиленно развивать систему ПВО и ПРО...

Эксперты фонда Карнеги

Как уже говорилось выше, все сценарии развития ВПО исходят из логики развития сценариев МО, а те, в свою очередь, из сценариев развития человеческой цивилизации. При этом решающее значение приобретают именно сценарии развития ЧЦ. Исключение даже одного из таких сценариев неизбежно ведет последовательно к исключению нескольких сценариев развития МО, ещё больше, — ВПО и огромного числа сценариев СО.

Этот иерархический порядок можно проиллюстрировать на рисунке следующим образом, имея в виду, что развитие сценариев происходит в обязательном порядке «сверху — вниз», — от вершины, под которой подразумевается общечеловеческая цивилизация, — к локальным цивилизациям и их вариантам развития и т. д.

Как видно из предложенного рисунка (рис. 1), основные сценарии развития локальных человеческих цивилизаций (ЧЦ) изначально определяют численность и разнообразие сценариев развития международной обстановки (МО) и в последующем военно-политической обстановки (ВПО). При этом, как следует из предложенной логики, численность сценариев развития МО больше, чем ЧЦ, а сценариев развития ВПО больше, чем сценариев развития МО. Еще больше, очевидно, численность сценариев

развития СО, что в целом эмпирически вполне оправданно: войны даже в отдельный, ограниченный временной отрезок могли развиваться по-разному, в зависимости от избранной стратегии и тактики.

Если проиллюстрировать эту логику на конкретном примере, то можно использовать описание стратегической обстановки в 1942 году, которая могла развиваться по нескольким сценариям, в частности:

- стратегическая оборона Красной Армии в начале 1942 г.;
- наступление Красной Армии в начале 1942 года на центральных фронтах;
- оборона Красной Армии на центральных фронтах и наступление на юге и юго-западе и т. д.

При этом ВПО в 1942 году для СССР характеризовалась достаточно однозначно:

- союзники СССР и Германии уже определились и вступили в войну;
- второй фронт не планировался к открытию в Европе;
- соотношение сил СССР и Германии было определено в результате эвакуации, оккупации и военных действий 1941 года достаточно определено.

Фактически в 1942 году было два сценария развития ВПО (при том, что существовало, как

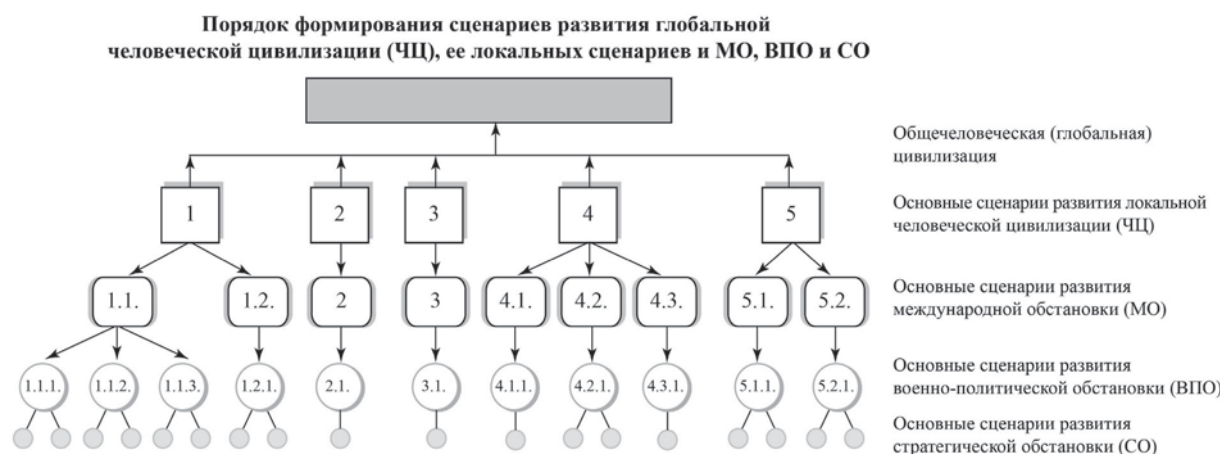

Рис. 1.

минимум, с десятков сценариев развития СО), а именно:

Сценарий №1: открытие второго фронта союзниками в Европе и их более активное содействие борьбе СССР (несостоявшийся сценарий).

Сценарий №2: вооруженная борьба СССР с Германией и ее союзниками фактически в одиночестве при значительных оккупированных территориях и необходимости эвакуации большого количества предприятий и населения.

Фактор развития человеческой цивилизации в 1942 году был фактически сведен к противоборству трех цивилизационных подсистем — буржуазно-демократической, фашистской и коммунистической.

Важно в этой связи понимать особое значение базовых сценариев развития ЧЦ, которые оказывают решающее влияние на развертывание сценариев МО и ВПО, включая стратегическое прогнозирование их развития, по трем основным причинам.

Во-первых, человеческая цивилизация всегда ограничена временными и пространствен-

ными рамками; и кардинальные трансформации в этой системе координат ведут к качественному, «фазовому переходу», когда меняются основные парадигмы цивилизационного развития.

Во-вторых, исключение из стратегического прогноза, либо недооценка одного из сценариев развития ЧЦ неизбежно ведет к исключению всей последовательности сценариев развития МО, ВПО и СО. Так, например, исключение сценария развития ЧЦ под условным названием «столкновение цивилизаций» (усиление цивилизационного противостояния) ведет к отказу от учета таких сценариев развития ВПО как религиозное и цивилизационное противостояние и т. д.

В-третьих, сценарии развития ЧЦ сказываются на всех аспектах развития различных сценариев МО, ВПО и СО, что хорошо видно, например, на рисунке, сделанном авторами в Институте военной истории³.

Так, описывая новый внешний формат мирового развития, Д. Белоусов, выделяет следующие сценарные факторы⁴ (рис. 2).

Влияние геополитических факторов на развитие Арктики

Рис. 2.⁵

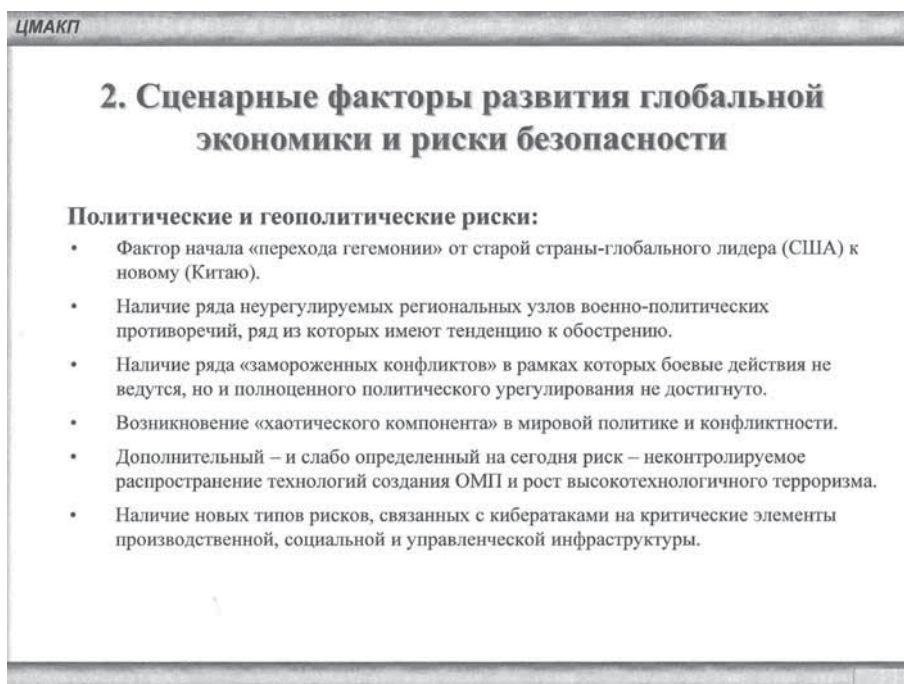
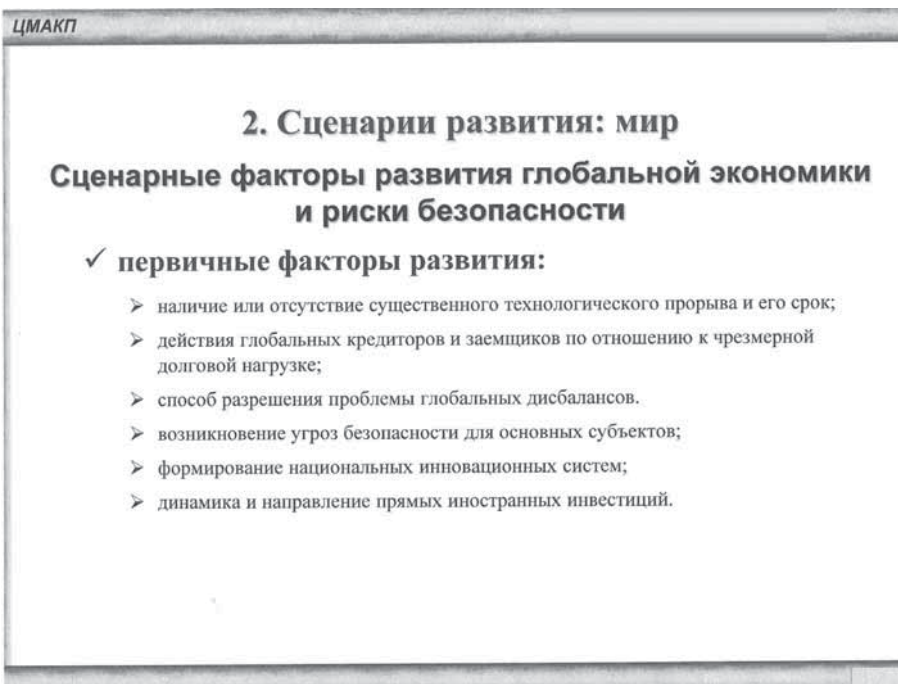
2.2. Порядок формирования сценариев развития человеческой цивилизации

Стратегическое планирование в Российской Федерации... осуществляется на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований⁶.

Статья 1. ФЗ « 172 от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации

Анализ состояния и сценариев развития человеческой цивилизации (ЧЦ) имеет исключительно важное значение для конкретно-политических целей. Практическое значение

стратегического прогнозирования вариантов развития человеческой цивилизации (ЧЦ) заключается в том, что стратегическое прогнозирование и стратегическое планирование,

осуществляемое на всех уровнях (федеральном, региональном и местном) в РФ, должны учитывать и исходить из существующих и будущих реалий:

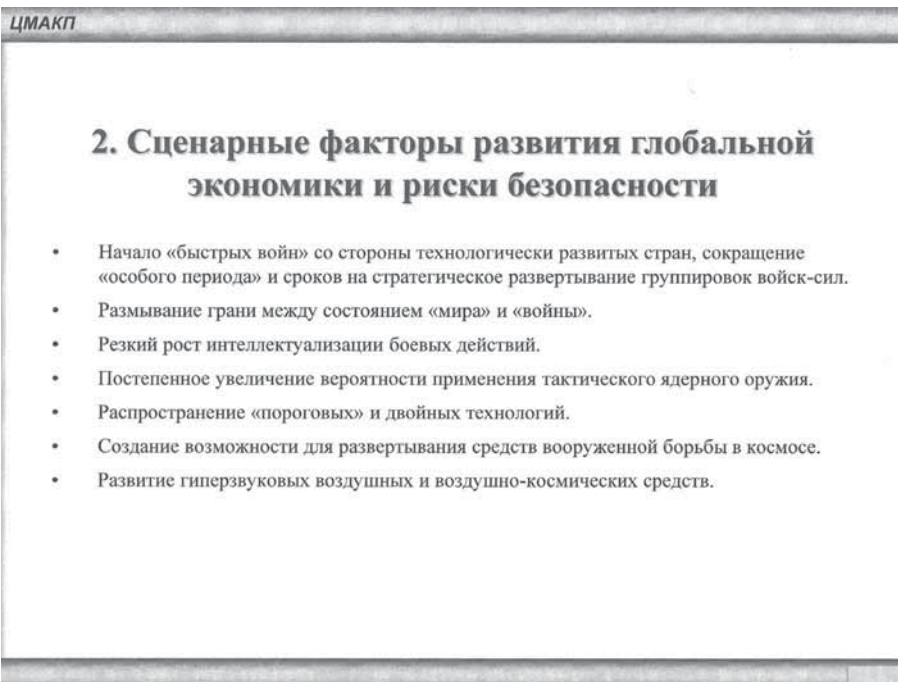
- глобальной ЧЦ;
- локальной ЧЦ;
- международной обстановки (МО);
- военно-политической обстановки (ВПО).

Очевидно, что стратегическое планирование на общенациональном уровне теряет всякий смысл, если оно идет вразрез с основными тенденциями развития ЧЦ или противоречит

существующим и нарождающимся реалиям МО и ВПО, как минимум, по двум соображениям:

Во-первых, цели национального стратегического планирования в идеале должны максимально совпадать с объективными целями, которые формируются в результате развития ЧЦ и теми глобальными тенденциями, которые уже существуют или могут прогнозироваться.

Так, например, развитие мировой экономики объективно идет в направлении ресурсосбережения, когда затраты ресурсов (энергетических, трудовых, материальных) будут сокращаться.

Это означает, что при национальном стратегическом прогнозировании и планировании такая общемировая тенденция должна не просто учитываться, а являться важнейшим императивом для принятия стратегических решений.

Во-вторых, распределение национальных ресурсов, решение о котором составляет важнейшую часть процесса долгосрочного прогнозирования и планирования, во многом предопределяется внешними условиями существования нации, общества и государства. Так, в период войны до 50 % ВВП может тратиться на оборону, в период обострения МО — до 8–10 %, а в относительно мирный период — до 3–4 %, либо (при благоприятных внешних условиях, существующих, например, для Японии и стран Западной Европы) — до 1 % ВВП.

В этой связи большое значение приобретает технология формирования наиболее возможных сценариев развития ЧЦ. Представляется, принципиально, такой логический порядок выглядит следующим образом.

Логический порядок формирования сценариев развития человеческой цивилизации (ЧЦ)

1-я стадия. История предыдущих этапов развития ЧЦ. Анализ этой стадии необходим потому, что «многоукладность» ЧЦ неизбежно означает, что наряду с новыми формами продолжают сохраняться предыдущие и даже архаичные формы ЧЦ. Подробный анализ истории ЧЦ не яв-

ляется предметом исследования. Этой теме посвящено несколько работ, среди которых хотелось бы выделить большую работу Б. Кузика и Ю. Яковца. В ней, в частности описывается как история, так и эволюция и структура современной ЧЦ.

Цивилизация — сложный, многослойный социальный организм высшего порядка. Его структуру можно представить в виде «пирамиды» цивилизаций, состоящей из нескольких «этажей» и множества «квартир».

Вершину этой пирамиды занимает духовная сфера, формирующая и передающая от поколения к поколению систему жизненно важных ценностей — главное, что отличает одну цивилизацию от другой.

В духовную сферу, или сферу духовного производства, включаются следующие элементы:

- **наука** — уровень познания закономерностей природы и общества и умения их использовать для развития технологического, экономического и экологического способов производства, в социально-политическом устройстве общества;
- **культура** — эстетическое восприятие природы и общества, их гармония в динамике, чувство прекрасного;
- **образование** — способы передачи накопленных знаний и опыта, научного и культурного наследия, позволяющие подрастающему поколению воспринять социальный генотип, адаптироваться к окружающему миру и переменам в нем⁷;

«Пирамида» цивилизаций

Рис. 3.⁸

- **этика** — система правил поведения человека в обществе, нравственных оценок поступков, соблюдения норм общежития;
- **религия** — миропредставление человека и общества, системы целей и мотиваций деятельности людей, исходя из их этических норм и взаимоотношений с другими конфессиями.

Все эти элементы тесно связаны, переплетены, различаются от цивилизации к цивилизации, меняются от эпохи к эпохе⁹.

Ниже «этажом» находится **социально-политический строй**, характеризующий формы и способы объединения и дифференциации людей по большим социальным группам (социальная стратификация), этнической и национальной принадлежности, формам политической деятельности, государственно-правовому устройству. Этот строй может изменяться в результате мегакризисов, войн и революций.

Третьим сверху «этажом» расположен **экономический способ производства**. Его основные институты таковы:

- **формы собственности**, присвоения средств производства и произведенных продуктов;
- **способы распределения** произведенного продукта (включая прибавочный) между различными социальными группами;
- **формы обмена**, развитие рынка со всеми его категориями (деньги, цена, кредит и т. п.);
- динамика **структуры** экономики по функциональному назначению производимой

продукции (воспроизведенная структура) и по другим критериям;

- формы и методы управления экономической деятельностью.

Состав и характер этого «этажа» во многом определяются следующим за **ним технологическим способом производства**. Последний включает следующие элементы¹⁰:

- **средства труда**, система орудий труда (машин), зданий, сооружений, транспортных путей и т. п.;
- **источники энергии** — как в производственной деятельности, так и в быту;
- **предметы труда** — природные и прошедшие переработку;
- **технологии**, способы соединения рабочей силы со средствами и предметами труда с помощью энергетических источников;
- общественное, отраслевое и профессиональное **разделение труда** в процессе производственной деятельности;
- формы **организации производства**, его специализации, концентрации, кооперации, диверсификации.

От взаимодействия всех этих элементов зависит уровень эффективности производства, степень удовлетворения потребностей людей¹¹.

Фундаментом «пирамиды» цивилизации является **население** — его численность, темпы динамики (рождаемость, смертность, естественный прирост), состав семей, половозрастная структура, миграция, объем потребностей и степень их удовлетворения (уровень и качество жизни). На нижнем «этаже» проявляются конечные результаты функционирования и динамики цивилизаций.

Однако под этим «этажом» находится еще один, определяющий внешние условия функционирования цивилизаций, — **природа и экология**: масштабы территории цивилизации, климатические условия, плотность населения (демографическая нагрузка на природную среду), обеспеченность разнообразными видами природных ресурсов, уровень загрязнения окружающей среды и вмешательства в биосферные процессы¹². Именно здесь расположена зона взаимодействия природы и цивилизации, зона их коэволюции.

Как видно, каждый из «этажей» цивилизации выполняет свои функции и имеет свою структуру. Но они постоянно взаимодействуют и согласованно, сбалансированно трансформируются, выражая тем самым сущность **закона**

пропорциональности в структуре и динамике цивилизации, строгой гармонии в их развитии. Нарушения данного закона, особенно в переходные эпохи, снижают эффективность цивилизационной системы¹³.

Развертывание цивилизаций во времени

Цивилизация — сложный и постоянно трансформирующийся феномен. Его развертывание во времени можно проследить в трех аспектах, поскольку каждая цивилизация имеет свой **жизненный цикл**.

Такой цикл состоит из нескольких стадий:

- **зарождение** (в недрах предшествующего общества);
- становление в эпицентре, распространение (в пространстве) и совершенствование по структуре;
- **зрелость**, полная реализация присущего цивилизации потенциала;
- **кризис**, упадок (когда место постепенно уступает следующей цивилизации);
- пребывание в остаточном, **реликтовом состоянии** на следующем этапе развития общества, в рамках новой цивилизационной системы.

Жизненные циклы свойственны и локальным, и мировым, и глобальной цивилизациям. Не все локальные цивилизации проходят все стадии жизненного цикла, в полном масштабе разворачиваясь во времени. Цикл некоторых из них прерывается в силу природных катастроф (так произошло, например, с минойской цивилизацией или легендарной Атлантидой) либо столкновений с другими культурами (доколумбовые цивилизации Центральной и Южной Америки, скифская протоцивилизация).

Динамика во времени находит выражение в периодической **смене поколений локальных цивилизаций**, меняющихся по своему характеру и составу. Первое поколение появилось на планете в конце IV — начале III тыс. до н.э., когда завершалось формирование «пирамиды» цивилизации — был построен социально-политический «этаж» (появились классы, государство, право) и радикально изменился экономический «этаж» (возникла частная собственность и в развернутом виде — рынок со свойственными ему институтами). Локальные цивилизации сменяли друг друга, и на рубеже XXI века пришло время формирования очередного, пятого по счету, их поколения¹⁴.

Глобальная цивилизация разворачивается во времени через **смену мировых цивилизаций**. Их отсчет ведется со времени неолитической революции, становления производящего хозяйства и постепенного усложнения структуры общества. Первые четыре тысячелетия этого периода мы называем неолитической мировой цивилизацией, хотя это скорее протоцивилизация в зарождающемся, неполном составе «пирамиды». Лишь на следующем этапе, со становлением первого поколения локальных цивилизаций и «укомплектowaniem» всех ее «этажей» и «квартир», можно говорить о появлении и существовании мировых и глобальной цивилизаций в полном объеме. Друг друга сменяли раннеклассовая, античная, средневековая, раннеиндустриальная и индустриальная мировые цивилизации. В конце XX века пришло время формирования постиндустриальной цивилизации, и этот ритм продолжится в будущем¹⁵.

Следует отметить еще одно изменение глобальной цивилизации во времени — **смену исторических суперциклов**, объединяющих триаду родственных мировых цивилизаций и одно-два поколения локальных цивилизаций. Суперциклы — самый большой из элементов временной динамики цивилизаций. Первый исторический суперцикл (конец IV тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.) объединил неолитическую, раннеклассовую и античную мировые цивилизации и соответственно первое и второе поколения локальных цивилизаций. Второй исторический суперцикл (его хронологические рамки — VI–XX вв.) включил в себя средневековую, раннеиндустриальную и индустриальную мировые цивилизации, третье и четвертое поколения локальных цивилизаций. Третий суперцикл начинается в XXI веке, пока известны лишь его первые ступени — постиндустриальная мировая цивилизация и пятое поколение локальных цивилизаций¹⁶.

Исследование истории цивилизаций позволяет сделать вывод о **закономерности сжатия исторического времени**. Каждый очередной шаг в истории цивилизаций (мировых, локальных) характеризуется более коротким жизненным циклом, ускорением темпа исторического прогресса, учащением пульса циклической динамики общества. Если временное пространство первых мировых цивилизаций и первых поколений локальных цивилизаций составляло несколько тысячелетий, то последних — всего несколько столетий.

Распространение цивилизаций в пространстве

История цивилизаций началась на сравнительно небольшом участке суши к северу от экватора на афро-евразийском континенте и к северу и югу от экватора в Америке. Остальная населенная часть Земли (ойкумена) находилась еще на доцивилизационной стадии развития, а огромные территории вообще были необитаемыми.

Этап за этапом, одной мировой цивилизацией за другой, цивилизационное пространство расширялось, связи между отдельными локальными цивилизациями углублялись и крепились. Этому способствовало развитие транспортных путей (речных, морских, сухопутных), появление все новых средств транспорта — лошадей и верблюдов, речных и морских судов, паровозов и пароходов, автомобилей и самолетов. Эпоха Великих географических открытий в период раннеиндустриальной цивилизации завершилась тем, что практически вся территория Земли (за исключением Антарктиды, некоторых районов Крайнего Севера, отдельных участков девственных тропических лесов и пустынь) вошла в состав глобального цивилизационного пространства. Оно охватило всю ойкумену и к концу индустриальной цивилизации вышло за пределы планеты — началось освоение космоса¹⁷.

Единство пространственно-временной динамики цивилизаций можно образно представить в виде **спирали цивилизационного прогресса** (рис. 4), витки которой расширяются в пространстве и изменяются во времени¹⁸.

Первый виток спирали охватывает жизненный цикл неолитической цивилизации. По продолжительности он самый большой — включает (в эпицентре) более четырех с половиной тысячелетий — почти половину всего исторического времени. В этот период формировался генотип цивилизации, постепенно вырисовывались контуры «пирамиды» цивилизаций, заселялись ее «этажи» и «квартиры».

Второй виток начался со второй половины IV тыс. до н. э., когда сложилось первое поколение локальных цивилизаций, возникли классы, государство, право, частная собственность, рынок. Все «этажи» и «квартиры» были уже заняты, создана система цивилизаций — мировых, локальных, глобальной (хотя охватывали они небольшую часть ойкумены — около 15–20 %)¹⁹.

Третий виток включает время преобладания античной мировой цивилизации и второго поколения локальных цивилизаций, когда их ареал расширился до 35 % ойкумены, возникли первые мировые империи. Это пик развития первого исторического суперцикла.

Переход к **четвертому витку** спирали — средневековой мировой цивилизации и третьему поколению локальных — оказался тяжелым и длительным, поскольку он совпал со сменой исторических суперциклов. Центр цивилизационного прогресса переместился на Восток (в Индию, Китай), начала формироваться западноевропейская цивилизация, которая почти непрерывно находилась в состоянии военного конфликта с вновь возникшей мусульманской и иными цивилизациями. Те, в свою очередь, также были весьма агрессивны (покорение монголами почти всей Евразии). Возобладал идеациональный социокультурный строй, укрепилось господство мировых религий в духовной и политической сферах²⁰.

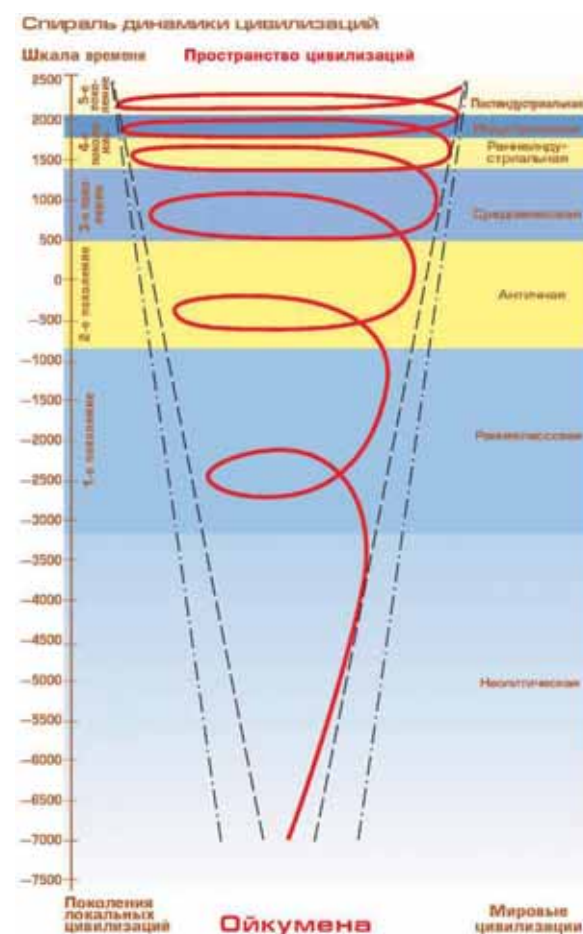

Рис. 4.

Старт **пятого витка** цивилизационной спирали ознаменовался переходом человечества к раннеиндустриальной мировой цивилизации, мануфактурному, технологическому способу производства, началом развития промышленного капитала, классов капиталистов и наемных рабочих, первыми буржуазными революциями (нидерландской и английской) и формированием буржуазной демократии как политического строя — после периода абсолютизма в авангардных странах. Сформировалось 4-е поколение локальных цивилизаций. Хотя по количеству населения и объему ВВП в то время преобладали китайская и индийская цивилизации, фактически лидерство перешло к молодой и агрессивной западноевропейской, которая развивалась ускоренными темпами. В эпоху Великих географических открытий она захватила большую часть мира и уничтожила доколумбовы цивилизации Америки. Именно в Европе развернулась великая научная революция XV–XVII веков, были освоены блестящие достижения Ренессанса, произошли важнейшие для духовной сферы перевороты Реформации и Просвещения. Западу были способны противостоять лишь евразийская (Российская империя) и мусульманская (Османская империя) цивилизации²¹.

Вершина второго исторического суперцикла была достигнута на **шестом витке** цивилизационной спирали, в период индустриальной мировой цивилизации, расцвета, а затем и заката 4-го поколения локальных цивилизаций, торжества чувственного социокультурного строя. Промышленная революция преобразила технологическое и экономическое пространства, многократно ускорила темпы экономического роста, что стало одним из факторов стремительного роста населения. Война за независимость в Северной Америке и Великая французская революция открыли путь радикальным трансформациям социально-политического строя и утверждению буржуазной демократии. Все эти события сопровождалась чередой войн и революций, происшедших в конце XVIII — начале XIX века и в XX столетии. Закат индустриальной цивилизации ознаменовался становлением тоталитарных государств, глубоким кризисом культуры. В XIX веке возникла колониальная система империализма, в которую были вовлечены многие древние цивилизации. XX столетие отметилось серией национально-освободительных революций, распадом системы империализма,

а к концу века — и мировой системы социализма, уничтожением биполярного мироустройства. Планету захлестнул глубокий цивилизационный кризис, связанный с завершением второго исторического суперцикла²².

На рубеже XXI века начинается **седьмой виток** цивилизационной спирали, который, вероятно, охватит пространство двух столетий и приведет к радикальному преобразованию глобальной цивилизации в начале третьего исторического суперцикла. Формируются гуманистически-ноосферная постиндустриальная цивилизация и пятое поколение локальных цивилизаций. Есть признаки, что преобладавший на Западе чувственный социокультурный строй заменяется гармоничным интегральным в его западной, восточной и российской модификациях.

В начале седьмого витка глобальная цивилизация столкнулась с тремя эпохальными вызовами. Первый из них — демографический: во все большем числе стран наблюдается депопуляция, старение населения. Второй — экологический: важнейшие энергетические и другие природные ресурсы почти исчерпаны, возникла угроза глобальной экологической катастрофы. Третий вызов бросает человечеству глобализация, ее неолиберальная модель, когда пропасть между богатыми и бедными народами и цивилизациями становится практически непреодолимой. Разворачивающаяся в наши дни научно-технологическая революция и формирование интегрального социокультурного строя создают предпосылки для разрешения указанных противоречий, для достойного ответа на вопросы века. От того, в какой мере будут использованы эти предпосылки, от своевременности и сути ответа зависит, вступит ли глобальная цивилизация в XXIII столетии в очередной, восьмой, виток цивилизационной спирали или человечеству придет конец.

Цивилизационный подход к истории и будущему человечества

Теория цивилизаций входит в состав ядра **постиндустриальной парадигмы общественного развития**, которая утвердится в итоге разворачивающейся в XXI веке великой научной революции, формирующейся сейчас новой картины постоянно меняющегося мира. Цивилизационный подход к истории и будущему человечества как главная составная часть **интегрализма идет на**

смену либеральному и марксистскому формационным подходам, которые преобладали в период расцвета и заката индустриальной цивилизации (XIX–XX вв.) и при всем кажущемся антагонизме имели общие корни и черты как составные части индустриальной научной парадигмы²³.

Современный этап развития ЧЦ. Анализ этой стадии крайне важен потому, что позволяет адекватно, с более системных позиций подойти к анализу современной международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО), увидеть общие закономерности и тенденции их развития, которые неизбежно «выпадают» из центра внимания при рассмотрении конкретных сценариев ВПО и СО.

Возможные сценарии развития ЧЦ до 2030 года. Эта стадия анализа предполагает вычленение, систематизацию и классификацию всех теоретически возможных сценариев развития ЧЦ — от самых маловероятных до кажущихся неизбежными. На этом этапе исследования важно не пропустить ни одного теоретически возможного сценария потому, что будущая смена парадигм развития ЧЦ может привести

к быстрому, даже «мгновенному» появлению самого невероятного сценария развития ЧЦ и, соответственно, принципиально новой модели МО и ВПО.

Вероятные сценарии развития ЧЦ до 2030 года. На данном этапе важно попытаться вычленить из всех возможных сценариев развития ЧЦ наиболее вероятные, так как подробный анализ всех возможных сценариев (и их последствий, отраженных в сценариях развития МО, а тем более ВАО и СО) очень загружен, хотя, по мнению автора, и должен находиться постоянно в поле внимания.

Вероятные сценарии развития ЧЦ до 2050 года. Соответственно стратегический прогноз до второй половины XXI века должен состоять, как минимум, из:

- прогноза вероятных сценариев до 2030, экстраполированных до 2050 годов;
- прогноза появления принципиально новых сценариев в связи с новыми и потенциальными системными парадигмами.

Этот порядок (с учетом возможных вариантов сценариев) может быть изображен следующим образом: (рис. 5)

Рис. 5.

2.3. Порядок формирования сценариев развития международной обстановки

Стремительно наступает столетие Азии, сопровождаемое возникающими вызовами в регионе... Любой сценарий будущей политики потребует четкой оценки китайских внешнеполитических и военных возможностей...²⁴.

*Д. Хантмэн, бывший губернатор
и посол США в КНР*

Для того, чтобы лучше представить себе перспективы развития военно-политической обстановки (ВПО) необходимо отчетливо представлять, что ее основы, образ, границы и, в конечном счете, сценарии формируются под воздействием складывающихся трендов развития международной обстановки (МО).

Каждый из потенциальных сценариев МО предполагает, как минимум, три варианта развития ВПО — благоприятный, неблагоприятный и нейтральный, которые, в свою очередь также могут делиться на отдельные виды. Так, например, рассматривая перспективы развития ВПО в Евразии, мы можем констатировать, что союзнические отношения с Казахстаном и Белоруссией ведут к постепенному созданию единой ПВО (и в будущем ВКО), т. е. формированию единого оборонительного воздушно-космического пространства. Это, в свою очередь, неизбежно влияет на будущую конфигурацию стратегической обстановки и на планы военного сотрудничества, так как предполагает, что Россия поставит Казахстану пять дивизионов С-300 ПС, что в конечном счете, укрепит ВКО ОДКБ²⁵.

Этот процесс (создания единых зон ПВО со странами СНГ) инициирован Россией в 2007 году, т. е. от начала международного со-

трудничества до получения военно-политической результата прошло более 5 лет.

В самом общем виде, таким образом, можно представить себе сценарии развития МО в качестве фундаментальных основ для развития различных сценариев ВПО в рамках которых, как правило, сформулированы основные нормы и условия. На следующем рисунке эту логику можно представить себе таким образом (рис. 6).

Основные характеристики вариантов в рамках «благоприятных» сценариев развития МО:

1.1. Отсутствие войн, высокий уровень доверия, сокращение численности личного состава вооруженных сил и военных расходов, роспуск коалиций и блоков;

1.2. Отсутствие войн, высокая степень доверия, стабилизация численности личного состава и военных расходов, сохранение военных коалиций.

1.3. Отсутствие войн, регулирование конфликтов в рамках дипломатических переговоров и на основе норм международного права, сохранение статус-кво в численности личного состава ВС и масштабов военной активности.

...

3.2. Периодически возникающие локальные войны и конфликты, рост военных расходов, увеличение рисков.

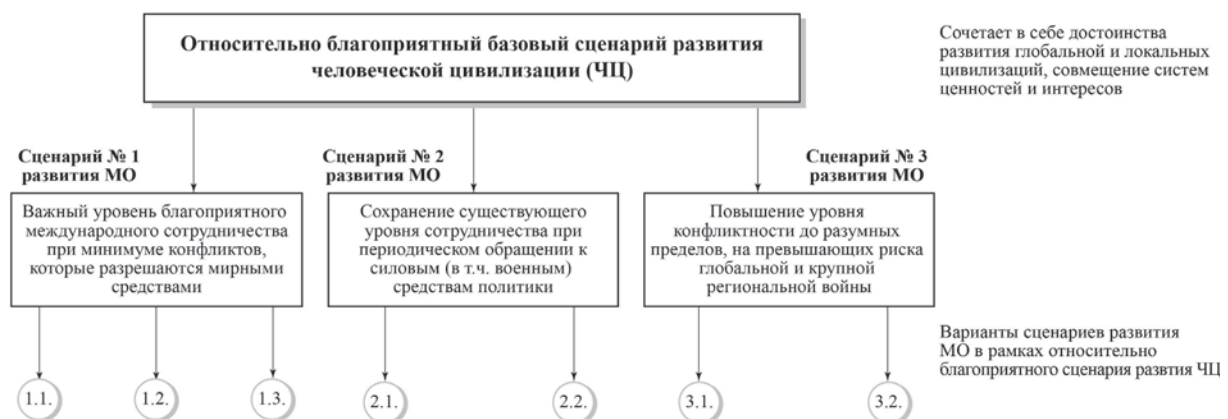

Рис. 6.

2.4. Порядок формирования сценариев развития военно-политической обстановки

Выше отмечалось, что международная обстановка формирует базовые условия для развития различных сценариев ВПО, которые по отношению к той или иной стране могут быть, как минимум, разделены на:

- благоприятные сценарии развития МО (отсутствие нарастания внешних опасностей и угроз, наличие существенного коалиционного потенциала, отсутствие стратегических противников и т. д.);
- неблагоприятные сценарии развития МО (нарастание системных, экзистенциальных угроз, формирование и укрепление враждебных коалиций, усиление негативных военно-политических трендов и т. д.);
- нейтральные сценарии развития МО (отсутствие существенных позитивных или негативных признаков изменения ВПО).

При этом, как уже говорилось выше «благоприятные сценарии» развития (Сценарий №1; Сценарий №2; Сценарий №3 в предыдущем разделе) МО состоят, в свою очередь из различных вариантов, среди которых выделяются варианты динамики МО, когда не используется вооруженное насилие в своей открытой форме. Собствен-

но, такие варианты сценариев МО и являются основными для характеристики различных сценариев ВПО (рис. 7).

Таким образом уровень формирования сценариев и вариантов сценариев развития ВПО является производным от вариантов сценариев МО. Соответствующие описания этих вариантов сценариев являются отправной точкой дальнейшего системного анализа и стратегического прогнозирования.

Варианты сценариев развития военно-политической обстановки (ВПО) (на примере «благоприятных» сценариев №1, №2, №3 развития МО)

К перечню основных сценариев и вариантов сценариев развития ВПО до 2030 и до 2050 годов, вытекающих из соответствующих сценариев развития МО, следует отнести, прежде всего, сценарии усиления значения силовых факторов, не относящихся в настоящее время к средствам вооруженного насилия. Прежде всего:

- политические — дипломатическое давление, политический шантаж и угрозы и т. д.;

Некоторые характеристики ОНСД

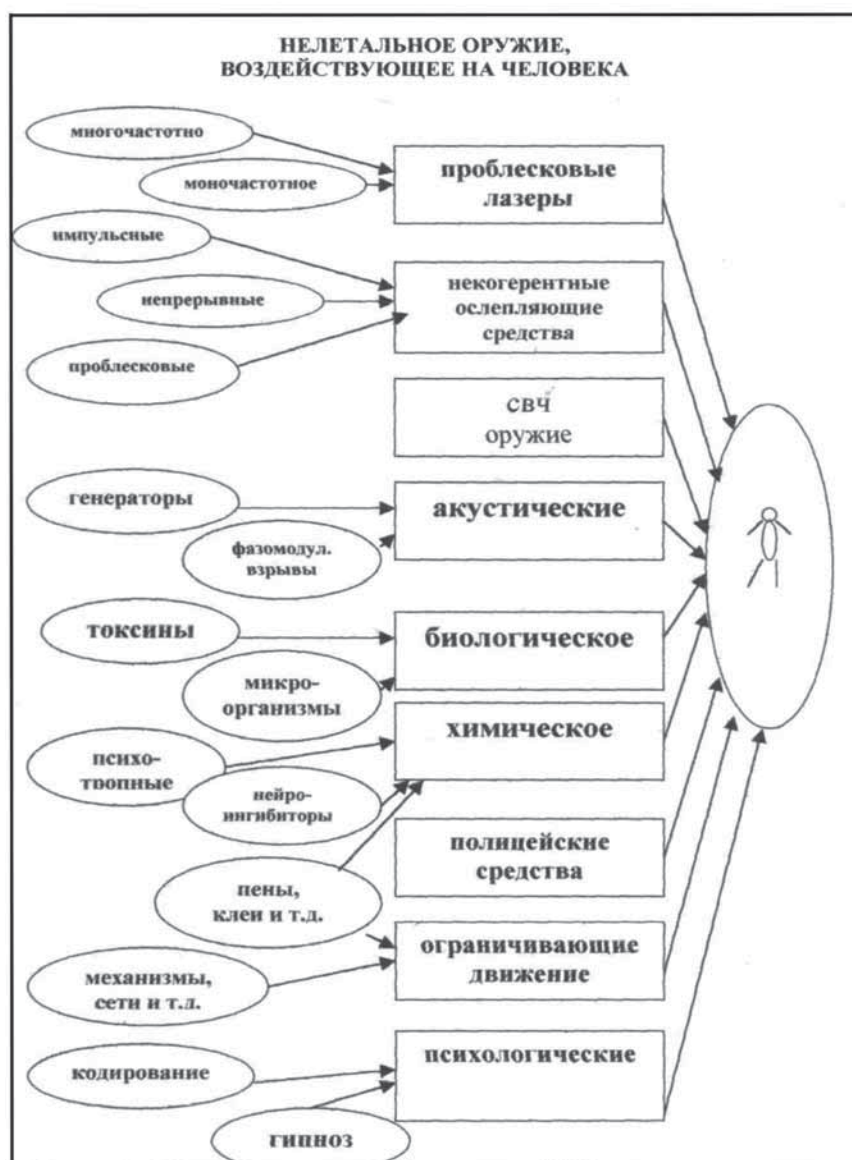

Рис. 8.²⁶

— экономические — введение;
— информационные;
— социокультурные;

— а также новые виды и системы ВнВТ, которые относятся к категориям нелетального оружия.

2.5. Порядок формирования сценариев развития стратегической обстановки

Варианты сценариев развития ВПО во многом предопределяют сценарии развития СО, однако существует и обратная тенденция. Таким образом, существует тесная взаимосвязь между этими вариантами сценариев при определяющей

роли сценариев развития ВПО как более устойчивых, системных и многофакторных явлений, обладающих значительной инерцией. Так, во многом определяющие сценарии развития ВПО тенденции в военном строительстве, как приви-

Взаимосвязь изменений в ВПО и их последствия для СО

Рис. 9.

ло, отличаются определенной продолжительностью, измеряемой десятилетиями. Сценарии же, развития СО, вытекающие из этих тенденций, могут измеряться годами и даже месяцами. На рисунке эту взаимосвязь можно показать следующим образом: (рис. 9).

Классическими примерами изменения СО под влиянием изменений в ВПО была позиция Великобритании в 1939–1941 годах по отношению к СССР, которая менялась от откровенно враждебной (например, подготовка экспедиционного

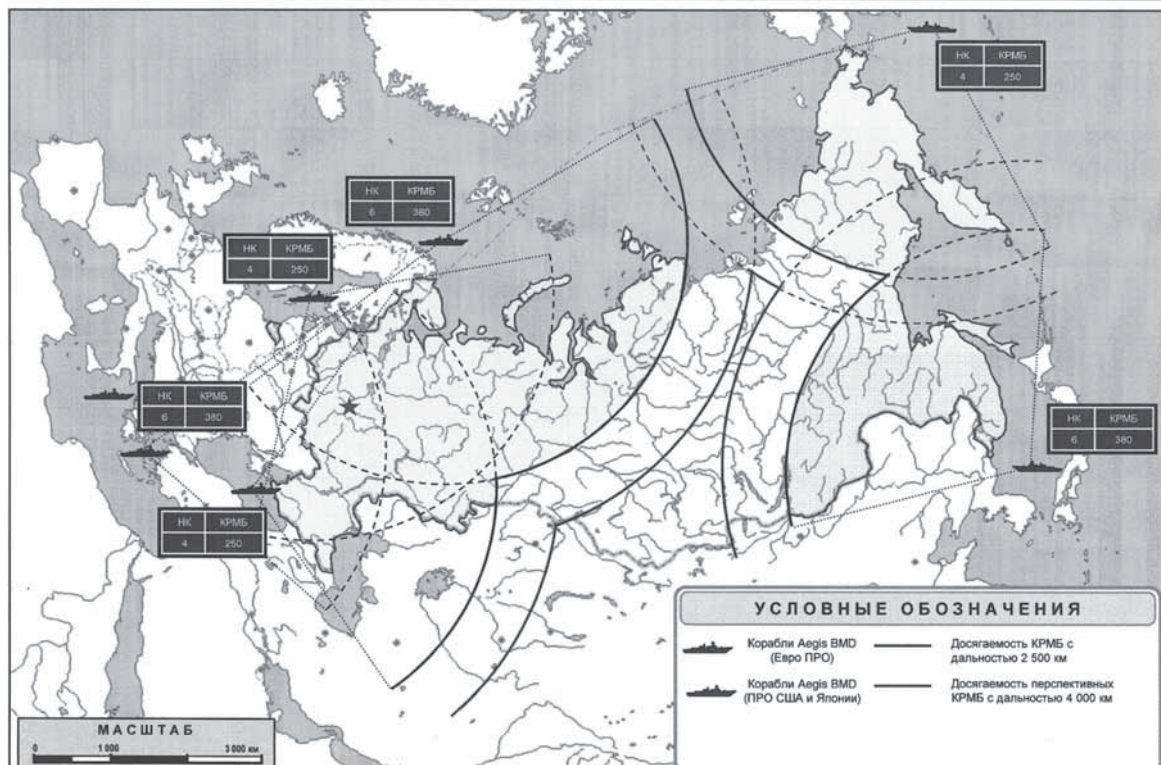
корпуса во время войны с Финляндией) до союзнической (после нападения Германии на СССР).

В настоящее время СО меняется еще быстрее, что связано с усилением динамичности в изменении ВПО, с одной стороны, и стремительным усилением динамизма в развитии сценариев СО.

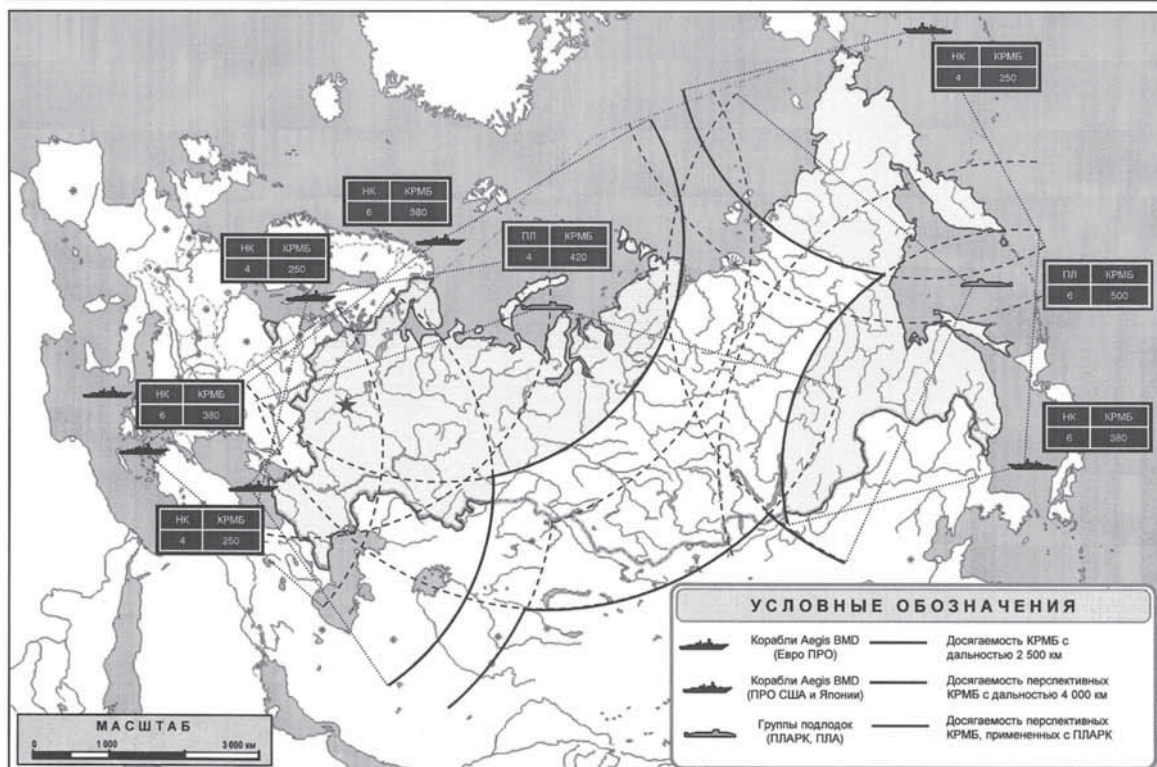
В качестве иллюстрации этой мысли можно привести этапы развития КР большой дальности и изменения СО, которые ведут в конечном случае к радикальной перемене в ВПО.

Зоны досягаемости крылатых ракет большой дальности, при применении с кораблей морского сегмента противоракетной обороны

Зоны досягаемости крылатых ракет большой дальности, при применении с кораблей морского сегмента противоракетной обороны

- ¹ China`s Military & the U.S. — Japan Alliance in 2030 / Carnegie Endowment for International Peace. W. 2013. P. 1.
- ² Цит. по: *Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С.* и др. Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. А. В. Коротаев. Изд. стереотип. М.: Изд.: ЛКИ. 2014. С. 7.
- ³ Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 9. Кн. 1. Обеспечение национальных интересов России в Арктике / Зап. воен. округ, Воен. акад. Ген. штаба Вооружен. Сил Рос. Федерации, Ин-т воен. истории, Гос. полярн. акад. — Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 2014 / <http://pvkgb.ru/d/647158/d/obespechenie-nacionalnyh-interesov-v-arktike---kniga-1.pdf>
- ⁴ *Белоусов Д. Р.* ОПК и наука: что следует из долгосрочного прогноза? Доклад. Международный форум технологического развития ТЕХНОПРОМ-2013. Новосибирск. 2013. Ноябрь.
- ⁵ Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 9. Кн. 1. Обеспечение национальных интересов России в Арктике / Зап. воен. округ, Воен. акад. Ген. штаба Вооружен. Сил Рос. Федерации, Ин-т воен. истории, Гос. полярн. акад. — Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 2014 / <http://pvkgb.ru/d/647158/d/obespechenie-nacionalnyh-interesov-v-arktike---kniga-1.pdf>. С. 176.
- ⁶ Статья 1 ФЗ « 172 от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации»
- ⁷ *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; авт. вступ. стат. А. Д. Некипелов. М.: Институт экономических стратегий. Т. V / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 30.
- ⁸ Там же. С. 31.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 32.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 33.
- ¹⁴ Там же. С. 34.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 35.
- ¹⁸ Там же. С. 36.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 38.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 39.
- ²⁴ China`s Military & the U.S. — Japan Alliance in 2030 / Wash.: Carnegie Endowment for International Peace. 2014. P. II.
- ²⁵ Казахстан одобрил создание единой с Россией зоны ПВО / Эл. ресурс «ЦВПИ». 2014. 27 мая / <http://eurasian-defence.ru/>
- ²⁶ Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 9. Кн. 1. Обеспечение национальных интересов России в Арктике / Зап. воен. округ, Воен. акад. Ген. штаба Вооружен. Сил Рос. Федерации, Ин-т воен. истории, Гос. полярн. акад. — Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 2014 / <http://pvkgb.ru/d/647158/d/obespechenie-nacionalnyh-interesov-v-arktike---kniga-1.pdf>. С. 187.

ГЛАВА 3

ПОТЕНЦИАЛ ГОСУДАРСТВ И КОНФЛИКТНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Социальная эволюция действительно подчиняется строгим и достаточно простым макрозаконам¹.

А. Коротаев, Д. Халтурина и др.

Экономические ресурсы страны составляют все накопленные ею и располагающиеся как на своей территории, так и за рубежом материальные ценности, научные, интеллектуальные, информационные и трудовые ресурсы, включая предпринимательские способности, а также природные ресурсы. Они характеризуются общим объемом, структурой и качеством.

Экономические результаты отражаются в объеме, структуре, качестве и техническом уровне производимых товаров и услуг. Обобщенной характеристикой экономических результатов выступают ВВП, ВНП, национальный доход и их структура. Кроме того, в качестве показателей экономических результатов могут выступать физические объемы производства отдельных видов товаров, признаваемых на данном историческом этапе важными.

Основными факторами, определяющими экономический потенциал, являются производственные мощности промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта и связи, производственная, социальная и экологическая

инфраструктуры, трудовые ресурсы, в том числе квалифицированные кадры, способные развивать научно-технический прогресс и обеспечивать его реализацию в сфере производства и потребления.

Например, важнейшими составляющими совокупного экономического потенциала Беларуси являются:

- природно-ресурсный потенциал;
- демографический и трудовой потенциалы;
- научный, научно-технический и инновационный потенциалы;
- производственный потенциал;
- инвестиционный потенциал национальной экономики;
- внешнеэкономический потенциал;
- экологический потенциал.

Для общей оценки совокупного экономического потенциала используются следующие индикаторы:

- численность населения, его половозрастная структура, естественное и механическое движение населения;

- трудовые ресурсы, их структура, обеспеченность рабочей силой и квалифицированными кадрами в соответствии с требованиями научно-технического прогресса (НТП) и рыночной экономики;
 - индекс развития человеческого потенциала;
 - стоимость и структура основных производственных фондов, показатели их воспроизводства (коэффициенты обновления, выбытия, степень износа);
 - валовой национальный продукт, валовой внутренний продукт, в том числе на душу населения в сравнении с экономически развитыми странами;
 - возможные объемы роста выпуска промышленной, сельскохозяйственной продукции, продукции строительства, перевозок грузов и пассажиров;
 - уровень потребления благ и услуг на душу населения в сравнении с научно обоснованными нормами и нормативами, а также с экономически развитыми странами;
 - наличие запасов и уровень использования минерально-сырьевых, топливно-энергетических, лесных, водных, земельных ресурсов;
 - экологическая емкость экосистем и уровень загрязнения окружающей среды (по основным ее компонентам).
- Экономический потенциал зависит не только от абсолютных объемов ресурсов и производственных возможностей, но и от степени их использования. Высокий уровень совокупного экономического потенциала имеют страны с развитыми производительными силами и рыночной экономикой.
- Проблема эффективности использования экономического потенциала является одной из основных проблем экономической теории. Суть этой проблемы состоит в определении

Стратегический прогноз намерений, вытекающих из анализа возможностей (потенциалов и условий) государства и коалиции государств

Рис. 1.

путей и способов достижения наибольшего удовлетворения безграничных общественных потребностей в условиях редкости, ограниченности ресурсов. Проблема эффективности

общественного производства имеет два аспекта — целевой (удовлетворение потребностей) и ресурсный (использование ограниченных ресурсов)².

3.1. Совокупный и сетевой потенциал государств

Основной принцип применения «мягкой силы» китайской дипломатией состоит в том, чтобы, насколько это возможно, примирить международное сообщество с неизбежным фактом возвышения Китая, а вернее с тем, что его внешнеполитический потенциал будет в ближайшее время приведен руководством КНР в соответствие с продолжающимися крепнуть экономическими возможностями страны. Перестройка глобальной системы международных отношений, которая явно назревает, невозможна без участия Китая³.

А. Бояркина, эксперт-международник

Наибольшую трудность при анализе и стратегическом прогнозе МО и ВПО представляет прогноз намерений государств и их военно-политического руководства. Эти намерения могут меняться (и меняются) достаточно быстро, поэтому строить стратегические прогнозы, опираясь на анализ намерений, — бессмысленно.

В действительности стратегический прогноз может быть сделан (и достаточно достоверно) на двух базовых основах:

Во-первых, на основе анализа долгосрочных национальных интересов и ценностей и их государственных оформлений в представлении правящих элит.

Во-вторых, на основе анализа и прогноза реальных возможностей («capabilities») — прежде всего потенциалов и способностей использовать условия (или даже искусственно их формировать).

Большинство показателей потенциалов зарубежных стран и коалиций — вне процесса национального управления (в т. ч. планирования), поэтому их можно только оценивать и прогнозировать, но не планировать. В большинстве случаев можно использовать следующие методы:

- **экспертные методы**, когда в роли экспертов выступают специалисты — страноведы, в том числе и по отдельным проблемам внешней и военной политики, что особенно важно для целей долгосрочного прогнозирования;
- **статистические методы**, когда имеется достаточно данных о намерениях, расходах, ВиВТ и др. показателях и динамики их развития. Это особенно актуально для краткосрочных и среднесрочных военно-политических прогнозов потому, что анализируемые

показатели, как правило, меняются не радикально и по тем же законам и правилам. В частности, можно использовать два следующих метода:

- построение тренда, — т. е. создание математического уравнения, описывающего поведение данного показателя;
- метод индексирования, — когда те или иные действия описываются исходя из анализа предыдущих исторических циклов, устраняя годовые (декадные) колебания, вызванные случайными факторами. Так, военные расходы США за 1999–2009 годы выросли почти на 100 %, но потом, в 2012–2013 годах, произошли некоторые сокращения, которые в целом не отразились на всей тенденции.

Затем надо понять, как релевантные факторы будут влиять по времени. Сделать это можно с помощью одного из методов прогнозирования, описанных выше. Нужно учесть, что иногда факторы могут меняться скачкообразно. Для отражения таких изменений обычно используют поправочные коэффициенты, полученные с помощью анализа сезонных изменений статистических данных и информации о предполагаемых изменениях (например, сообщения Госкомстата России, экспертные мнения). Значения поправочных коэффициентов должны быть экономически обоснованы. Прогнозное значение фактора корректируется путем умножения прогнозов, полученных с помощью тренда, на поправочные коэффициенты. После того как прогнозные значения всех факторов будут получены, рассчитываются пессимистические, оптимистические и наиболее вероятные варианты развития соответствующего тренда.

Структура распределения национального потенциала (богатства)

В определении масштабов потенциала государств в последние десятилетия стремительно растет значение национального человеческого капитала, доля которого в развитых странах устойчиво превышает две другие составляющие национального потенциала (или национального богатства) — природные ресурсы и материальные активы.

Сам по себе конфликт, как острый и радикальный способ разрешения противоречий, далеко не всегда вреден. По аналогии со стрессом, если конфликт не приобретает затяжную и крайнюю форму (в случае межгосударственных конфликтов, — форму силового противостояния) он может быть даже полезен, так как иногда является средством ускорения решения какой-то проблемы или противоречия. Как показано на нижеследующем графике, особо опасными для политической эффективности становятся кризисы с очень высокой степенью конфликтности.

Рис. 2.⁴

Например, Соединенные Штаты избрали в украинской политике 2014 года стратегию высокой степени конфликтности (отрезок «в»), которая постепенно вела к снижению эффективности их политики. Этот спад отчетливо обозначился

в период, когда целый ряд европейских стран отказались поддерживать курс США, с одной стороны, а Россия не поддавалась на провокации Вашингтона, с другой. После этого американская элита усложнила и интенсифицировала свое рефлексивное поведение в отношении России и Украины.

Политические конфликты — часть повседневной политики государств и неизбежная составляющая их стратегии в отношении других государств. Поэтому очень важно определить, насколько остро та или иная страна будет настроена использовать конфликты в своей политике. Если посмотреть, например, на политику США в отношении ситуации на Украине в 2014 году, то можно обнаружить, что их стратегия строилась на использовании максимальных уровней конфликтности. Ее суть по отношению к решению проблем, возникающих с Россией и другими странами, ясно изложил в июне 2014 года З. Бжезинский. В своей статье он писал: «...украинская проблема — это угроза, с которой Западу необходимо бороться на трех уровнях. Мы должны решительно бороться с искушением применить силу, с которым сталкивается российское руководство. Проще говоря, мы должны предотвратить применение силы.

Во-вторых, мы должны добиться прекращения сознательных попыток России дестабилизировать ситуацию в восточных областях Украины...

Третья наша задача заключается в том, чтобы настоять и затем обсудить с россиянами формулу окончательного компромисса, который предполагает запрет на открытое и масштабное применение силы и на попытки дестабилизировать ситуацию. В свою очередь, это означает следующее — и я буду предельно откровенен в выражении своих мыслей по этому поводу. Украину необходимо поддерживать, если она будет сопротивляться. Если Украина не будет со-

противляться, если беспорядок внутри страны сохранится и правительству не удастся организовать эффективную систему национальной защиты, тогда украинскую проблему нужно будет решать в одностороннем порядке, однако это может повлечь за собой последствия, которые, вероятно, окажут дестабилизирующее воздействие на уязвимые государства и на отношения между Востоком и Западом в целом.

Если Украину необходимо будет поддержать в ее попытках сопротивляться, украинцы должны знать, что Запад готов помочь им. И нет никаких причин скрывать эту готовность. Гораздо полезнее заявить о ней, сообщить украинцам и тем, кто им угрожает, что, если Украина будет сопротивляться, она получит оружие. И мы предоставим это оружие еще до того, как свершится сам акт вторжения...»⁵.

Другими словами на отношение к России стратегия «трех уровней» предполагает:

- «сдерживание» России в отношении применения ею военной силы;
- «сдерживание» влияния России в мире в любой форме;
- «навязывание» России выгодного для США компромисса.

На всех трех уровнях ключевым и неприкрытым является установка на силовое давление. На первом, военно-политическом уровне, «сдерживание» равнозначно силовому принуждению. На втором, политико-экономическом и гуманитарном уровне, «сдерживание» означает противодействие силовым невоенным фактором влияния. На третьем, политико-дипломатическом, уровне речь идет о силовом навязывании выгодного США компромисса.

Совокупный потенциал государства (мобилизованный потенциал и возможности нации и общества)

3.2. Политика и конфликт национальных интересов

Важно, чтобы сетевой потенциал государства и той или иной военно-политической коалиции не рассчитывался механически, путем простого сложения национальных потенциалов. Нередко в истории бывало так, что те или иные союзники ничего не прибавляли к коалиционному потенциалу, а иногда и вычитали из него.

Сказанное имеет прямое отношение к современным процессам формирования ВПО. Прежде всего, со стороны США, которые резко активизировали усилия по оформлению под своим руководством глобальной коалиции, с одной стороны, и по повышению ее коали-

ционных возможностей, — с другой. По этому поводу З. Бжезинский летом 2014 года выразился очень образно: «Учитывая современные последствия масштабного расширения НАТО за последние несколько десятилетий до 28 членов, было бы правильным в свете текущих событий еще раз провести оценку структуры этого альянса. В частности я говорю об историческом парадоксе, заключенном в важнейшей Статье 5 его устава. В Статье 5 говорится о процедуре военного ответа на агрессию, направленную против всего блока или отдельных его членов. Несомненно, вы вспомните, что в Статье 5 есть строка о том, что решения относительно

**Коалиционный (сетевой) потенциал США
(два стратегических направления)**

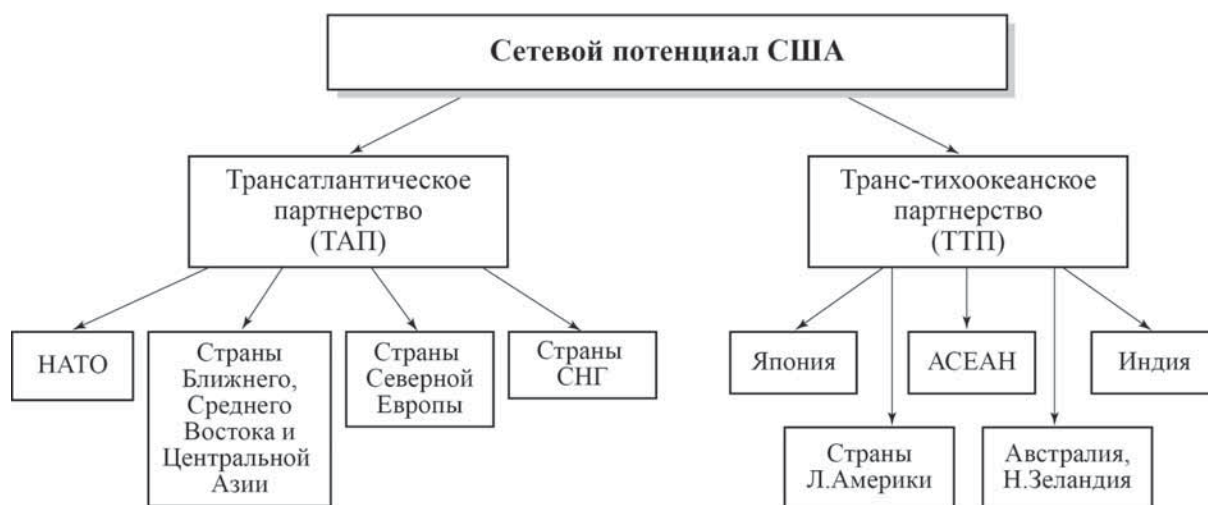

Рис. 3.

участия в конфликтах должны приниматься единогласно. Другими словами, это значит, что у любой страны есть право вето. Именно США настояли на включении этого условия в устав НАТО. Правительство США настояло на этом, чтобы получить поддержку сторонников изоляционизма в американском Конгрессе. Они опасались, что альянс такого рода нарушит американскую традицию отказа от участия в конфликтах на территории иностранных государств. К сожалению, сегодня, с учетом того, что в состав НАТО входят 28 государств, в различной степени приверженных выполнению условий безопасности, ситуация оказалась обратной. Именно новые члены НАТО в определенных обстоятельствах начинают ссылаться на Статью 5. Вето одного государства не дает гарантии того, что НАТО не станет применять военную силу, потому что, я убежден, если такое произойдет после долгих дебатов, сильного возмущения и взаимных угроз, это государство будет вынуждено либо согласиться, либо выйти из состава альянса»⁶.

«Одним из возможных вариантов может стать принятие условия о том, что те страны, которые систематически не выполняют обязательства, предусмотренные уставом НАТО, не могут иметь права вето. Некоторые члены этого альянса совершенно не выполняют своих обязательств, поэтому их членство в НАТО фактически представляет собой безбилетный проезд. Почему член альянса, который не выполняет своих обязательств, должен иметь право мешать

другим членам НАТО осуществлять коллективную самооборону? Это аномалия и потенциальный источник проблем и путаницы. Поскольку этот кризис постепенно приближается к решению, я надеюсь, что НАТО пересмотрит свой устав и еще раз обсудит вопрос о принятии новых членов в альянс. Страна, в безопасности которой НАТО заинтересовано, вовсе необязательно должна становиться членом альянса. НАТО может принимать участие в обеспечении ее безопасности, но не принимать ее в свои ряды. Сейчас ведутся разговоры о новых членах Евросоюза. Возможно, некоторые из них захотят вступить в НАТО, и за последние несколько лет некоторым государствам удалось вступить в НАТО, несмотря на то, что территориально они удалены от возможных конфликтов на разделительной линии между Востоком и Западом. Я считаю, что дополнительное обсуждение в данном вопросе может принести определенную пользу, повысить авторитет НАТО и оказать давление на некоторых его членов...»⁷.

В настоящее время можно выделить два стратегических направления формирования коалиционного потенциала США (рис. 3).

В процессе формирования коалиционного потенциала США отчетливо обозначился ряд особенностей:

- расширение круга союзников и партнеров, попыток включения в него государств, прежде не входивших в подконтрольные США альянсы;

- расширение спектра сотрудничества с партнерами при отчетливом усилении гуманитарных связей и институтов «мягкой силы»;
- формирование самостоятельных горизонтальных отношений того или иного государственного института США с различными общественными сегментами страны-партнера, например, PR-активность

Корпуса морской пехоты США в некоторых районах мира.

Конфликт как форма взаимоотношений между государствами и другими участниками международных отношений и ВПО — естественное состояние, которое характеризует борьбу тех или иных участников МО за свои национальные и государственные интересы.

3.3. Показатели конфликтности национальных интересов

Конфликт как наиболее острый способ разрешения проблем между государствами необходимо анализировать в главном ракурсе — противоречий между национальными и государственными интересами. В несколько упрощенном виде это можно изобразить следующим образом.

Конфликт как объект системного исследования обладает значительным количеством черт и характеристик. Но только некоторые из них имеют существенное значение для эффективного решения конкретной и важной задачи. Для того чтобы оценить эти характеристики, необходимо, во-первых, знать их, во-вторых, обладать методами и методиками их оценки, в-третьих, иметь специалистов, владеющих опытом использования таких методик. Для системного анализа и системного прогнозирования сложного конфликта, в первую очередь, необходима разработ-

ка комплекса конкретных показателей именно для данной, конкретной конфликтной ситуации.

Часть из множества характеристик конфликта, которые мы можем зафиксировать, называются независимыми показателями, посредством которых данная конфликтная ситуация и воспринимается более или менее объективно. Другие показатели — зависимые переменные — используются для оценки внутренних компонентов и внутренней динамики данного конфликта.

Естественно, необходимы системные методики и технологии измерения данных показателей, их дальнейшего обобщения и конструирования на их основе системной аналитической модели.

В зависимости от уровня сложности конфликта могут использоваться разные по набору и численности показатели, которые используются

Табл. 1. Матрица интересов с точки зрения их конфликтности между нациями и государствами

Категории интересов в Европе (на примере России)	Временной период и степень конфликтности			Примечание (степень конфликтности от мин. -3 до макс. +3)
	Краткосрочные	Среднесрочные	Долгосрочные	
Общечеловеческие интересы	-2	-2	-3	
Локально-цивилизационные	+1	+2	+2	
Национальные	+1	+2	+3	
Государственные	+2	+3	+3	
Социальные	+1	+2	+2	
Групповые	-2	-3	-3	
Личные	-3	-3	-3	

для его оценки, — от нескольких десятков до нескольких сотен⁸.

Как видно из этой матрицы (табл. 1), уровень **конфликтности национальных и государ-**

ственных интересов России в Европе в 2014 году достаточно существенен, в то время как личные и групповые интересы граждан РФ и Европы находятся практически вне конфликтных зон.

3.4. Показатели совокупного потенциала России

Создаваемый Национальный центр...позволит скорректировать усилия 49 министерств и ведомств, участвующих в реализации Плана обороны страны⁹.

*В. Герасимов,
начальник Генерального штаба ВС России*

Существует огромное число индикаторов экономического развития и иных показателей, разработанных как в ООН и других международных организациях, так и отдельных странах.

Базовые системная оценка и стратегический прогноз комплексного, совокупного потенциала России можно сделать, используя, как минимум, две основные методики — экспертного долгосрочного прогноза и статистического анализа, основанного на достаточно существенной информационной базе. При этом такие расчеты невозможно делать, абстрагируясь от основных внешних факторов, с одной стороны, и национальных возможностей, с другой. Если говорить о неизбежном учете внешней среды, то, как я писал прежде¹⁰, учитывая долгосрочный характер реализации военно-технических программ, их необходимо делать на долгосрочную перспективу, т. е. прогноз развития потенциалов и прогноз ответных мер на внешние опасности по времени должны совпадать.

Естественно, что, с другой стороны, развитие потенциала государства прогнозируется на оценке существующих и будущих возможностей государства. Так, в Энергетической стратегии России, до 2030 года, например, заложены индикаторы не только добычи нефти, газа и угля, но и разведки, транспортировки и т. д. в т. ч. по отдельным регионам¹¹ (табл. 2–5).

Соответственно уже разработанные в России экономические и социальные показатели, индикаторы и критерии могут быть использованы для стратегического прогноза экономического потенциала России к 2030 году.

В энергетической стратегии России и других отраслевых стратегиях на период до 2030 годов даются основные индикаторы, однако, как по-

казывает практика, очень часто эти индикаторы имеют некоторые недостатки.

Основные из них следующие:

Во-первых, — и это главное — стратегическое прогнозирование и соответствующее стратегическое планирование должны основываться на принципе защиты и продвижения базовых национальных ценностей и интересов в долгосрочной перспективе. Это означает, что сам выбор показателей и переменных, их классификаторы должны **быть следствием** того «желаемого будущего», которое определено как ключевой сверхидеал.

И здесь очень важна глубина самоидентификации и самоопределения нации и ее правящей элиты, и соответственно, четкие идеологические приоритеты сформулированных целей, задач, критерии их реализации. Так, например, развитие экономического потенциала к 2030 году может прогнозироваться (в зависимости от выбора критерия):

- а) темпами роста ВВП и, как следствие, сохранением прежней стратегии опоры на экспорт энергоресурсов;
 - б) темпами роста НЧК и, как следствие, усилением акцентов на качество человеческой личности и демографических показателей;
 - в) темпами развития возможностей обрабатывающих отраслей промышленности, прежде всего, в ОПК;
 - г) продолжением «рыночного», макроэкономического тренда «создания экономических условий» для привлечения инвестиций;
 - д) другими факторами и параметрами развития.
- В основе такого выбора лежит принцип ориентации на национальные интересы и национальную систему ценностей, что может быть показано

на несколько модернизированной логической схеме стратегического прогнозирования (рис. 4).

В каждом случае выбора той или иной стратегии, того или иного основного критерия, результаты стратегического прогнозирования потенциала страны будут значительно отличаться друг от друга. Так, по оценкам автора, результаты выбора каждой из стратегий приведут к изменению следующих показателей ВВП к 2030 году:

— 1 вариант

- а) росту ВВП на 7–10 %;
- б) росту ВВП на 170–250 %;
- в) росту ВВП на 70 %;
- г) падению ВВП на 5–10 %.

Примечательно, что руководство страны так или иначе не только понимает необходимость такого подхода, ориентированного прежде всего на национальные интересы, но и пытается политико-административными методами заставить на него ориентироваться. Так, в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 года «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» прямо говорится: «В целях последовательной реализации внешнеполитического курса Российской Федерации, позволяющего обеспечить ее национальные интересы, постановляют (и далее идет перечень этих приоритетов):

- а) содействовать созданию благоприятных внешних условий для долгосрочного развития РФ и т. д.;

- б) добиваться утверждению верховенства права...»
- и др. вплоть до пунктов ф) и х)¹².

Во-вторых, они экстраполируют существующие оценки достаточно механически, перенося их на будущее. Опыт прогнозов в России показывает, что даже краткосрочные прогнозы оказываются неточными.

В-третьих, в стратегических прогнозах практически не учитывается динамика развития внешних условий существования России. Так, в той же Энергетической стратегии до 2030 года прогноз добычи нефти в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока предполагает скромный рост до 75–69 млн т. и 32–33 млн т. соответственно (хотя, в абсолютных цифрах он в несколько раз и превышает уровень 2008 года)¹³, т. е. по сути дела господствует та же экстраполяция, хотя внешняя ситуация 2012–2014 годов говорит в пользу необходимости резкой переориентации экспорта нефти и газа (что, кстати, подтвердило и запоздалое подписание в мае 2014 года соглашения по экспорту газа между РФ и КНР).

В-четвертых, индикаторы и показатели развития потенциала России до 2030 годов и 2050 годов не учитывают главной особенности современного этапа развития человеческой цивилизации — приоритета в развитии (НЧК), который в XXI веке вносит решающий вклад в темпы и качество потенциала государства¹⁴.

Логическая схема стратегического прогноза до 2030 года

Рис. 4.

Табл. 2. Индикаторы стратегического развития минерально-сырьевой базы топливно-энергетического комплекса на период до 2030 года

Приложение №3к Энергетической стратегии России на период до 2030 года

Индикаторы/направления	1-й этап	2-й этап	3-й этап
Прирост запасов нефти (млн тонн)			
Российская Федерация — всего	1854	5597	5122
в том числе:			
Западно-Сибирская провинция	1205	2500	2500
Восточная Сибирь	165	1200	1200
Европейский Север	91	330	200
Прирост запасов природного газа (млрд куб. м)			
Российская Федерация — всего	4100	5400	6500
в том числе:			
Западная Сибирь	1200	2100	3000
Восточная Сибирь	480	1400	1200
моря России	350	1700	2000
Прирост запасов угля (%)			
Среднегодовые темпы роста балансовых запасов	0,5–0,8	1–1,5	2–3
Доля балансовых запасов угля, экономически эффективных для извлечения согласно мировым стандартам	48–50	55–58	60–65
Прирост запасов и ресурсов урана			
Обеспечение прироста запасов к 2030 году в объеме (тыс. тонн): С1 — 150, С2 — 300; прогнозных ресурсов — Р1 — 1200, Р2 — 2000, Р3 — 1700			

Табл. 3. Индикаторы стратегического развития нефтяного комплекса на период до 2030 года

Индикаторы/направления	2008 год (факт)	1-й этап	2-й этап	3-й этап
Эффективность недропользования				
Коэффициент извлечения нефти	30	30–32	32–35	35–37
Добыча нефти				
Доля Восточной Сибири и Дальнего Востока в добыче нефти (%)	3	10–12	12–14	18–19
Транспортировка нефти				
Прирост мощности магистральных трубопроводов для поставок нефти в дальнее зарубежье (% к 2005 году)	2	36–52	61–67	65–70
Нефтепереработка				
Глубина переработки нефти (%)	72	79	82–83	89–90

Окончание табл. 2

Индикаторы/направления	2008 год (факт)	1-й этап	2-й этап	3-й этап
Выход светлых нефтепродуктов (%)	57	64	67–68	72–73
Индекс комплексности Нельсона (единиц)	4,3	6	6,5	8,5
Душевое потребление нефтепродуктов (тонн/человек)	0,5	1	1,1–1,3	1,3–1,6
Экспорт нефти и нефтепродуктов				
Доля восточного направления в общем объеме экспорта нефти и нефтепродуктов (%)	8	10–11	14–15	22–25

Табл. 4. Индикаторы стратегического развития газовой промышленности на период до 2030 года

Индикаторы/направления	2008 год (факт)	1-й этап	2-й этап	3-й этап
Добыча газа				
Доля новых районов в суммарных объемах добычи (%)	2	13–14	21–23	38–39
в том числе:				
Ямал	—	6	9	23–24
Восточная Сибирь и Дальний Восток	2	7–8	12–14	15
Доля независимых производителей газа и вертикально интегрированных нефтяных компаний в суммарных объемах добычи (%)	17	20	25–26	27
Транспортировка газа				
Рост протяженности магистральных газопроводов (в % к уровню 2005 года)	3	8–10	13–15	20–23
Доля реконструированных действующих газопроводов (%) в общей протяженности Единой системы газоснабжения	4	10–11	12–13	25–26

Табл. 5. Индикаторы стратегического развития угольной промышленности на период до 2030 года

Индикаторы/направления	2008 год (факт)	1-й этап	2-й этап	3-й этап
Добыча и транспортировка угля				
Удельный вес вновь вводимых мощностей по добыче в общем объеме добычи угля (%)	4	5–6	15–20	25–30
Доля Восточных регионов страны (Канско-Ачинский бассейн, Восточная Сибирь, Дальний Восток) в общем объеме добычи угля (%)	33	38–39	41–42	46–47
Объем мощностей угольных терминалов морских портов (в % к 2005 году)	110	125	150	175

- ¹ Коротаяев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С. и др. Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. А. В. Коротаяев. Изд. стереотип. М.: Изд.: ЛКИ. 2014. С. 7.
- ² Совокупный экономический потенциал / <http://referatwork.ru/refs/source/ref-77284.html>
- ³ Смена парадигм. Материалы научной конференции (Москва, 15–16 июля 2013 г.). Часть 2. М.: МГИМО(У), 2014. С. 79.
- ⁴ <http://library201097.narod.ru/091/background43.png>
- ⁵ Бжезинский З. В борьбе с российским шовинизмом («TheAmericanInterest», США). Цит. по: Эл. ресурс «ЦВПИ». 2014. 3 июня / <http://eurasian-defence.ru/>
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Система показателей, критериев и индикаторов оценки конфликта / <http://www.univer5.ru/konfliktologiya/konfliktologiya-v-shemah-i-kommentariyah-antsupov-a-ya/Page-19.html>
- ⁹ Литовкин В. Без Генштаба нет армии / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2014. 26 января / <http://topwar.ru/>
- ¹⁰ См., например: Подберезкин А. И. Военно-политический и стратегический характер современных внешних и внутренних военных угроз и возможный прогноз до 2020 и 2030 годов / Эл. ресурс: «Наследие». 2014. 9 февраля / <http://www.nasled.ru>
- ¹¹ Приложение №3 к Энергетической стратегии России на период до 2030 года. Цит. по: Внешняя политика России: 2000–2020 / РСМД [Под общ. ред. И. С. Иванова]. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 446–451, 449.
- ¹² О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. №605.
- ¹³ Приложение №3 к Энергетической стратегии России на период до 2030 года. Цит. по: Внешняя политика России: 2000–2020 / РСМД [Под общ. ред. И. С. Иванова]. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 454.
- ¹⁴ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. ТТ. I–III. М.: МГИМО(У), 2011–2013 гг.

ГЛАВА 4

СЦЕНАРИИ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В мировом окружении России в 2014 году не произойдет кардинальных изменений¹.

*В. Барановский и др. авторы
ежегодного прогноза «Россия и мир: 2014»*

Прогноз ученых ИМЭМО РАН, сделанный за несколько месяцев до событий на Украине и последующего резкого обострения международной и военно-политической обстановки, лишней раз подтверждает известный вывод о вероятностном характере прогнозов в международной политике даже на краткосрочную перспективу. При этом, долгосрочный прогноз, отражая альтернативные представления о будущем, должен опираться на решающие условия и факторы развития общества, включая демографическую и экологическую ситуацию в стране, состояние природных ресурсов, новые научно-технические факторы и обусловленные ими сдвиги в экономике, место страны в мировом сообществе и др. Главная цель стратегического прогнозирования — выявление переходов **к новому качеству экономического** и социального роста, определение основных ориентиров для выработки долговременной, научно обоснованной стратегии социально-экономического развития страны.

При этом следует сделать важную оговорку. Стратегическое прогнозирование по функциональному признаку подразделяется на два основных типа: поисковый (генетический)

и нормативный. Поисковый (генетический) прогноз основан на условном продолжении в будущем тенденций развития исследуемого объекта в прошлом и настоящем и отвлекается от условий (факторов), способных изменить эти тенденции. В отличие от него, **нормативный прогноз разрабатывается на базе заранее определенных целей**. Его задача состоит в том, чтобы определить пути и сроки достижения возможных состояний объекта прогнозирования в будущем, принимаемых в качестве целей. В то время как поисковый прогноз при определении будущего состояния объекта прогнозирования отталкивается от его прошлого и настоящего, нормативный прогноз разрабатывается в обратном порядке: от заданного состояния в будущем к существующим тенденциям и изменениям в свете поставленной цели.

Между тем надо признать, что этот прогноз А. Дынкина и В. Барановского основывался изначально на неверном анализе и выборе доминирующего сценария развития МО и ВПО (о котором уже говорилось выше), а именно сценария «преобладания вектора потери значения военной силы» в отношениях между ведущими мировыми державами. Такой сценарий МО

стал популярным в конце 80-х годов XX века и до настоящего времени остается в ходу у ряда российских политиков и политологов. Это означает, что налицо ошибка — вполне объяснимая и достаточно субъективная — в выборе не только сценария развития человеческой цивилизации и, как следствие, международной обстановки, но и в анализе современной обстановки.

В этой связи следует отметить, что обязательно важна последовательность в выборе сценариев (с соблюдением их иерархичности) и максимальная объективность, учет большого числа факторов, позволяющий говорить о системном подходе к анализу как актуальных трендов, так и прогнозированию будущих векторов развития.

Конкретные предложения по сценариям развития ВПО и СО и возможному характеру военных конфликтов в долгосрочной перспективе вытекают из:

- анализа вероятных сценариев развития человеческой цивилизации (ЧЦ);
- вытекающих из них сценариев развития международной обстановки (МО);
- выделенных из сценариев развития МО с разной вероятностью сценариев ВПО и СО;
- анализа существующих особенностей в развитии глобальных тенденций и их стратегического прогноза;
- оценки будущих особенностей тех сценариев, которые делают их максимально вероятными в всем спектре возможных сценариев.

Естественно, что на каждом из этих обязательных этапов возможны ошибки, неточности, отклонения и искажения, среди которых самые важные относятся к выпадению теоретически вероятных сценариев развития. Особенно самого верхнего в иерархии сценариев уровня, что неизбежно влечет за собой «цепочку» выпадений по нисходящей других сценариев. Так,

исключение одного из сценариев развития ЧЦ, влечет за собой исключение вытекающих из этого сценария, как минимум, нескольких сценариев развития МО, а затем, последовательно, расширяющегося набора сценариев ВПО и СО.

Поэтому изначально важно разделить все сценарии по иерархическому принципу — от сценариев развития ЧЦ до сценариев развития СО, — а по степени вероятности — на возможные и вероятные, попытавшись не игнорировать ни один из возможных сценариев развития.

При этом важное значение для точности анализа имеет историческая ретроспектива развития существующих сценариев ЧЦ и МО: многие современные явления имеют свои истоки в прошлом и могут быть поняты в будущем, зная как они развивались прежде. Об этом, в частности говорят и российские исследователи.

Надежность прогноза — вероятность наступления предсказываемого события при заданном комплексе условий в пределах установленных допусков².

Сценарии долгосрочного развития ВПО и СО, кроме того, будут развиваться в зависимости от двух основных групп факторов: важнейших трендов мирового развития (причем не только экономических, технологических, но и культурных, ценностных) и динамики развития субъектов ВПО — государств, коалиций, организаций — в их многообразии и неопределенности. Об этом достаточно подробно написано в моей книге «Военные угрозы России»³. Важно отметить, что объем информации, как о первой, так и второй группе факторов огромен и стремительно растет ежедневно. Поэтому неизбежно придется ограничиться выбором только определенного ряда наиболее важных критериев и сосредоточить внимание на способах систематизации, а также интеллектуализации

информационных процессов. В самом общем виде модели ВПО и СО, как и сценарии, их будущего развития, являются логическим продолжением сценариев развития ЧЦ и МО. Сказанное означает, что любой прикладной военно-полити-

ческий анализ, а тем более стратегический прогноз, невозможны без достаточно системного анализа современного состояния и перспектив развития ЧЦ и вытекающих из этих сценариев последствий, т. е. других сценариев развития МО.

4.1. Место человеческой цивилизации в военно-политическом прогнозировании

...чтобы сохранить численность россиян на уровне 145 (вместе с Крымом) млн человек... к 2035 г., половина всех российских семей должны быть трёх-четырёх летними. Сегодня таких около 7 %. Как добиться, чтобы к ним прибавилось ещё 43 % семей, не знает никто.

Однако, если этот показатель не будет достигнут, в России к концу XXI в. — а по пессимистическим прогнозам, к 2060 г. — останется 80 млн человек⁴.

Ю. Крупнов, исследователь

Прогноз развития различных сценариев ВПО и СО на долгосрочную перспективу теряет всякий смысл вне рамок цивилизационного развития и перспектив развития отдельных наций и государств. Действительно, какое значение будет иметь тот, либо иной сценарий ВПО и СО, если не будет существовать цивилизация, либо она будет существовать в качественно ином виде? В полной мере это относится и к конкретной нации и государству, которые в данном случае являются не просто отдельными субъектами ВПО и СО, но прежде всего субъектами всего человечества и отношений между нациями внутри этого планетарного сообщества.

К сожалению, авторы стратегических прогнозов ограничиваются в лучшем случае отраслевыми прогнозами (а иногда и только региональными или даже подотраслевыми), закладывая изначально ошибку как в анализ современной ситуации, так и в прогноз на будущее.

Чтобы избежать этого нужно прежде всего определить общие контуры и закономерности цивилизационного развития в первой половине XXI века, которые можно назвать **1** (концептуальным) **этапом** разработки вероятного сценария. (При этом важно не забыть, что кроме вероятных сценариев сохраняются и теоретически возможные сценарии развития ЧЦ). На этом этапе принципиально важно определить не только дальнейшее развитие существующих важнейших тенденций и закономерностей человеческой цивилизации — цивилизационных, социокультурных, экономических, социально-политических, научно-технических и пр., — но

и попытаться определить, какие будущие парадигмы и качественно новые явления могут проявиться. Проблема, однако, заключается в том, что именно этот, первый этап развития ЧЦ, как правило, не интересует правительство и заказчиков. Их горизонты планирования ограничены сроком полномочий, а масштабы — отведенной компетенцией и существующей практикой.

Как видно из следующих рисунков, отображающих иерархию отношений в человеческой цивилизации, существуют (сверху вниз) разные уровни по степени важности и последствиям — от цивилизационного до социального и технологического, среди которых российские исследователи выделяют три уровня⁵:

Рис. 1.⁶

При этом совершенно справедливо утверждение не только о приоритете 1-го «цивилизационного» уровня, но и его решающем влиянии на 2-ой уровень, к которому, собственно говоря, и относятся военно-политические отношения.

Эту аксиому важно изначально признать для того, чтобы при последующих анализах и прогнозах сценариев МО, ВПО и СО не забывать, что военно-политические и иные социальные отношения («отношения 2-го уровня») являются производными от цивилизационных отношений 1-го уровня.

Именно на этом уровне происходят фундаментальные, базовые изменения в обществах, экономиках и государствах. Так, на уровне современного этапа развития ЧЦ, а именно, в последние 150 лет, произошли:

- радикальные изменения в численности населения Земли и его качества;
- взрывообразный рост ВВП в отдельных странах и регионах;

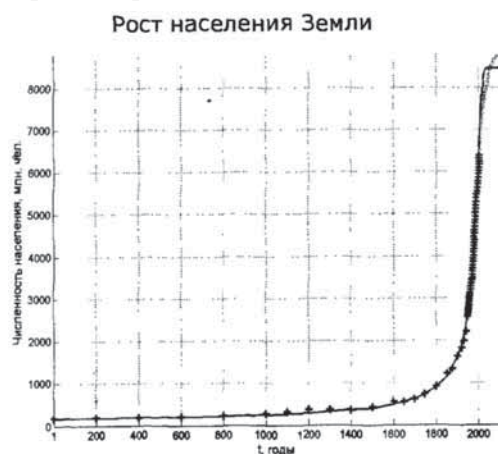

Рис. 2.7

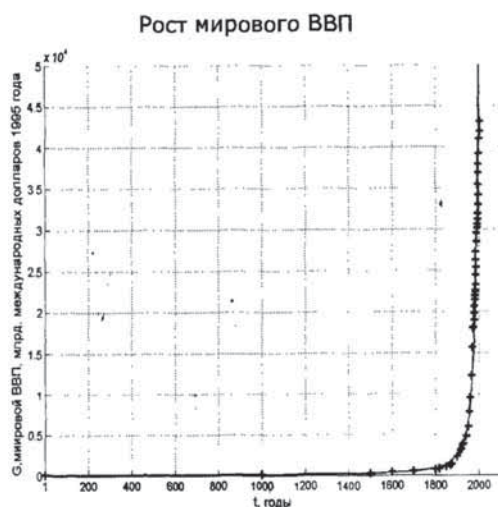

Рис. 3.

- всемирный рост грамотности;

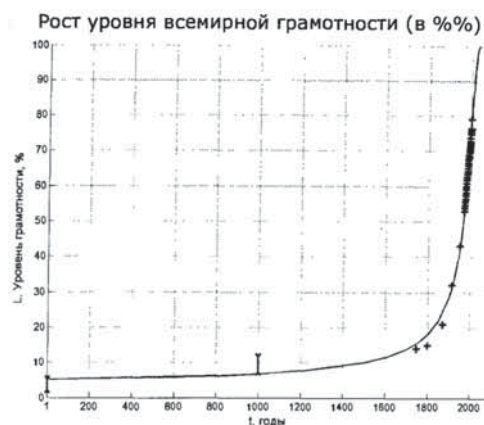

Рис. 4.8

- изменения в росте энергозатрат на производство единицы ВВП.

Рис. 5.9

Соответственно и все возможные и вероятные войны и вооруженные конфликты являются своего рода формами взаимодействия разных цивилизаций.

Несколько упрощенно уже цитированные авторы изобразили эти взаимоотношения следующим образом (рис. 6).

Как видно из рисунка, переход отношений между цивилизациями на стадию противостояния может привести либо к военному столкновению, либо политической конфронтации. И, наоборот, форма диалога может привести к разным формам сотрудничества (хотя и не исключает и вероятности политического (невоенного) противостояния).

Сказанное означает, что в современную эпоху, та или иная цивилизация (нация, государство, субъект МО), выбирая между «диалогом» и «столкновением», сознательно выбирает между

Формы и сферы взаимодействия локальных цивилизаций

Рис. 6.¹⁰

конфронтацией (политической, экономической, военной и т. д.) и сотрудничеством. Интересно это теоретическое рассуждение перенести на конкретный современный пример — политики США и России по отношению к Украине, — когда изначально был определен политический (и цивилизационный) выбор каждой стороны.

На втором этапе исследования важно выделить собственно важнейшие особенности развития международных отношений (МО) — политических, экономических, военных и иных, а также взаимосвязь между ними. Это важно сделать как по отношению к наиболее важным тенденциям и трендам развития МО, так и собственно субъектов МО — государств, международных организаций, коалиций, союзов, общественных организаций и др. участников МО¹¹.

Эта часть исследования объективно затруднена двумя обстоятельствами:

Во-первых, очень трудно проецировать сценарии развития ЧЦ на сценарии развития МО в силу того, что последние являются по определению сценариями 2-го уровня, т. е. не только производными от сценариев развития этих сценариев. Так, логическое продолжение, например, сценария развития ЧЦ под условным названием «партнерство цивилизаций» отнюдь не означает, что в рамках такого цивилизационного партнерства отношения между государствами будут развиваться (как предполагается) только в форме диалога. Отнюдь. Политический диалог может перейти в политическое противостояние и конфликт. Другими словами, «производное от производного» выводится всегда с существенными оговорками, что необходимо иметь в виду при дальнейшем прикладном анализе.

Наконец, **на третьем этапе**, который собственно и является предметом нашего прикладного исследования, анализа и развития сценариев ВПО и СО, из всего блока проблем МО **вычленяется** только одна его часть — военно-политическая обстановка (ВПО) и, возможно, стратегическая обстановка (СО). «За скобками» остаются важнейшие политические, экономические, технологические и иные факторы, не имеющие прямого отношения к ВПО и СО. Между тем такие факторы (например, новые открытия в ядерной физике, ракетостроении, в 20-е и 30-е годы XXI в.) могут иметь, в конечном счете, важное военное значение.

Изначальная, базовая точка отсчета — точный и корректный анализ современного состояния человеческой цивилизации, МО и ВПО, «привязка» его не только по времени (например, середина 2014 года), но и «по месту», т. е. периоду развития человеческой цивилизации. В этом случае развитие уже существующих сценариев и тенденций ВПО и СО будет зависеть, как минимум, от определения следующих условий и обстоятельств в развитии ЧЦ и МО:

- от направленности, вектора движения («угла движения») развития ЧЦ и МО, которая в определенный период времени (например, середина 2014 года) имеет вполне определенное направление. В частности, в 2014 году направление в развитии ЧЦ можно охарактеризовать как опасное, угрожающее самому существованию цивилизации и особенно ее некоторым составляющим — локальным цивилизациям. Эта характеристика обосновывается существованием и усилением следующих угроз:

Табл. 1.

Современное состояние: (на середину 2014 г.)	Состояние всех элементов системы к середине 2020-х гг.	Состояние всех элементов системы к 2035 г.	Состояние всех элементов системы к 2050 г.
Человеческой цивилизации в 2014 г.	Человеческой цивилизации в 2025 г.	~ к 2035 г.	к 2050 г.
Международных отношений (МО) в 2014 г.	Международных отношений в 2025 г.	к 2035 г.	к 2050 г.
Военно-политической и военно-стратегической обстановки (ВПО и СО) в 2014 г.	ВПО и СО в 2025 г.	к 2035 г.	к 2050 г.

- ростом потребления ресурсов и угрозой их истощения;
- форс-мажорным усилением целого спектра экологических проблем;
- растущей системной конкуренцией за жизненно важные ресурсы и т. д.
- дальности (расстояния, измеряемого периодами в 10, 20, 30 лет). Очевидно, что корректность и эффективность того или иного сценария ВПО во многом зависит от «горизонта» прогноза. Так, для базового прогноза ВПО на 10 лет основные параметры уже известны сегодня. Ведь численность населения, качество и численность л/с, количество и качество ВиВТ, величина ВВП и порядок военных расходов, военно-промышленный потенциал и др. показатели за 10 лет поддаются достаточно точному линейному прогнозу. Например, можно обосновать, что точность определенных типов стрелкового оружия возрастет с 1000 метров до 3000 метров и т. д.

Среди множества различных сценариев МО доминируют опасные, угрожающие варианты конфронтации локальных цивилизаций, наций и отдельных субъектов МО и ВПО;

Для обоснования развития прогнозных сценариев на 20–25 лет также уже сегодня есть достаточное количество исходных данных. Однако при этом главную роль могут сыграть определенные переменные величины, которые требуют использования специальных системных технологий.

Наконец, для периода 30–40 лет прогноз сценариев развития ВПО и СО скорее будет носить гипотетический характер. Прежде всего, потому, что к середине нынешнего века, скорее всего, сменятся основные парадигмы развития

человеческой цивилизации — экономические, демографические, социальные и, прежде всего, научно-технические и технологические.

Однако и в рамках такого долгосрочного прогнозирования наверняка останутся ключевые показатели, отражающие фундаментальные, цивилизационные ценности. Даже новейшие достижения в биологии и информатике не изменят психическую, физиологическую и психологическую природу человека. Останутся неизменными во многом и базовые общечеловеческие социальные и духовные ценности. Другими словами, единственной научной основой для долгосрочного (30–40 лет) прогноза развития ЧЦ, станет системный анализ возможной конфигурации наиболее существенных трендов и тенденций развития, в частности, в области:

- а) вооружений и военной техники (ВиВТ);
- б) трансформаций в военном искусстве:
 - тактике;
 - оперативном искусстве;
 - стратегии.

Логическую модель и общую матрицу такого построения сценариев развития ВПО и СО можно описать следующим образом (табл. 1).

В этой матрице очень важна иерархичности, приоритетность обозначенных тенденций. Так, надо точно понимать, что развитие тенденции в ВПО и СО определяется, прежде всего, развитием более общих тенденций в МО и еще более общих — в человеческой цивилизации. Условно можно определить и удельный вес таких тенденций для первого (общечеловеческого), цивилизационного уровня, например, — МО — 5 единиц и ВПО — 2 единицы. Так, если переход на новый этап технологического развития и новый уклад со всеми вытекающими для всех субъектов ВПО последствиями, «весит» 10 единиц, то его проекция

в МО, например, при опережающем значении роста внешней торговли по отношению к ВВП, или росте значимости транспортных коридоров — 5 единиц. Реализация же результатов перехода на новый технологический этап и новые технологии в области ВиВТ — 2 единицы, что, на мой взгляд, вполне объяснимо и уже подтверждается первыми примерами. Если у вас есть определенная доля экономики, относящаяся к новому технологическому укладу и собственные качественно новые технологии, то их использование в военной области становится практически неизбежным при любых обстоятельствах.

Как видно из этой матрицы, принципиально важно максимально точно провести анализ нынешней современной ситуации, в которой находится человеческая цивилизация до анализа МО и ВПО, по трем основным причинам.

Во-первых, нужна точная «точка отсчета», точные координаты, описание и анализ уже существующих и начала возможных будущих тенденций, по которым будут развиваться будущие сценарии. Аналогично в геодезии, где, для того, чтобы точно проложить маршрут необходимо знать изначальное точное месторасположение. Точно знать начальные координаты нужно также при артиллерийской стрельбе, причем, чем дальше расстояние для стрельбы, тем важнее изначальная точность в определении координат. Соответственно для максимально точного стратегического прогноза, особенно удаленного на 30 и более лет, изначально точное определение координат — обязательный залог эффективности. Поэтому характеристика сценариев развития МО и ВПО прямо зависит от точной характеристики современного состояния человеческой цивилизации.

Между тем именно по этому пункту (казалось бы, наименее сложному) у современных экспертов и исследователей множество расхождений. Примеров — в политической, экологической, научной областях — множество: от оценки перспектив добычи сланцевого газа и последствий «парникового эффекта» до оценки состояния ядерного сдерживания и мировой финансовой системы. Однако в любом случае предстоит выбрать какую-то «точку отсчета», от которой и предстоит прогнозировать развитие будущих сценариев ЧЦ.

Во-вторых, точный актуальный анализ позволяет определить относительно точное направление, вектор развития всех трех по-

следующих групп сценариев — МО, ВПО и СО. Это — принципиально важно, например, потому, что при большой дальности (в данном случае прогноза более 10 лет) любая изначальная неточность ведет к искажению вектора на большие расстояния. Так, неточность в оценке перспектив эволюции военного искусства через 10 лет может привести, например, к созданию ненужных (и даже вредных) систем и видов ВиВТ, а через 30 лет — к технологическому коллапсу и качественному провалу в развитии ВиВТ. Простой пример: выбирая вектор развития ЧЦ в направлении «универсализации» системы национальных ценностей, можно прогнозировать, что сценарий развития ЧЦ через 20–30 лет будет характеризоваться:

- отсутствием национальных систем ценностей, либо их подчиненностью «общечеловеческой» системе ценностей;
- отсутствием системы представлений о национальных интересах, либо их замещением «общечеловеческими» суррогатами;
- отсутствием системы духовных и нравственных ценностей и т. д.

И, наоборот, выбирая «национально-ориентированный» вектор развития сценария ЧЦ, можно однозначно исходить из того, что даже через 20–30 лет основу сценариев МО и ВПО будут составлять действия, жестко ориентированы на продвижение национальных систем ценностей, в т. ч. и в силовой форме.

В-третьих, изначальный точный анализ состояния ЧЦ позволяет вычленив в каждой из группы факторов наиболее важные тенденции и тренды, не заметив или недооценив которые можно позже допустить крупные просчеты в прогнозе на 10 лет, а тем более на 20 и 30 лет.

Таким образом описание сценариев развития МО, ВПО и СО должно опираться на максимально точный анализ современного состояния ЧЦ и перспектив ее развития.

Другая проблема, которую предстоит решать при описании конкретных сценариев развития МО, ВПО и СО, это **адекватная оценка национальных ресурсов и возможностей**. Так, ресурсы США и их союзников, включая разведывательные, информационные и аналитические, более, чем на порядок, т. е. в 15–20 раз превышают аналогичные ресурсы России. Учитывая существенное технологическое и организационное отставание России, можно говорить о двух или даже трех порядках, которые отделяют эконо-

мические возможности России от аналогичных возможностей Запада.

Это соотношение сил, естественно, влияет на оценку ВПО и МО в мире (Как говорили ранее классики, любой политический анализ начинается с определения баланса сил.) Причем двойко: как с точки зрения преувеличения значения экономической и технологической мощи для военной мощи государства (когда повторяется ошибка — ставить знак равенства между экономической и военной мощью), так и недооценки экономических и (во все большей степени) технологических возможностей. Примечателен в этой связи пример того, как в США рассматривают во втором десятилетии XXI века Китай, что наглядно видно на следующей диаграмме.

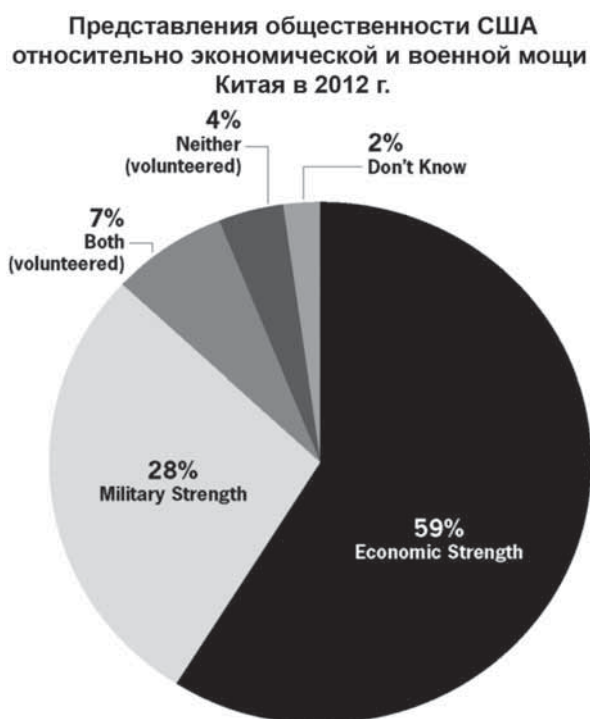

Рис. 7.¹²

Как видно из соцопросов, в 2012 году только 28 % американцев ассоциировало Китай с растущей военной мощью, а 59 % — экономической мощью. Эта оценка, вероятно, была характерна и для правящей элиты США, которая также очевидно недооценивала растущие военные возможности КНР, которые трудно оценивать количественными параметрами. Очевидно одно: точная, адекватная оценка системного соотношения сил, лежащая в основе политического анализа, является основой для построения всех реалистических сценариев развития ЧЦ и их последствий для МО, ВПО и СО. Причем такая оценка **не может огра-**

ничиться только количественными критериями оценки соотношения сил в мире.

Проблема, однако, заключается в том, что количественных показателей и критериев для анализа и оценки современного состояния ЧЦ — огромное число, но еще больше таких качественных параметров. Их невозможно учесть все, тем более в динамике постоянных изменений, когда переменные величины постоянно меняют свои значения. Соответственно следует исходить из того, что предлагаемые рекомендации для сценариев развития МО, ВПО и СО должны объективно опираться на определенные ограниченные ресурсы и другие возможности по сбору, систематизации и обработке информации в интересах противодействия внешним опасностям и военным угрозам России, вытекающим из анализа современного этапа развития человеческой цивилизации.

Это означает, что количество факторов, влияющих на формирование МО, ВПО, критериев и субъектов МО и ВПО должно быть **оптимизировано до разумных пределов**, позволяющих в реальном режиме собирать и обрабатывать информацию. Так, например, мы не можем позволить себе содержать штаты посольств, торгпредства и др. загранучреждений, включая резидентуры, в тех масштабах, в которых они были у СССР. Поэтому показатели, концепции и теории развития различных сценариев ЧЦ должны быть тщательно отобраны, систематизированы, а, главное, их анализом должен заниматься **специально подготовленный коллектив аналитиков**, включающий специалистов самого широкого профиля — философов, социологов, политологов, экономистов и т.д. От эффективности их работы в конечном счете зависит перспектива и адекватность анализа и прогнозов всех последующих сценариев развития — МО, ВПО и СО. Собственно любой последующий анализ и прогноз — внешнеполитический, социально-экономический, инновационный, транспортный, региональный, местный и т.д. — должен базироваться на сценариях развития ЧЦ, разработанных этим коллективом. В частности, сценарии развития МО, которыми обязаны заниматься эксперты МИД, РАН, ГРУ ГШ ВС РФ, Внешней разведки и др. ведомств, должны появляться не из ниоткуда, а из вполне конкретных сценариев развития ЧЦ. Это еще важнее для следующего этапа — разработки сценариев ВПО, — которые будут вытекать из сценариев МО.

Иными словами даже небольшие неточности (которые неизбежны) в анализе и прогнозе

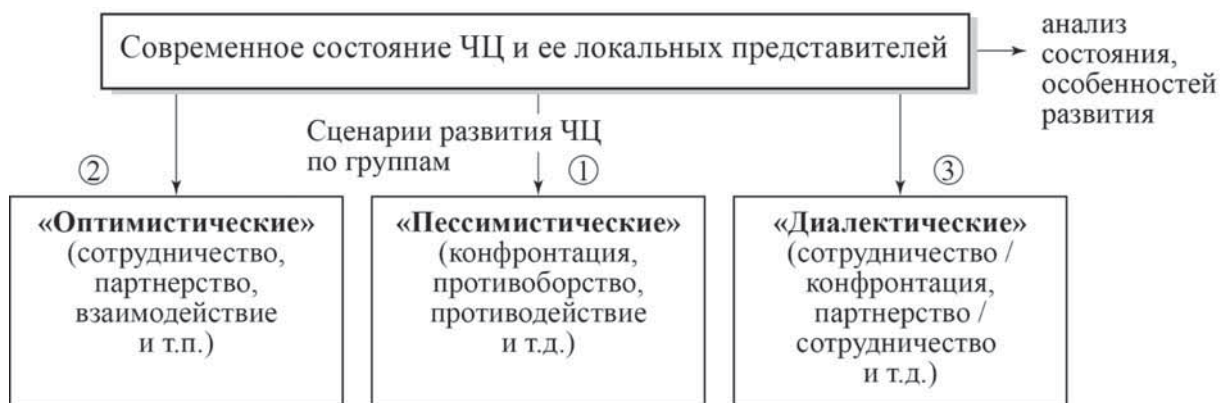

Рис. 8.

сценариев развития ЧЦ, ведут к искажениям в сценариях развития МО и ВПО.

Пока что о существовании такого коллектива, работающего в постоянном режиме, не известно. Поэтому приходится обращаться к результатам исследований либо отдельных, временных (как правило, небольших) групп, либо исследователям-одиночкам.

К настоящему времени сложилось несколько подходов к сценариям развития ВПО и СО в России и за рубежом до 2030–2050 годов, описанных в различных источниках и подготовленных различными коллективами и авторами, которыми, естественно, не исчерпывается весь спектр, существующих, возможных, а тем более вероятных сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО. Наиболее вероятными из них представляются следующие сценарии развития ЧЦ на долгосрочную перспективу, которые (учитывая огромное количество факторов влияния) целенаправленно сведены к следующим (рис. 8).

Очевидно, что подобный примитивизм мало что дает для содержательной характеристики сценариев развития ЧЦ, кроме первой попытки их систематизации. Однако данный подход позволяет выделить **варианты сценариев** развития ЧЦ, которые должны максимально широко представлять весь спектр возможных сценариев (не останавливаясь пока что на их вероятном характере).

В качестве примера предлагается рассмотреть 1-ю группу сценариев развития ЧЦ, выбранную по принципу «наибольшей вероятности» реализации.

Первая группа сценариев («пессимистические») представляет собой варианты конфронтационного развития ЧЦ, где «точкой отсчета» является оценка состояния ЧЦ летом 2014 года.

Речь идет о нарастающем напряжении в МО и обострении ВПО, которое становится результатом обострения противостояния локальных цивилизаций, их систем ценностей и интересов. В практической политике это проявляется в усилении борьбы за природные ресурсы, транспортные коридоры и продвижении своих систем ценностей и норм. Пример с нарастающим конфликтом в Украине — наиболее яркое подтверждение практической реализации такого сценария.

По логике таких сценариев основные субъекты МО и ВПО, возглавляемые ими коалиции готовятся к активному применению военной силы во всех трех ее формах:

- а) возможности ведения победоносной глобальной войны (как минимум, создания уверенности в этом);
- б) возможности ведения успешных реальных военных действий на различных ТВД, с участием союзников и партнеров;
- в) возможности эффективного использования широкого спектра новых силовых инструментов под прикрытием угрозы применения военной силы:
 - дипломатических;
 - информационных;
 - гуманитарных и пр.

Таким образом, первая группа («пессимистических») сценариев характеризуется прежде всего способностью и готовностью использования силы в своей политике, включая военную силу. Различные варианты таких конфронтационных сценариев можно свести к следующим:

- сценарий ведения глобальной войны;
- сценарий ведения глобальной вооруженной борьбы, исключая ядерное оружие;
- вариант сценариев ведения глобальной, региональной и локальной войны.

Таким образом в формализованном виде «набор» сценариев использования силы в ее прямой форме сводится к трем вариантам.

В действительности такой набор вариантов силовой политики в ее прямой форме значительно шире и зависит как от степени детализации в военном искусстве, так и собственно военной политики государства.

Значительно более широк спектр вариантов силовой политики в рамках группы «пессимистических» сценариев, который формируется при растущем участии возможных союзников и партнеров (силовая форма «б»). Прежде всего, из-за того, что изменения в соотношении глобальных сил, по мнению военно-разведывательного сообщества США, должны обязательно вести к расширению коалиционного потенциала и интенсификации коалиционной политики, вовлечения в нее новых государств и формирования официальных альянсов и неформальных союзов.

Наконец, еще более широкий спектр составляют различные вариации третьей формы силовой политики, когда угроза применения военной силы рассматривается, прежде всего, в качестве важного средства политико-психологического давления, использования значительного количества невоенных силовых способов.

Предполагается, что именно третья форма использования военной силы может стать стратегической, однако она отнюдь не исключает, более того предполагает возможность применения первых двух силовых форм. В выступлении в военной академии в мае 2014 года Б. Обама изложил этот силовой подход следующим образом: «США должны играть ведущую роль в мире, полагаясь, в частности, на свои вооруженные силы... Мой вывод таков: на мировой арене Америка всегда должна вести всех за собой. Если мы не возьмем на себя эту роль, то ее возьмет кто-то другой», — подчеркнул Обама. Он также заявил, что именно «вооруженные силы (США) всегда будут основой этого лидерства».

Соединенные Штаты, по словам нынешнего главы США, будут использовать военную мощь, и в одностороннем порядке при необходимости, когда этого будут требовать «ключевые интересы: если будут поставлены под угрозу жизни наших людей, наше благосостояние, если под угрозой окажется безопасность наших союзников». «В этих обстоятельствах нам все равно придется задавать себе трудные вопросы: явля-

ются ли наши действия пропорциональными, эффективными и справедливыми. Международное общественное мнение имеет значение. Но Америка никогда не должна спрашивать разрешения защищать наш народ, нашу страну, наш образ жизни», — отметил он.

В то же время, если будут возникать глобальные вопросы, которые не представляют прямой угрозы США, «тогда порог применения вооруженных сил должен быть выше», сказал глава Белого дома. «В таких обстоятельствах, — отметил он, — мы не должны действовать в одиночку. Вместо этого мы должны мобилизовывать союзников и партнеров и принимать коллективные меры. Мы должны расширять наши средства, включать в них дипломатию и развитие, санкции и изоляцию, мы должны апеллировать к международному праву и принимать многосторонние военные действия, если они справедливы, необходимы и эффективны»¹³.

Надо понимать, что по мере изменения соотношения сил в мире не в пользу США будут меняться и акценты в выборе форм использования силы, однако представляется, что все три формы не потеряют своей актуальности. До 2020 года модель, предложенная Б. Обамой, по объективным причинам будет доминировать, но после 2020-х годов вероятно ослабление первой формы (вероятности глобальной войны), если не удастся создать очевидного военного превосходства в неядерных вооружениях.

Учитывая, что первая форма использования военной силы после 2020 года будет зависеть в основном от степени реализации 2-ой формы (возможности ведения успешных военных действий на различных ТВД), а третья форма также будет предопределена реалистичностью успешного применения военной силы по второй форме, это означает, что в 2020–2050 годы произойдет своего рода ренессанс неядерных ВиВТ. Естественно, на качественно новом уровне, и, прежде всего, когда речь идет о ВТО и воздушно-космических средствах обороны.

Логическая матрица развития этого сценария может выглядеть следующим образом.

Если говорить о степени внимания и масштабах финансирования НИОКР и ВиВТ, различных форм возможного использования военной силы, то условно их можно определить по 5-и балльной системе следующим образом.

	1-я форма	2-я форма	3-я форма
до 2020 г.	4	5	5
до 2030 г.	3	5	5
до 2050 г.	1	5	5

Как видно из предлагаемой матрицы, военное строительство в США будет определяться установками на приоритетное использование самых различных форм военной силы. Причем внимание (и финансирование) ВиВТ для 1-й формы — стратегических вооружений — будет сохраняться и вытесняться ВиВТ 2-й формы — ВТО и ВКО.

В эти же годы происходит пересмотр отношения к силовому обеспечению политики иррегулярными ВС и новыми силовыми средствами, которые формально могут не относиться к средствам вооруженной борьбы.

Подытоживая, можно сказать, что избранная в качестве примера 1-я группа сценариев развития ЧЦ («пессимистическая») представила широкий набор сценариев и вариантов сценариев силовой политики, количество которых ограничено использованием тех или иных форм силовой политики. Каждый такой сценарий и его

вариант развития требует точного, системного анализа — политического, философского, экономического, военного, — в результате которого появятся сценарии и их варианты развития МО и ВПО, а иногда и СО.

Вторая группа сценариев развития ЧЦ («оптимистические») предполагает, что уже во втором десятилетии XXI века в развитии ЧЦ доминируют позитивные тенденции сотрудничества и развития. Анализ этих тенденций привел к тому, что набор «позитивных» сценариев развития ЧЦ ведет к доминированию таких же позитивных сценариев развития МО и ВПО. Так, в частности, будет происходить демилитаризация союзов, коалиций, блоков, их возможный роспуск, сохранение военных расходов и т. д. И, наоборот, «позитивность» для России будет означать, что в мире будет создана мощная евразийская военно-политическая коалиция во главе с «российским ядром», куда войдут не только страны ЕврАзЭС, но и, возможно, целый ряд других евразийских государств. Эта коалиция сможет нейтрализовать негативное влияние НАТО.

Третья группа сценариев развития ЧЦ («диалектическая») будет состоять из сценариев, объединяющих противоречивые тенденции, сочетающие как позитивные, так и негативные аспекты деятельности государств.

4.2. Сценарии развития человеческой цивилизации и долгосрочный стратегический прогноз

Укрепление тренда на ускоренное нарастание этнической и культурной разнородности очевидно во многих странах...¹⁴.

А. Байков, доцент МГИМО(У)

Для стратегических прогнозов ВПО и СО, как уже говорилось, принципиальное значение имеет прогноз сценариев развития человеческой цивилизации (ЧЦ), которые являются основой для формирования сценариев развития МО и, соответственно, ВПО и СО.

Изначальная самая серьезная ошибка в таком прогнозе заключается в исключении из числа вариантов развития ЧЦ какой-либо существенного возможного сценария, что неизбежно влечет за собой исключение всей «цепочки» сценариев МО, ВПО и СО, вытекающих из этого варианта.

Исходя из этого, важно изначально не исключать ни одного из возможных сценариев

развития, даже если степень его вероятности и вызывает в данный момент сомнения. Поэтому уже первый этап работы — выделение возможных сценариев развития ЧЦ и из их числа вероятные сценарии развития МО — представляет собой достаточно сложный этап, без которого, однако, говорить о последующей работе над долгосрочным прогнозированием развития ВПО и СО бессмысленно.

Думается, что формализация такой работы необходима. Логическая схема поможет избежать того, чтобы какой-либо (даже только теоретически возможный) сценарий не оказался забыт. Представляется, что при такой работе

**Логическая схема сценариев развития
человеческой цивилизации до 2030 и 2050 годов**

Рис. 9.

можно опустить предысторию и историю развития ЧЦ, зафиксировав современный этап ее развития на уровне начала XXI века. На мой взгляд, логическая схема в этом случае будет выглядеть следующим образом, имея, естественно, ввиду, что нас, прежде всего, интересуют последствия развития ЧЦ для сценариев развития МО (рис. 9).

Будущая международная обстановка (МО) характеризуется следующими факторами:

1. Глобальными тенденциями общемирового развития, характерными для всех локальных цивилизаций.
2. Тенденциями в развитии локальных цивилизаций.
3. Взаимоотношениями между глобальными тенденциями и тенденциями в развитии локальных цивилизаций.
4. Национальными интересами и ценностями, взаимосвязями между ними в мире.
5. Системами государственных интересов в мире.
6. Социальными, групповыми, корпоративными и личными интересами.

Таким образом современное состояние той или иной локальной цивилизации можно описать следующим образом, исходя из матрицы интересов и определяя «вес» совпадения (несовпадения) интересов от -3 до $+3$. На примере

западной цивилизации это может выглядеть следующим образом (табл. 2).

Соответственно мы можем выделить, как минимум, шесть–семь направлений взаимодействия тех или иных локальных цивилизаций и соответствующих им групп сценариев. Например, векторы взаимодействия западной локальной цивилизации с другими основными локальными цивилизациями по условным группам («Запад–Запад»); («Запад–Китай»); («Запад–Россия»); («Запад–Индия»); («Запад–Л. Америка»); («Запад–Африка»). При этом, как минимум, эти отношения, вытекающие из масштабов совпадения или несовпадения интересов, могут делиться на три крупные группы, условно-обозначенные как:

- позитивные, дружеские;
- негативные, враждебные;
- безразличные, нейтральные.

Таким образом, минимальный «набор» вариантов отношений, определяющий значительно большее число сценариев на будущее, будет порядка 70, а в действительности — значительно больше, так как характеристики «позитивные» или «негативные» отношения для локальных цивилизаций требуют конкретизации. Так, например, отношения России и Украины в последние десятилетия характеризуются настойчивым стремлением влиятельных групп правящей

Табл. 2.

Состояние отношений между локальной цивилизацией Запада и другими субъектами МО и ВПО	Субъекты (локальные цивилизации) международной обстановки (МО)					
	Ислам- ская ло- кальная циви- лизация	Китай- ская ло- кальная циви- лизация	Россий- ская ло- кальная циви- лизация	Индий- ская ло- кальная циви- лизация	Афри- канская локаль- ная ци- вилиза- ция	Япон- ская и др. ло- кальные циви- лизации
1. Глобальные интересы	-3	-1	-2	-1	-1	
2. Интересы локальной цивилизации	-3	-1	-2	-1	-1	+1+1
3. Взаимодействие между глобальными и локальными интересами	-1	+1	+1	+1	+1	+2
4. Отношениями между национальными интересами и ценностями	-3	-3	-3	-2	-2	+1
5. Отношениями между государственными интересами (потребностями)	-2	-1	-1	+1	+1	+1
6. Отношения между социальными, групповыми и личными интересами	-2	-1	+2	+2	+2	+2

Группы сценариев взаимодействия локальных цивилизаций(на пример Запада)

Обозначение цивилизации		Ислам- ская	Китай- ская	Россий- ская	Индий- ская	Африкан- ская	Л. Амери- канская
Отношения западной локальной цивилизации с другими цивилизациями	I позитив- ные	н/вр	н/вр	н/вр	н/вр	н/вр	н/вр
		до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.
		до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.
	II нега- тив- ные	н/вр	н/вр	н/вр	н/вр	н/вр	н/вр
		до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.
		до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.
	III ней- траль- ные	н/вр	н/вр	н/вр	н/вр	н/вр	н/вр
		до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.
		до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.

элиты Украины перевести их в конфронтацию локальных цивилизации («Запад–Россия»), которая за короткий срок прошла стадии от «позитивной» в ее крайней вооруженной форме.

Применительно к анализу нынешней и будущей западной локальной цивилизации, это означает, что требуется построить три логические схемы, соответствующие разным периодам: настоящему времени, периоду до 2030 года и периода до 2050 годов, которые будут выглядеть следующим образом:

Позитивные сценарии взаимодействия западной локальной цивилизации с другими цивилизациями

Сценарий №1: «Упрочение мирового порядка» на основе норм международного права, укрепления государственных суверенитетов, роли международных организаций и учета интересов других наций, государств и сообществ.

Такой сценарий вполне можно отнести к категории теоретически возможных, но маловероятных в настоящее время. Реальная политика США, НАТО и ЕС свидетельствует, что этот сценарий в лучшем случае может рассматриваться как декларативно-медийный, а в худшем — как проявление целенаправленной информационной политика, ориентированной на маскировку действительных целей.

Сценарий №2: «Сверхоптимистический» сценарий развития ЧЦ, который разделяют некоторые ученые. Если им верить, наше относительно близкое будущее выглядит вполне радужным. Через 50 лет продолжительность жизни человека увеличится на 40 %. У нас появится возможность легко менять свою внешность. Мы раскроем тайну возникновения Вселенной и благополучно выживем в возможной глобальной катастрофе. При этом ученые объяснили, почему все люди станут вегетарианцами, и как мы обнаружим тех, кого не замечали на Земле всю свою жизнь.

Всего через 50 лет — к 2056 году — человек обнаружит, что рядом с ним живут инопланетяне, научится понимать язык животных, а собственное тело, если оно ему перестанет нравиться, сможет легко поправить, обратившись к врачу и заменив неугодные детали. *«Мы выживем в глобальной катастрофе и позволим снова произойти естественной эволюции, найдем неисчерпаемую форму экологически чистой энергии».* Такой прогноз близкого будущего попросил представить, отмечая свой 50-летний юбилей,

журнал *NewScientist*, и более 40 ведущих ученых откликнулись на его просьбу (перевод статьи на сайте *InoPressa*).

«По мнению профессора Дэниела Поли из университета Британской Колумбии, в ближайшие полвека самым важным прорывом станет „устройство для распознавания, расшифровки и передачи эмоций и неоформившихся „мыслей“ животных таким образом, чтобы они могли трансформироваться в аналогичные эмоции и мысли в мозге человека“. То есть, мы научимся понимать язык животных. Разумеется, это также вызовет повсеместный отказ от поедания любого мяса, и мы все станем вегетарианцами»¹⁵.

Если говорить о группах сценариев, которые можно оценить как наиболее вероятные, то следует выделить группу негативных сценариев.

Негативные сценарии взаимодействия западной локальной цивилизации с другими цивилизациями

Сценарий №1. Усиление борьбы за природные ресурсы планеты и контроль над распределением мировых богатств. Огромное значение как в настоящее время, так и на период до 2030 и 2050 годов будет иметь в этой связи возможность геополитического контроля, которая реализуется прежде всего в возможности контроля мировых транспортных коридоров.

Современная мировая политика определяется двумя происходящими процессами: глобализацией и регионализацией. Также и безопасность не может рассматриваться как раньше только как сфера внутренней и внешней политики. Экономики стран объединяются в рамках глобализационных процессов и защищают свои интересы через региональные объединения. Существуют страны-изгои, которые в этих процессах не участвуют, но это временно. Уже сегодня очевидно, что Северная Корея и Иран, которые еще недавно были главными изгоями, ищут сотрудничества с соседними странами.

Безопасность страны в новых условиях уже определяется не столько количеством ракет, сколько социально-экономическими показателями, такими как ВВП на душу населения, уровнем разрыва между богатыми и бедными, демографическими параметрами, уровнем отчуждения между правящим истеблишментом и остальным обществом, динамикой благосостояния населения, темпами экономического развития.

Если военный потенциал, особенно ядерный с ПРО может гарантировать безопасность границ, то внутреннюю безопасность только военными средствами гарантировать нельзя. Наиболее показательные примеры — оранжевые революции в странах бывшего СССР, арабская весна в странах Ближнего Востока. Причины волнений, которые приводят к гражданским войнам и свержению правящего режима лежат, прежде всего, в социально-экономической сфере. С расширением глобализации, если жители твоей страны живут хуже, чем соседней, информацию об этом невозможно контролировать и это будет приводить к недовольству. Другие страны активно используют культуру, телевидение, образование, рекламу, бренды, ЛГБТ движения, ГРИНПИС и другие НПО для продвижения своих интересов и влияния на умы жителей другой страны. Этот комплекс мер называется «мягкой силой».

Также с развитием социальных медиа появилось новое средство для управления протестными движениями. Через социальные сети легко найти недовольных и объединить их, а потом «расформировать», отпустить. Так называемый «облачный противник» широко использовался в конфликте на Украине 2013–2014 гг.

Россия достаточно успешно смогла использовать в ответ свои инструменты «мягкой силы». Но это лишь верхушка айсберга. Причины недовольств практически во всех этих странах, как уже говорилось, лежат в социально-экономической области.

В современном мире страна не может опираться только на природные и материальные ресурсы, поскольку это ведет к опасному расслоению общества, деградации экономики и потере наиболее талантливых людей страны. Но в России отойти от модели сырьевой экономики очень трудно. Есть целые регионы, по размеру больше Европы, где торговля ресурсами это основной доход, — это Дальний Восток.

Особенно виден разрыв между экономикой Дальнего Востока и быстрорастущего региона СВА и АТР в целом. Подтверждением этому служит доля Дальнего Востока в экономике АТР, которая составляет 1 % и состоит только из использования ресурсов. Ситуацию ухудшает и то, что Дальний Восток почти не связан с остальной Россией хозяйственными отношениями и только несколькими железными и автодорогами. Несвязность пространства — это другая крайне опасная вещь для обеспечения безопасности.

Для того, чтобы решить проблемы не только Дальнего Востока, но и остальной России, которые связаны с демографией, социально-экономическим положением, транспортной интегрированностью геоэкономического и геополитического пространства, прежде всего, необходимо развивать международные транспортные коридоры.

Международные транспортные коридоры в России

Международный транспортный коридор (транспортный коридор, МТК) — высокотехнологическая транспортная система, концентрирующая на генеральных направлениях транспорт общего пользования (железнодорожный, автомобильный, морской, трубопроводный) и телекоммуникации.

МТК наиболее эффективно функционирует в условиях преференциального режима, включая единое таможенное или экономическое пространство.

Наиболее широкое развитие получили панъевропейские транспортные коридоры. Также ЕС в 2005 году принял новую транспортную политику, в которой важная роль отводится морским автомагистралям.

- Каждому из международных транспортных коридоров присвоено собственное обозначение:
- «Север–Юг» (страны Восточной, Центральной Европы и Скандинавии — европейская часть Российской Федерации — Каспийское море — Иран — Индия, Пакистан и другие) — **NS**;
 - Запад–Восток — Транссиб (Центральная Европа — Москва — Екатеринбург — Красноярск — Хабаровск — Владивосток/Находка и система его ответвлений (на Санкт-Петербург, Киев, Новороссийск, Казахстан, Монголию, Китай и Корею); на территории России и сопредельных стран сопрягается с общеевропейскими коридорами №№ 2, 3 и 9) — **TS**;
 - «Северный морской путь» (Мурманск — Архангельск — Кандакша — Дудинка) — **SMP**;
 - «Приморье-1» (Харбин — Гродеково — Владивосток/Находка/Восточный — порты АТР) — **PR1**;
 - «Приморье-2» (Хуньчунь — Краскино — Посьет/Зарубино — порты АТР) — **PR2**;
 - панъевропейский транспортный коридор №1 (ответвление от основного направления коридора граница с Латвией (от Риги) —

Калининград — граница с Польшей (на Гданьск)) — РЕ1;

- панъевропейский транспортный коридор №2 (граница с Белоруссией (от Минска) — Смоленск — Москва — Нижний Новгород с предполагаемым продолжением до Екатеринбурга) — РЕ2;
- панъевропейский транспортный коридор №9 (граница с Финляндией (от Хельсинки) — Санкт-Петербург — Москва — граница с Украиной (на Киев) и ответвления коридора Санкт-Петербург — граница с Белоруссией (на Витебск) и граница с Литвой (от Вильнюса) — Калининград) — РЕ9¹⁶.

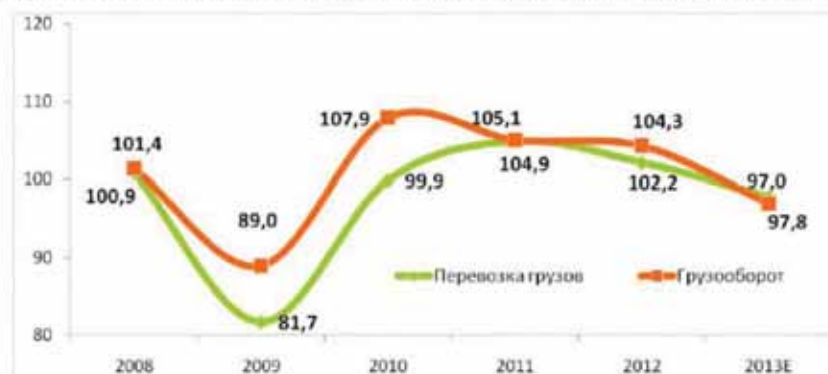
Развитие рынка транспортно-логистических услуг (ТЛУ) оказывает существенное влияние на экономику в целом. Для того чтобы охарактеризовать современное состояние рынка ТЛУ в России, необходимо выявить основную тенденцию развития и определить его положение и долю на мировом рынке. Кроме того, нужно проанализировать эффективность транспортно-логистической деятельности в стране в целом,

сравнивая показатель доли логистических издержек во внутреннем валовом продукте стран, и изучить соотношение услуг, оказываемых логистическими компаниями, и самостоятельной деятельностью компаний в этой области.

По итогам 2012 года объем российского рынка транспортно-логистических услуг увеличился на 11 %, продолжая уже сложившуюся тенденцию к росту. Для сравнения, рост мирового рынка ТЛУ в 2012 году составил 5 %, при этом наиболее активно развитие происходит в азиатских странах — 20 %, а в европейских странах он существенно ниже, составляя 6 %¹⁷. На следующем рисунке представлены темпы роста объема рынка логистических услуг в России и в мире (рис. 10).

Оценивая позицию российского рынка ТЛУ в мировом масштабе, выявим лидеров мирового рынка. Ими являются: США — 23 % объема рынка, европейские страны — 19 % и Китай — 15 % рынка. На долю российского рынка приходится 2,5 % объема услуг по данным за 2012 год. Исходя из этих количественных показателей, можно

Динамика коммерческих перевозок грузов и грузооборота транспорта в 2008-2013 гг., %

Contract Logistics Market Models

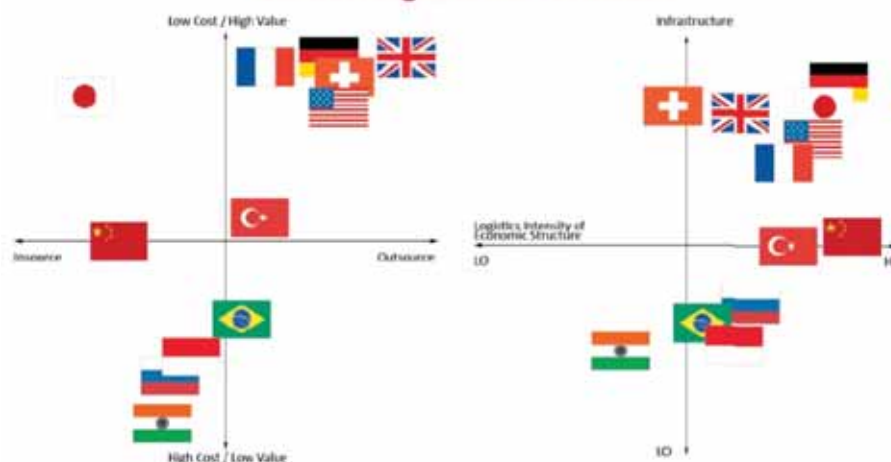

Рис. 10.

прийти к такому выводу: в настоящее время на мировом рынке ТЛУ Россия не играет существенной роли, однако именно российские перспективы в этой сфере представляются весьма заманчивыми.

Уровень развития транспортно-логистической системы страны можно охарактеризовать, используя такой показатель, как уровень логистических издержек. При среднемировом уровне логистических издержек 11,6 % по состоянию на 2012 год, показатель по России достигает 19 %¹⁸. Столь высокий показатель негативно характеризует потенциал развития транспортной логистики в России, свидетельствуя о менее благоприятных условиях развития по сравнению с другими участниками мирового рынка ТЛУ.

Сравнение уровня логистических издержек в различных странах приведено в таблице.

Доли логистических издержек в ВВП стран

Страна	Доля логистических издержек в ВВП страны, %
РФ	19
Китай	18
Бразилия, Индия	11–13
США	8,5
Италия	9,4
Япония	8,7
Германия	8,3

Анализируя приведенные данные, а также сведения о доле мирового рынка ТЛУ стран, можно отметить наличие зависимости между ними. Страны, имеющие наименьшие логистические издержки, имеют наибольшую долю рынка. Высокий уровень логистических издержек в России оказывает влияние на степень развития рынка ТЛУ и на ее позицию в мировом сообществе.

Немаловажным показателем развития рынка является доля рынка контрактной логистики на рынке ТЛУ. Она характеризует и уровень развитости логистики в целом, и степень развития транспортно-логистических компаний, и отражает наличие спроса и предложения транспортно-логистических услуг на рынке.

В среднем в мире доля услуг, оказываемых логистическими компаниями, составляет 55 %, однако этот показатель существенно выше

в странах-лидерах рынка ТЛУ — США (81,3 %), европейских странах (64,6 %). Доля контрактной логистики на российском рынке существенно меньше — 32,4 %¹⁹. Российская логистика имеет огромный потенциал для своего развития, спрос на логистические услуги на российском пространстве постоянно растет, но, вместе с тем, по-прежнему сохраняется несоответствие предлагаемых услуг требованиям клиентов, их недостаточный объем или качество. Последнее вынуждает потребителей услуг создавать собственные логистические службы, отказываясь от взаимодействия с участниками рынка ТЛУ.

Таким образом, через развитие транспортно-логистического потенциала России можно решить целый ряд проблем: социально-экономического роста восточных и северных регионов; транспортной интегрированности России; продвижение интеграционного проекта Евразийское Экономическое сотрудничество и сохранение тем самым зоны добрососедства и сотрудничества со странами-соседями; повышение значимости России в регионе АТР; развитие Арктического региона и сохранения контроля за Северным морским путем.

Становление России как транспортной супердержавы — одна из важнейших геополитических и геоэкономических задач. 8 июля 2014 г. Президент РФ Владимир Путин в своем выступлении на запуске проекта «БАМ-2» заявил, что реализация этого проекта «позволит России закрепить за Россией статус мощной транспортной державы, с которой легко и выгодно работать»²⁰. В российском правящем истеблишменте есть понимание того, что развиваться без сотрудничества невозможно, и только за счет ускоренной эксплуатации природных ресурсов Россия не сможет превратиться в современную глобальную державу, не сможет представлять интерес для значительного числа стран, в особенности в АТР.

В этом же выступлении Владимир Путин отметил, что: «БАМ носил и высокое военно-стратегическое, и народнохозяйственное значение». Также о геополитическом значении транспортных коридоров, которым является БАМ, говорит и начальник иркутской группы дирекции по реконструкции и строительству объектов железнодорожного транспорта ОАО «РЖД» Евгений Солнцев, который считает, что в XXI веке перед Байкало-Амурской магистралью стоят новые геополитические вызовы, а именно — «создать

на транспортной основе БАМа принципиально новую интегральную инфраструктуру, которая должна объединить различные отраслевые коммуникации и полностью раскрыть социально-экономический потенциал этой магистрали».

Уже к 2017 году необходимо увеличить пропускную способность БАМа в два раза — с 16 до 32 пар поездов в сутки, для чего необходимо реконструировать более 500 километров вторых путей, 90 станций, 85 мостов и построить новый Байкальский туннель.

Развитие БАМа даст импульс освоению новых сырьевых источников и реализации крупных производственных проектов, говорит губернатор Амурской области Олег Кожемако. По его словам, модернизация и расширение БАМа существенно изменит облик Дальнего Востока и укрепит экономический каркас региона, позволит решить целый ряд социальных проблем. Благодаря БАМу-2 на Дальнем Востоке появится около 500 тыс. новых высококвалифицированных рабочих мест.

Также планируется, что БАМ-2 даст дополнительный импульс развитию экономических связей со странами АТР, поможет разгрузить и модернизировать Транссиб, а также даст толчок развитию портов Хабаровского края.

Помимо БАМа есть еще и планы проведения работ на Транссибе (МТК № 9), на транспортном коридоре Север–Юг (МТК №2), соединение Транссиба с Транскорейской железной дорогой, развитие Северного морского пути. Существенно важно, что развитие этих коридоров стратегически важно и для Китая.

Выступая в мае на форуме в Санкт-Петербурге, заместитель председателя КНР Ли Юаньчао предложил сформировать в XXI веке экономические зоны «Шелковый путь» и «Морской Шелковый путь» с целью расширения масштабов и уровня сотрудничества между странами ради достижения взаимной выгоды и совместного развития.

А во время своего визита в КНР 9 июля 2014 г. глава Администрации Президента РФ Сергей Иванов заявил, что считает перспективным объединение Шелкового пути с Транссибирской и Байкало-Амурской магистралями: «Концепция Шелкового пути однозначно перспективна. Зачем мешать тому, что уже исторически доказало свою эффективность».

При этом он отметил, что, в то время как Китай начинает реализовывать идею возрождения

Шелкового пути, Россия приступает к расширению Транссиба и БАМа.

Он также сообщил, что уже согласован проект строительства автомобильной дороги из Китая через Казахстан с выходом на Балтийское море²¹.

Китай является первым торговым партнером России с 2010 года: доля КНР во внешнеторговом обороте РФ в 2013 году составила 10,8 %. Основной статьей российского экспорта в Китай являются нефть и нефтепродукты, древесина и продукция химической промышленности.

Также КНР необходимо диверсифицировать свои грузопотоки в Европу. Как известно морской сверхдержавой на сегодняшний день является только одна страна, — США. Морские перевозки являются самыми быстрыми и дешевыми: пока достойной альтернативы морской перевозке через Суэцкий канал не создано. Это уязвимое место для Китая, который через строительство проекта Новый Шелковый путь пытается создать свой транспортный коридор к европейскому рынку. Ранее считалось, что китайский проект, как и проект США по возрождению Шелкового пути через территорию Афганистана будет конкурировать с российскими коридорами Транссибом и БАМом. Но последние внешнеполитические договоренности говорят о другом. Объединение Нового Шелкового пути с Транссибом привлечет другие страны региона к сотрудничеству, стабилизирует обстановку в регионах и странах прохождения, и свяжет экономически и, возможно, интеграционно страны региона.

При этом существует и ряд опасностей дестабилизации обстановки в Центральной Азии — усиление радикальных исламистских вооруженных группировок, территориальные конфликты и споры вокруг водных ресурсов, растущий наркотрафик из Афганистана и экспорт революций. Все эти угрозы безопасности в регионе могут помешать развитию проекта, что конечно было бы удобно США и странам ЕС, которые продвигают свою идею Шелкового пути — ТРАСЕКА.

Интеграционное значение транспортных коридоров

Конфликт на Украине 2013–2014 гг. показывает, что противостояние за сферы интересов набирает обороты. Не так много стран можно назвать сегодня по-настоящему независимыми.

Большинство, руководствуясь экономическими интересами и обеспечением безопасности, вступают в те или иные региональные объединения. Думаю, что не будет преувеличением сказать, что в будущем мировая политика будет совершаться несколькими странами, находящимися у руководства интеграционных объединений. Жесткое столкновение интеграционных проектов России и ЕС (плюс США) за присоединение Украины показывает, насколько качественно новой будет мировая политика в будущем.

Транспортные коридоры продвигают вместе с собой отказ от тарифов и облегченный режим таможенных процедур; снятие тарифных барьеров ведет к большому сотрудничеству и экономической зависимости между регионами и странами; растущая экономическая зависимость обуславливает формулирование общих политических целей. ЕврАзЭС как российский интеграционный проект в будущем должен стать таким же сильным в экономическом и военно-политическом отношении как альянс США и ЕС, чтобы гарантировать себе большую независимость на международной арене. Без реализации крупных инфраструктурных проектов между странами-членами ЕврАзЭС невозможно будет говорить об экономическом росте стран объединения.

В 2008 г. была утверждена Концепция формирования Единого транспортного пространства Евразийского экономического сообщества. Одной из заявленных главными государствами-членами ЕврАзЭС задач деятельности Сообщества в области экономической политики является формирование общего рынка транспортных услуг и единой транспортной системы. Это возможно только в условиях Единого транспортного пространства (ЕТП), под которым понимается совокупность транспортных систем государств-членов ЕврАзЭС, для беспрепятственного перемещения пассажиров, багажа, грузов и транспортных средств, обеспечивающая техническую и технологическую совместимость транспортных процессов, гармонизированное законодательство в области транспорта и единые правила конкуренции. ЕТП охватывает деятельность всех видов транспорта и распространяется на поставщиков транспортных и вспомогательных услуг, связанных с организацией перевозок, всех форм собственности, вне зависимости от страны учреждения²².

В качестве приоритетов формирования ЕТП, на которые будет сосредоточено государственное финансирование, предлагается определить:

- создание общего рынка транспортных услуг;
- создание единой транспортной системы;
- реализация транзитного потенциала стран-членов ЕврАзЭС;
- развитие системы логистических центров Сообщества.

В 2015–2020 гг. планируется завершить формирование Единого транспортного пространства ЕврАзЭС созданием общего рынка транспортных услуг и единой транспортной системы.

От формирования ЕТП ожидается мощный социально-экономический эффект, в том числе следующие важные результаты:

1. свободное перемещение граждан создаст стимулы для укрепления нарушенных социальных связей и развития туризма;
2. упрощенный процесс передвижения товаров между государствами-членами ЕврАзЭС и транзита по их территории повысит скорость транспортировки и снижение транспортной составляющей в цене товара на 4–5 %;
3. беспрепятственный взаимный доступ перевозчиков и других поставщиков, транспортных и сопутствующих услуг на рынки государств-членов Сообщества, улучшит экономические показатели их работы. Вследствие повышения технического уровня транспортной инфраструктуры и транспортных средств, а также применения современных транспортных и логистических технологий, себестоимость перевозок грузов и пассажиров в межгосударственном сообщении в среднем снизится на 13–15 процентов;
4. повысится уровень интеграции транспортных комплексов государств-членов ЕврАзЭС в мировую транспортную систему, а также будут созданы предпосылки для устойчивого обеспечения евроазиатских транспортных связей и роста экспорта транспортных услуг государствами Сообщества не менее 15 %;
5. увеличится не только транспортная доступность для развития отдаленных регионов, но и повысится не менее чем на 20 % круглогодичная обеспеченность населения, территорий, хозяйствующих субъектов различными видами сообщения и транспортных услуг мирового уровня;
6. ожидаемые условия функционирования и развития транспортных предприятий расширят их грузоподъемность и рентабельность;

7. общеэкономический эффект от улучшения транспортных связей, снижения стоимости транспортных услуг и повышения их качества составит не менее 10 % для каждого государства-члена Содружества;
8. повысится конкурентоспособность транспортных систем государств Сообщества за счет координации их усилий по защите интересов ЕврАзЭС и проведения согласованной внешнеэкономической политики в области транспорта в среднем на 25 %.
9. транзитный потенциал будет использован полностью с резервированием не более 15 % в среднем по странам Сообщества.
10. в создание транспортно-логистической системы сообщества предполагается вложить не менее 12 млрд долл. США в ценах 2007 г.
11. реализация инвестиционных проектов позволит создать не менее 100 тысяч новых рабочих мест, в т. ч. более 20 тысяч — высококвалифицированных;
12. социально-экономическая мобильность населения вырастет не менее чем на 30 %;
13. грузоемкость ВВП в среднем снизится на 5–8 %;
14. скорость грузового сообщения возрастет на 10–15 %, а по международным транспортным коридорам на 25 %;
15. показатель числа погибших в транспортных происшествиях и чрезвычайных ситуациях снизится на 35 %;
16. доля транспорта в загрязнении окружающей среды снизится в полтора раза.

Повышение эффективности использования транзитного потенциала государств-членов Сообщества в условиях ЕТП явится существенным стимулом для интеграции, развития экономики и социальной сферы государств-членов ЕврАзЭС. Наибольший эффект получают регионы государств-членов ЕврАзЭС, по территориям которых проходят основные транспортные направления, связывающие эти страны и обеспечивающие транзитные перевозки пассажиров и грузов.

Для обеспечения целостности и устойчивости Сообщества от разрушающих воздействий (экономических, политических, чрезвычайных ситуаций различного происхождения) государства-члены ЕврАзЭС должны поддерживать развитие и работу транспортных систем на оптимальном уровне.

Северный морской путь (СМП) и его значение для обеспечения безопасности

Арктика — новый важный регион для деятельности международной дипломатии, который имеет стратегическое значение для России. Поэтому нашей стране надо использовать все функционирующие структуры для продвижения своих долгосрочных интересов в Арктике. Структура современной арктической дипломатии обычно включает три измерения.

Во-первых, это активность и взаимодействие международных и/или региональных организаций, как, например, Международная морская организация (ИМО), Арктический совет, Совет Баренцева-Евроарктического региона. Второе измерение образуют диалоги на межправительственном уровне. И, наконец, третье — международная публичная сфера — пресс-конференции, форумы, семинары по проблемам Арктики, в рамках которых представители внешнеполитических ведомств знакомят широкую аудиторию с результатами и планами национальной арктической политики, а также осуществляют контакты по линии предпринимательского и научно-экспертного сообществ как внутри, так и за пределами своих стран. Безусловно, соотношение указанных измерений варьируется в зависимости от содержания конкретного регионального подхода. Например, с 2005 г. Норвегия стала позиционировать себя в качестве ведущего арктического игрока. Главными конкурентными преимуществами по сравнению с другими полярными державами Норвегия считает технологическое превосходство в энергетической отрасли, самые строгие экологические стандарты морской нефтегазодобычи и исчерпывающий объем знаний об Арктике.

Первым успехом арктической дипломатии Норвегии стало юридическое оформление морских границ в Арктике. За относительно короткое время согласованы линии разграничения исключительных экономических зон с Данией и Исландией, что закреплено в соглашениях, подписанных в феврале и сентябре 2006 г. соответственно. Договоренности имели принципиально важное значение в связи с тем, что напрямую способствовали утверждению принципа срединной линии в качестве общепризнанного способа разграничения морских пространств в Арктике. В дальнейшем это должно было обеспечить норвежской стороне преимущество на

переговорах с Россией о делимитации «серой зоны» Баренцева моря, остававшейся болевой точкой двусторонних отношений с 1970 года. Вторым достижением стала подача в ноябре 2006 г. в профильную Комиссию ООН заявки о границах континентального шельфа Норвегии в Арктике за пределами 200-мильной исключительной экономической зоны (общей площадью 235 тыс. кв. км шельфа). Хотя в споре относительно границы в Баренцевом море Осло не удалось добиться полного применения принципа срединной линии, подписанный 15 сентября 2010 г. Мурманский договор приходится отнести к победе скорее норвежской, чем российской дипломатии. С формальной точки зрения зона перекрывающихся притязаний в Баренцевом море площадью 175 тыс. кв. км поделена примерно поровну. Очевидно и политическое значение данного акта: Москва и Осло подтвердили верность принципам Илулиссатской декларации 2008 г. (о мирном разрешении споров) и устранили еще один очаг напряженности в Арктике²³.

Идее создания альтернативы существующим водным путям на самом деле столько же лет, сколько самим каналам, и это неудивительно. Бизнесменам не дают покоя лавры Панамского и Суэцкого каналов. Компании — операторы этих торговых артерий стабильно росли во все кризисные времена. Панамский канал не проваливался в долговую яму ни в 2008 г., ни в 2009 г., а его прибыль даже в этот период увеличивалась на 8–11 % ежегодно. На логистику — перевозку и хранение товаров и деталей для производства — в целом уходит объем средств, равный 12 % мирового ВВП.

Развертывание добычи углеводородного сырья на арктическом шельфе РФ обуславливает задачу увеличения объема грузовых перевозок по Северному морскому пути. Использование этого транспортного маршрута при современном уровне развития техники становится все более привлекательным. Так, например, расстояние на маршруте Роттердам — Иокогама при использовании Северного морского пути составит 7 тыс. 345 морских миль, тогда как маршрут через Суэцкий канал — 11 тыс. 205 морских миль. Разница — 3 тыс. 860 миль, или 34 %. Впервые в российской истории осуществляется транзитный коммерческий переход по Северному морскому пути крупнотоннажного танкера арктического ледового класса «СФК Балтика». Танкер вышел в рейс из порта «Мурманск» 14 августа

2010 г. с грузом 117 тыс. т газового конденсата и прибыл в порт назначения «Нинбо» (Китай) 6 сентября. Таким образом, подтверждена возможность и рентабельность регулярной доставки энергоносителей из бассейна Баренцева и Карского морей на рынки АТР по Северному морскому пути. По оценкам экспертов объем перевозок по этому маршруту может достигать пяти миллионов тонн в западном направлении²⁴.

В условиях глобального потепления все более актуализируется вопрос о Северном морском пути как новом международном транспортном коридоре, позволяющем перевозить грузы из Европы в Азию и США по сравнительно короткому и безопасному маршруту. Начало регулярной навигации вдоль северного побережья Сибири и Дальнего Востока открывает новые перспективы в качестве международных транспортных узлов для пока еще каботажных портов Чукотки, Камчатки и Магадана.

Интерес к России как транспортному пространству между Европой и Восточной Азией будет зависеть от российской политики в сфере развития транспортной инфраструктуры в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Как естественный мост между рынками Европы и Азии, Россия обладает уникальным транспортно-транзитным потенциалом, защита которого от стратегических конкурентов и полноценная реализация являются необходимым условием успешного национального развития²⁵.

Северный морской путь — это кратчайший морской путь между Европейской частью России и Дальним Востоком и поэтому Россия не может упустить этот жизненно важный транспортный коридор. Ведь для обеспечения продовольствием труднодоступные регионы Дальнего Востока зимой можно использовать только СМП.

Но СМП это еще и кратчайший путь из Европы в Азиатско-тихоокеанский регион (АТР). С учетом увеличивающегося товарооборота между ранками европейских стран и стран АТР СМП пользуется все большей популярностью у компаний-перевозчиков как самый короткий путь. Контроль России за этим транспортно-транзитным путем благоприятно скажется на развитии дальневосточных регионов.

В последние годы потенциал Северного морского пути (СМП) в качестве наиболее короткого евроазиатского маршрута стал объектом повышенного интереса со стороны субъектов морского бизнеса целого ряда стран.

В силу своего уникального географического положения Россия объективно выступает связующим мостом между Европой и Азией. Такое положение делает Россию стратегическим партнером для многих государств при осуществлении транзитных перевозок из быстрорастущих экономик Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу. Эти экономики также являются ключевыми потребителями транспортных услуг в приграничных регионах России.

Число рейсов по Северному морскому пути достигает ежегодно новых рекордных значений — разрешение на проход на 2013 год получили свыше 200 судов. Увеличение перевозок связано с изменением климатических условий и таянием льдов. Но в восточном секторе пути по-прежнему не хватает инфраструктуры.

Севморпуть начал эксплуатироваться в 1933 году. Пик перевозок пришелся на 1987 г. — 6579 тыс. тонн, минимум был отмечен в 1998 г. — 1458 тыс. тонн.

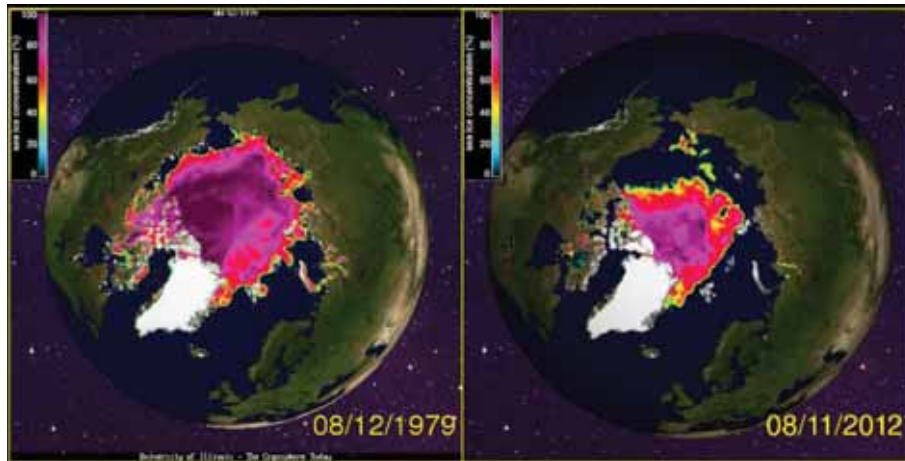
Маршрут рассматривался как альтернатива транспортным артериям, проходящим через Суэцкий или Панамский каналы. Он является кратчайшим путем между портами стран Западной Европы, России, Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии. В среднесрочной и долгосрочной перспективе эксперты прогнозируют дальнейший рост арктического судоходства. Севморпуть может привлечь четверть от всего объема торгового судоходства между Азией и Европой к 2030 году²⁶.

Использование Севморпути значительно сокращает время в пути для судна, а также потенциально может снизить стоимость доставки грузов. Например, расстояние проходимое судами из Мурманска в Иокогаму через Суэцкий канал составляет 12 840 миль, а Северным морским путем — всего 5770 миль. В рейсе из Мурманска

в порт Ванкувера (Канада) через Панамский канал судно пройдет 9700 миль, а Северным морским путем — лишь 5400 миль. Проводка из Роттердама в Ванкувер через Панамский канал составит 8920 миль, а Северным морским путем — 6980. По словам Усова, экономия за рейс с 200 тыс. тонн груза, например, из Норвегии в Японию может составить около \$500 тыс., а сокращение времени пути — 15 суток.

Начало систематическому использованию СМП иностранными судоходными компаниями было положено летом 2009 г., когда два судна немецкой компании «BelugaGroup» доставили около 5 тыс. т коммерческого груза из Пусана (Южная Корея) в Новый порт, расположенный в Обской губе. С этого момента спрос на использование СМП стал все больше возрастать. Если в 2010 г. в Арктике транзитом было перевезено около 115 тыс. т грузов (из них 45 тыс. т иностранными компаниями), то к концу полярной навигации 2011 г. — уже 674 тыс. т, из которых на долю иностранных перевозчиков пришлось почти 500 тыс. т. Если функционирование арктической морской транспортной системы станет прибыльным, оно сможет дать синергетический эффект для развития смежных отраслей, а также стимулировать развитие инфраструктуры в российских регионах, расположенных вдоль всего побережья Северного Ледовитого океана²⁷.

Оценки готовности как инфраструктуры, так и маршрута для превращения СМП в полноценный транспортный коридор сильно разнятся. Если в оценках готовности береговой инфраструктуры Севморпути многие эксперты соглашаются, что она не готова к серьезному увеличению объема перевозок, прежде всего, из-за того, что на протяжении всего маршрута работают всего два больших и пять небольших

портов. И если европейская часть Севморпути, западнее Архангельска, работает активнее, потому что на нее и приходится рост трафика, то восточный сектор — от Дудинки до Чукотки — это практически «мертвая зона».

Вопрос о беспрепятственном судоходстве из-за интенсивного таяния льдов вызывает большое количество вопросов. В 2013 году ледокольные проводки летней навигации показали, что ледовая обстановка на ряде участков сложнее, чем в предыдущем 2012 году, и несколько снижает скорость прохождения судов — о таких данных свидетельствовали проводки атомных ледоколов «Вайгач» и «Ямал».

Известно, что Арктический регион содержит около 30 % мировых запасов природного газа и около 13 запасов нефти. Уже это обуславливает перспективы СМП. Но Северный морской путь через Арктику может стать также стратегическим альтернативным маршрутом для перевозки энергоресурсов, предоставив импортерам и экспортерам хорошую возможность уменьшить свою зависимость от таких нестабильных морских путей, как Ормузский и Малаккский проливы.

В любом случае, спрос на транспортно-логистические услуги и транспортные перевозки между регионами АТР и Европой будет только расти. Российские и зарубежные государственные и частные компании продолжают развивать свой флот и навыки прохождения по Северному морскому пути.

При этом следует особо отметить, что западные компании проявляют растущий интерес к деятельности в этом направлении, даже несмотря на отсутствие в России практики выдачи разрешений иностранным судам на северную навигацию.

Строительство нового морского порта Сабетта, предназначенного для обеспечения перевалки углеводородного сырья Южно-Тамбейского газоконденсатного месторождения на Ямале и поставок природного газа, нефти и газового конденсата морским транспортом в страны Западной Европы, Северной и Южной Америки и страны Азиатско-Тихоокеанского региона осуществляется в соответствии с распоряжением правительства России от 13.07.2012 №1259-р.

20 июля 2012 года состоялась торжественная закладка порта Сабетта, расположенного в 5 километрах к северо-востоку от одноименного поселка. Первые грузовые суда пришвартовались к причалу порта Сабеттауже в октябре 2013 года. Арктический аэропорт Сабетта на Ямале будет введен в эксплуатацию в конце 2014 года. Он будет принимать самолеты практически всех типов, включая тяжелые транспортники Ил-76. Аэропорт будет удовлетворять всем требованиям, которые применяются к аэропортам международного класса.

Планируется строительство завода по сжижению газа рядом с поселком — первую очередь планируют запустить в эксплуатацию в 2016 году.

Новый порт на Ямале обеспечит круглогодичную навигацию по Северному морскому пути и станет ключевым элементом транспортной инфраструктуры проекта «Северный широтный ход», в основе которого — пуск в 2016 году завода по сжижению природного газа на базе Южно-Тамбейского месторождения²⁸.

Международные организации также проявляют все больший интерес к СМП. Так в августе 2013 г. Генеральный секретарь Международной морской организации (ИМО) КоджиСекимицу лично прошел по СМП и увидел процесс

организации ледового плавания судов и ледокольной проводки судов. Речь идет о пятидневном переходе из порта Диксон в порт Певек на атомном ледоколе «50 лет Победы», который обеспечивает ледокольную проводку судов в акватории СМП.

Миссия КоджиСекимицу связана с возросшим интересом глобальной судоходной индустрии к СМП и другим арктическим судоходным путям и весьма актуальна для ИМО, которая в настоящее время завершает разработку Полярного Кодекса — обязательного инструмента ИМО для судов, плавающих в полярных водах, включая СМП. Российские предложения и меры по организации плавания судов во льдах могут стать основой Полярного Кодекса²⁹.

В рамках данного процесса также активно обсуждались вопросы логистики и организации снабжения судов при плавании в ледовых условиях Арктики, необходимость специальной подготовки и квалификации экипажей судов, совершающих плавание в ледовых условиях, меры адекватного обеспечения ледоколами для поддержания судоходства, меры безопасности мореплавания и реагирования на возможные разливы загрязняющих веществ, организацию радио связи при бедствии и многие другие вопросы. Важнейшим вопросом является статус и ответственность прибрежного государства при организации плавания судов в покрытых льдами акваториях в свете норм, установленных Конвенцией Организации объединенных наций по морскому праву 1982 г.

Международная морская организация — специализированное агентство системы Организации объединенных наций, предназначенные для глобального регулирования вопросов безопасности мореплавания, защиты морской среды от загрязнения с судов, защиты морского судоходства от актов незаконного вмешательства. Международные конвенции, кодексы, принимаемые в рамках деятельности ИМО, являются обязательными для выполнения всеми судами, независимо от национальной принадлежности. (КоджиСекимицу был избран генеральным секретарем ИМО в ноябре 2011 года и приступил к своим обязанностям с 1 января 2012 года).

Что касается оценок российских государственных ведомств в отношении стратегических перспектив СМП, то они в основном позитивны. По оценкам Министерства экономического развития Мурманской области, в 2012 г. по СМП

удалось перевезти транзитом более 1,5 млн т навалочных грузов и около 1 млн т нефти. В свою очередь, «Атомфлот», оператор отечественного ледокольного флота, подтверждает готовность обеспечить проводку любого количества судов по морским трассам Арктики. Здесь следует учитывать, что при всей своей уникальности кратчайшие маршруты в Арктике не могут быть интересны абсолютно всем судоходным компаниям. Следовательно, при определении целевой аудитории для СМП должны быть сформулированы релевантные критерии отбора. К их числу можно отнести следующие: межрегиональный/глобальный характер бизнеса компании; специализация (полная или частичная) на грузоперевозках по линии Европа–Азия либо стремление начать освоение азиатского/европейского рынка; наличие в составе флота компании судов ледового класса (не ниже 1А по классификации DetNorskeVeritas) и/или водоизмещением не менее 10 тыс. тонн³⁰.

Применив указанные выше критерии для определения круга пользователей СМП, можно получить список с весьма широкой географией. Помимо официально признанных полярных держав (Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания) в него попадут компании-перевозчики из Греции, Польши, ФРГ, Нидерландов и Бельгии. В Азии же интерес к СМП демонстрируют судовладельцы Южной Кореи, Японии и Китая. Например, среди иностранных компаний, которые собираются подать заявки на использование СМП в 2012–2014 гг., фигурируют немецкая «OldendorffCarriers», южнокорейская «HyundaiMerchantMarine» и норвежская «Knutsen OAS Shipping». Полный перечень заинтересованных субъектов, естественно, окажется гораздо длиннее³¹.

Южная Корея уже поставляет в Финляндию авиационное топливо по Северному морскому пути. Кстати, авиационный керосин — основной груз иностранных транспортов, везущих грузы по российскому Севморпути. По этой трассе в высоких широтах керосин поступает с завода в южнокорейском Йосу в финский порт Порвоо. Танкер «StenaPoseidon» стал первым в этом сезоне судном, прошедшим Северным морским путём без захода в российские порты. В июле танкер доставил в Порвоо груз авиационного керосина из Йосу, Южная Корея. В сентябре 2012 года из Южной Кореи в Финляндию по Севморпути прошло ещё два танкера, Marika

и Palva, каждый вёз в своих танках по 60–70 тыс. тонн авиационного топлива³². В общей сложности три танкера доставили в Финляндию за один сезон 129 тыс. тонн керосина. Как известно, порт Порвоо — самый крупный по грузообороту в Суоми, расположен к востоку от Хельсинки. Ежегодно через него проходит около 20 миллионов тонн сырой нефти и нефтепродуктов. Кроме трёх транзитных танкеров, по Севморпути прошло ещё 16 танкеров с грузом нефтепродуктов для российских портов. По информации Росатомфлота, с начала навигации 2012 года по Северному морскому пути перевезли 742 049 тонны нефтепродуктов — 522 263 тонны с запада и 229 786 тонн с восточного направления. По трассе в высоких широтах везут дизтопливо, авиационный керосин, газовый конденсат и другие грузы³³.

В сентябре 2013 г. танкер-афрамекс «Залив Амурский» ледовый класс 1С (DNV) вышел в свой первый арктический рейс из порта Онсан (Корея) в порт Роттердам (Нидерланды).

ПРИСКО считает, что в ближайшем будущем транспортировка грузов Севморпутем между Европой и портами Юго-Восточной Азии, станет серьезной альтернативой традиционным маршрутам, позволяя продолжать оптимизировать результаты коммерческой деятельности как грузовладельцев, так и судоходных компаний, несмотря на то, что для придания делу широкого размаха, потребуется комплексное решение ряда неотложных проблем.

Значительную активность в плане перспективного освоения СМП проявляют и китайские компании. Первое китайское коммерческое судно вышло из порта Тайцан 15 августа 2013 г. и 10 сентября 2013 г. прибыло в Роттердам. Использование СМП позволило этому кораблю выиграть две недели пути по сравнению с традиционным маршрутом доставки грузов из Китая в Европу по морю через Индийский океан и Суэцкий канал (45–48 дней). Пусть это и банальность, но любая возможность сократить пребывание груза в пути означает существенное снижение издержек для судовладельцев, импортеров и, соответственно, потребителей.

Китай с 2012 г. развернул самую бурную деятельность в Арктике по сравнению с остальными внерегиональными державами (Японией, Южной Кореей, Сингапуром). Как ни парадоксально, но наиболее пассивными игроками выступают «тяжеловесы» — Россия, США и Канада,

на долю которых приходится подавляющая часть сконцентрированных в регионе ресурсов³⁴.

Арктическое судоходство интересно Исландии, которая рассматривает возможность строительства арктического незамерзающего порта на северо-востоке страны при финансовом и экономическом содействии китайцев.

На XVIII съезде КПК было объявлено о том, что КНР является великой морской державой. КНР уже имеет один ледокол «Сюэлун» («Снежный дракон»), который способен проходить по Севморпути. Маршрут Шанхай — Владивосток — Чукотка — Мурманск — порты Норвегии — Гамбург короче на 5200 километров, чем через Индийский океан и Суэцкий канал. Это означает существенную экономию топлива, оплаты труда моряков, отсутствие сомалийских пиратов и очередей на проход через Суэцкий канал, оплаты за него. Хотя проход через СМП тоже предполагает ледокольный сбор, издержки климатических условий, когда 8–9 месяцев в году большую часть маршрута покрывают льды. Чтобы оценить коммерческую привлекательность по-настоящему, нужно эксплуатировать транспортную артерию года три. Но в любом случае этот путь сможет взять только часть международной торговли КНР. Большие объемы морских перевозок Китая связаны с транспортировкой нефти, а это суда из арабских стран по Индийскому океану, а также из Африки (из Анголы, Нигерии и т. д.). Тем не менее, директивные органы КНР рассчитывают в перспективе примерно одну пятую часть своей внешней торговли переориентировать на Северный морской путь.

На данный момент Южная Корея максимально использует Южный морской путь для того, чтобы осуществлять экспорт и импорт своих товаров в Европу. Использование же СМП позволит значительно сэкономить ресурсы и финансовые средства. Мурманск имеет все шансы стать центром логистики и транспортных перевозок. Например, правительство Мурманской области реализует специальный проект по привлечению и поощрению корейских инвестиций в совместных программах на территории Мурманской области³⁵.

С начала XXI века международное взаимодействие и сотрудничество в Арктике неуклонно расширяется. За сравнительно небольшой период с 2006 по 2014 гг. процесс приобрел системные очертания. Главным признаком тому служит массовое утверждение заинтересованными

государствами концепций освоения этого региона. Из анализа содержания этих документов следует, что большая часть ключевых задач сосредоточена во внешнеполитической плоскости, а значительную роль в их реализации играет «арктическая дипломатия».

Среди стратегических конкурентов в борьбе за обладание Арктическим транспортным коридором можно назвать страны Арктического совета и Китай. По оценкам некоторых экспертов, уже к 2020 году по арктическому маршруту может пройти до 15 % объема китайской внешней торговли³⁶.

Норвегия вместе со своими скандинавскими партнерами стремится обеспечить утверждение Арктического совета в роли ведущего центра принятия региональных решений. Одной из практических мер в данной области стало размещение в Тромсё, неофициальной столице норвежского Заполярья, постоянного секретариата этой структуры.

Отдавая должное Арктическому совету, Норвегия не отказывается и от других инструментов регионального сотрудничества, как, например, Совета Баренцева-Евроарктического региона, созданного по ее инициативе в 1993 г., а также от программы «Северного измерения», являющейся своеобразным окном в Арктику для Европейского союза. Параллельно Осло развивает активную деятельность в рамках Международной морской организации, где лоббирует принятие Кодекса полярного мореплавания (PolarCode), который будет включать экологические и технические стандарты для судоходства в Арктике, обязательные для всех заинтересованных держав. Можно выделить главную характеристику современной арктической дипломатии Норвегии, которая заключается в опоре на международное морское право и в частности на Конвенцию ООН 1982 года. Данный документ предоставляет Осло отличную возможность для широкого маневра в реализации стратегических приоритетов своей морской политики.

Значительные успехи норвежской арктической дипломатии, достигнутые в 2006–2010 гг., стали мощным стимулом для других полярных держав, которые также начали предпринимать меры по внешнеполитическому обеспечению стратегических интересов в Арктике. В частности, широкое распространение получила практика утверждения всеобъемлющих концепций освоения региона, ведущую роль при этом

в большинстве случаев играли именно внешнеполитические ведомства. Так, в середине мая 2008 г. министерство иностранных дел Дании опубликовало проект арктической стратегии под названием «Арктика в переломную эпоху».

В других скандинавских странах разработка программ освоения Арктики также отнесена к компетенции министерств иностранных дел. Например, в Финляндии соответствующий документ был принят в июне 2010 г., в конце марта 2011 г. основы национальной арктической политики утверждены парламентом Исландии, наконец, в мае 2011 г. по случаю начала двухлетнего председательства Швеции в Арктическом совете состоялась презентация ее региональной стратегии.

Вторым ключевым индикатором институционализации арктической дипломатии является создание профильных административных структур в рамках внешнеполитических ведомств. Например, в Дании в январе 2012 г. для обеспечения эффективной координации арктической политики введена специальная должность посла по вопросам Арктики.

В Финляндии вся работа по подготовке концептуальных основ национальной арктической стратегии была поручена консультативной группе по вопросам Арктики, созданной в апреле 2010 г. при аппарате премьер-министра.

Институционализация арктической дипломатии нагляднее всего просматривается на примере внерегиональных заинтересованных держав. Так, в сентябре 2010 г. в структуре японского МИДа появилась рабочая группа по Арктике, на которую возложен комплексный анализ и мониторинг изменений в экономике, безопасности, экологии и международном морском праве. В начале 2012 г. к ее деятельности подключился Японский институт международных отношений, который начал проведение исследовательского проекта по формулированию основных положений дипломатической стратегии Токио в Арктике.

Второй эшелон занимает группа скандинавских стран — Исландия, Дания, Швеция и Финляндия, амбиции и достижения которых носят более умеренный локальный характер.

В Форин-офисе Соединенного Королевства компетенцией в вопросах арктической политики наделен отдел полярных регионов, который в декабре 2012 г. преобразован в департамент, получив тем самым более высокий админист-

ративный статус. Фокус работы департамента полярных регионов традиционно сосредоточен на сохранении британских интересов в Антарктиде и прилегающих к ней территорий (островов Южного Георгия и Южных Сандвичевых островов). Однако с недавнего времени арктическое направление стало занимать более заметное положение в рабочей повестке дня указанного ведомства, особенно после того как в январе 2012 г. в Палату общин был представлен проект арктической стратегии Великобритании.

Однако есть группа стран, в которых участие дипломатов в подготовке национальных арктических стратегий было сведено к минимуму. К ним относится Россия (первая редакция Основ государственной политики в Арктике разрабатывалась Советом безопасности), США (где региональные приоритеты изложены в Президентской директиве №66 в области национальной безопасности), а также Канада (подготовкой документа занималось министерство по делам индейского населения и развития Севера).

Ведомственное происхождение арктических стратегий трех указанных стран оказывает безусловное влияние на их содержание, которое по сравнению с подходами скандинавских государств оказывается больше ориентированным

на решение внутривнутриполитических задач. Возможно, это обусловлено относительным географическим единством России, США и Канады. В этих странах значительные по площади участки континентальной суши, имеющие большое значение для внутреннего социально-экономического развития и военной безопасности, расположены за Полярным кругом.

Под акваторией Северного морского пути понимается водное пространство, прилегающее к северному побережью Российской Федерации, охватывающее внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону Российской Федерации и ограниченное с востока линией разграничения морских пространств с Соединенными Штатами Америки и параллелью мыса Дежнева в Беринговом проливе, с запада меридианом мыса Желания до архипелага Новая Земля, восточной береговой линией архипелага Новая Земля и западными границами проливов Маточкин Шар, Карские Ворота, Югорский Шар³⁷.

234 статья Конвенция ООН по морскому праву рассматривает Северный морской путь, как исторически сложившуюся единую национальную транспортную коммуникацию России.

4.3. Долгосрочные сценарии развития международной обстановки

Функцию долгосрочного прогнозирования внешних угроз национальной безопасности... выполняют ряд консультативных органов при президенте и Правительстве РФ во главе с Советом безопасности³⁸.

*Б. Кузык, В. Кушлин, Ю. Яковец,
эксперты*

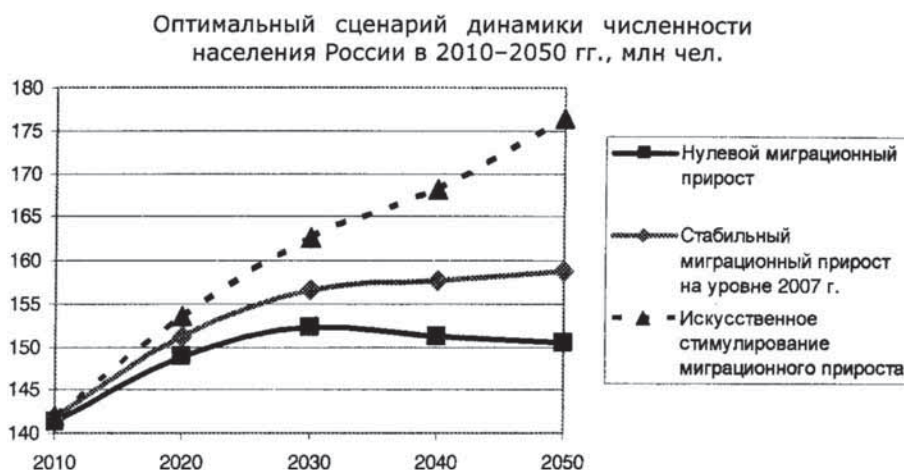
Анализ и прогноз сценариев развития МО в интересах обеспечения безопасности страны, который в настоящее время делается «в ряде консультативных органов» во главе с Совбезом, как представляется, должен являться изначально производным от анализа развития сценариев ЧЦ, в целом и противоречий между интересами локальных цивилизаций, отдельных наций и государств.

Именно на этом уровне происходит формирование структуры будущей МО, которая неизбежно включает в себя и важнейшие внутренние факторы, например:

- количество и качество человеческого капитала;
- величина ВВП и др.

Так, например, численность населения России в 2050 году в основном будет определяться внутренними факторами, а результат такой политики — неизбежно отразится на будущей МО и ВПО, особенно, если говорить о растущей роли «мягкой силы» и институтов гражданского общества.

Как мы видим, в оптимальном сценарии (т.е. при сочетании создания высокоразвитой системы здравоохранения, внедрения адекват-

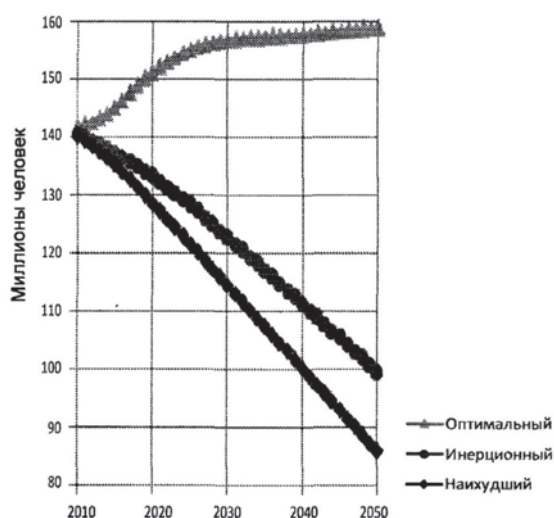

Оптимальный сценарий динамики численности

Годы	Миграционные варианты		
	Нулевой миграционный прирост	Стабильный миграционный прирост на уровне 2007 г.	Искусственное стимулирование миграционного прироста
2020	148,8	151,1	153,5
2030	152,3	156,7	162,4
2040	151,2	157,6	168,0
2050	150,4	158,8	176,4

ной антитабачной, антиалкогольной политики и эффективных мер поддержки рождаемости) задача предотвращения депопуляции России решается даже при сохранении миграционного прироста на уровне 2007 г. (т.е. без его искусственного стимулирования).

Динамика численности населения России в 2010–2050 гг.: инерционный, пессимальный и оптимальный сценарии по варианту постоянного миграционного прироста на уровне 2007 г., млн чел.

В любом случае наши расчеты показывают, что предотвратить вымирание России можно только комплексно позитивно задействовав все модифицируемые факторы российского демографического роста. Негативная динамика по любому из них (падение рождаемости, сокращение до нуля миграционного прироста, снижение эффективности работы системы здравоохранения, увеличение распространенности табакокурения, ухудшение алкогольной ситуации или даже просто ее сохранение на современном уровне) делают решение задачи предотвратить вымирание России практически невыполнимым.

Сама по себе МО структурно включает самые разные группы интересов — политические, экономические, финансовые, гуманитарные, военные и т. д., которые могут быть в самом общем виде представлены в виде матрицы. При этом надо четко выделять две категории интересов, которые нередко противоречат друг другу:

- **объективные** интересы локальной цивилизации, нации, государства и социальной групп.
- и **субъективные** интересы определенных социальных групп, что хорошо видно на при-

Табл. 3. Матрица интересов государств, формирующих международную обстановку (МО) (в оценке правящих элит)

Тип интересов государства «А» (в представлении элиты Украины)	Тип интересов государства «Б» (в представлении российской элиты)				
	политиче- ские	экономи- ческие	финансо- вые	гуманитар- ные	военные
Политические:	–2				
— отношения с США и ЕС;	–3				
— отношения со странами СНГ;	–1				
— отношения с другими странами	–1				
Экономические:		–3			
— торгово-экономические;		–2			
— энергетика;		–3			
— машиностроение		+1			
Финансовые:			–2		
— банковские;			–2		
— страновая;			–1		
— бюджетная			–3		
Гуманитарные:				–3	
— наука;				–2	
— образование;				–3	
— культура				–3	
Военные:					–3
— военно-политические;				–2	–3
— ВТС;				–3	–3
— ВКО				–3	–3

мере сопоставления субъективных интересов правящей российской и украинской элит.

Соответственно совпадение таких национальных (или государственных) интересов может быть оценено по положительной шкале, например, от +1 до +3, а противоречия — от –1 до –3. Причем, безусловно, существует приоритетность в оценке таких интересов, когда цивилизационные, политические и иные интересы оцениваются выше, чем гуманитарные. Если попытаться заполнить эту матрицу, поставив, например, под определенными «Государство

„А“ — Украину», а «Государство „Б“ — Россию», то получается следующая картина (табл. 3):

Видимо, необходимо разделить различные сценарии развития МО по группам в зависимости от сценариев развития ЧЦ. Как минимум, таких групп может быть три (по аналогии с группами сценариев развития ЧЦ): группа позитивных сценариев развития международной обстановки (ГПСР МО); группа негативных сценариев развития международной обстановки (ГНСР МО) и, наконец, группа нейтральных сценариев развития международной

Табл. 4. Группа сценариев взаимодействия различных субъектов МО
(на примере России и США)

Субъекты МО	США			
	Группы и подгруппы сценариев		настоящее время	до 2030 г. до 2050 г.
Российская Федерация	позитивные (ГПСР МО)	союзные отношения		
		партнёрские отношения		+1
	негативные (ГНСР МО)	враждебные	+3	+1
		откровенно конфронтационных	(+1)	+2
	Нейтральные (ГНСЦР МО)	подгруппа игнорирования		+1
		подгруппа нейтрального взаимодействия		

↙ область вероятных сценариев развития МО

обстановки (ГНСЦР МО). Учитывая, что существует огромное многообразие сценариев развития международной обстановки, три основные группы могут и должны быть разделены на подгруппы, которые в принципе описывают весь основной спектр отношений, существовавший в истории (в данном случае СССР/России и США), — от союзнических в XVIII веке и в 1941–1945 гг. XX века и партнёрских — в 90-х годах XX века до открыто конфронтационных (войны в Корее, Вьетнаме, Кубинский кризис).

Кроме того, с целью повышения точности описания и возможного количественного анализа каждую из этих подгрупп можно ранжировать (например, от 1 до 3), что дает, безусловно, перспективу для дальнейшего анализа и прогноза.

Соответственно по горизонту прогноза и планирования эти группы могут быть отнесены к настоящему времени, периоду до 2030 года и периоду до 2050 годов. Эту систематизацию можно представить (также как и в случае со сценариями развития ЧЦ) в виде простой матрицы применительно к какому-либо субъекту-участнику МО, например, России и США. Причем, эти отношения нужно рассматривать по отдельным направлениям, в данном случае — политическим). В самом общем виде эти отношения будут выглядеть следующим образом (по состоянию на середину 2014 г.) (табл. 4).

Как видно из оценки в матрице политические, отношения России — США рассматри-

ваются в наборе сценариев от «враждебных» (+3), близких к «откровенно конфронтационным», в настоящее время, до «откровенно конфронтационных» к 2030 годам и смягчению до определенной степени до враждебных (+2) до 2050 годам.

Наверное, такой анализ политических отношений не будет полностью совпадать с анализом и прогнозом отношений в военной и стратегической или гуманитарных областях, хотя, вероятно, и будет к ним близок. Для каждой из таких отдельных областей МО требуется своя матрица, определяющая свою группу сценариев. Результирующей будет общая матрица, характеризующая все группы сценариев во всех основных областях — от политики и экономики до экономического и гуманитарного сотрудничества.

Возвращаясь к подгруппам сценариев развития МО в отношениях РФ — США, можно попытаться вычлнить конкретные возможные и вероятные сценарии в этих подгруппах. Так, например, подгруппа «враждебные» сценарии МО в настоящее время представлена, естественно, единственным сценарием развития отношений США и России, который можно назвать сценарием «провоцирования конфликта России с Западом». Этот сценарий должен быть описан в определении противоречий государственных интересов США и России в разных областях (как это показано в начале раздела в «Матрице интересов государств формирующих международную обстановку (МО)»).

Сценарий провоцирования конфликта

Исследуя этот сценарий, можно сделать несколько выводов применительно к последствиям для ВПО:

1. Сценарий, реализуемый в настоящее время США, направлен на осложнение ситуации в мире и в Евразии посредством усиления конфронтации и провоцирования прямых вооруженных противоборств на континенте в его самых различных регионах:
 - Центральной Европе (Украина (ЕС) — Россия);
 - Ближний Восток (Сирия, Израиль, Палестина, Египет);
 - Средний Восток (Иран, Ирак);
 - Центральная Азия (Афганистан);
 - С.-В. Азия (КНДР);
 - Ю.-В. Азия (Китай).
2. России в этих планах отводится важная, но вполне региональная роль — «осложнения отношений» в Европе, включая Северную Европу, посредством провоцирования конфликта на Украине. При этом основной упор США делают политической консолидации вокруг себя максимально широкого круга союзников в форме двух будущих блоков Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерств (ТАП и ТТП), который обеспечит США компенсацию потери неизбежно последующих в будущем влияния и мощи. Политические механизмы подчинения партнеров и союзников становятся главными инструментами сохранения американского влияния. Механизмы реализации — вполне просты и конкретны, но не примитивны. Это, прежде всего, «политическая консолидация» на базе общей системы ценностей. В этом смысле основная проблема России заключается в ее готовности демонстрировать публично и в жесткой форме свой суверенитет и независимую внешнюю политику.
3. Последующее развитие этого сценария предполагает (до 2030 годов) усиление его военно-силовой составляющей и превращения враждебных отношений в Евразии в открыто конфронтационные и вооруженные конфликты. Обострение этих отношений до прямого военного противостояния необходимо США с целью сохранения своих позиций безусловного лидера, который ради этого готов идти на военный конфликт.

Этапы цикла оборонного планирования НАТО согласно новой модели процесса оборонного планирования НАТО (Outline Model for a NATO Defence Planning Process - PO(2009)004)

Рис. 11.³⁹

Объяснение такой политики может быть следующим: до 2030 годов США будет сохранять экономическое, технологическое и военное лидерство, которое неизбежно исчезнет, если США не удастся:

- окончательно подчинить своим интересам Европу. И не только Евросоюз, но и другие страны, включая страны Северной Европы (Норвегию, Швецию, Финляндию) и Южной Европы (Грецию), а также страны Ближнего и Среднего Востока;
 - обеспечить «нейтрализацию» России как самостоятельного цивилизационного и интеграционного центра в Евразии, способного стать альтернативой США;
 - обеспечить противодействия КНР с помощью объединенных сил Запада (Трансатлантического партнерства) и Востока (Транстихоокеанское партнерство);
 - обеспечить благоприятный нейтралитет Индии, Бразилии и других крупных нарождающихся политико-экономических гигантов.
4. В дальнейшем этот сценарий в своем развитии может предусматривать «смягчение» МО по отношению к России к 2050 годам как следствие:
- реализации планов США по сохранению своего лидерства и (в т. ч. устранения опасности со стороны России как одного из мировых центров) и обеспечению контроля над

непосредственными угрозами для стратегических интересов США;

- изменения соотношения сил в мире в пользу США в качестве результатов формирования проамериканских союзов и коалиций;
- как следствие военных конфликтов и войн, в результате которых США добились поставленных целей.

Соответственно степень конфронтационности с Россией до 2050 годов может быть снижена. Теоретически даже до уровня «партнерских» отношений (при безусловном понимании того, что суть такого «партнерства» — подчинение интересам США ослабленной России).

Сценарий «партнерские отношения»

Гипотетически существует возможность развития сценария отношений США и России в границах подгруппы «партнерские отношения» группы позитивных сценариев (ТПСР МО), если развитие этого сценария будет сопровождаться, как минимум, тремя условиями:

- неожиданной и масштабной внешней угрозой;
- возникновением чрезвычайных природных, экономических и иных обстоятельств;
- неожиданными событиями, существенно осложняющими существование США после 2014 года.

Развитие такого, в принципе благоприятного для отношений между Россией и США сценария, теоретически возможно, но, как видно, только в случае возникновения каких-то особых, форс-мажорных, не запланированных обстоятельств, способных постепенно в течение нескольких лет, внести коррективы в стратегию США.

Сценарий «война»

Наконец, возможен и третий сценарий развития отношений США — Россия в краткосрочной и среднесрочной перспективах, способный радикально повлиять на МО в будущем. Этот сценарий может быть назван как «Война с Россией чужими руками».

Среди политиков и экспертов в последние десятилетия сложилось мнение, что такой сценарий развития МО в мире с участием СССР (России) и США нереален, даже невозможен, хотя, как правило, употреблялся более обтекаемый термин — «маловероятен». При этом исходили из посылки, что ядерное равновесие, сложившееся к началу 70-х годов XX века, сдела-

ло неоправданным риском возможные варианты с нулевой суммой.

Между тем, если говорить о реалиях, а не о желаемых последствиях ядерного равновесия, то такой военный конфликт, в т. ч. с применением ядерного оружия, никогда не исключался после достижения стратегического паритета, более того, допускался, планировался, и к нему готовились.

Ситуация радикально изменилась к началу XXI века, когда принцип нарушения стратегического паритета стал достаточно условным, хотя и по-прежнему очень рискованным вариантом военно-стратегической политики. Ведь количество СНВ, систем боевого управления, союзников, систем ВТО и других факторов все более превращало фактор ядерного сдерживания в некую привычку, которую можно при определенных обстоятельствах игнорировать.

Такой сценарий, означает развитие МО в рамках подгруппы «откровенно конфронтационных» сценариев уже в настоящее время ((+ 1) в матрице), что Россию втягивают непосредственно в вооруженный конфликт в Евразии (на Украине, в Сирии, либо другом регионе), где ей будут противостоять не непосредственно США и страны НАТО, а некий «облачный противник», с неизвестным политическим и военным центром реального управления, с неизвестными источниками финансирования и материально-технического обеспечения и не известными до конца политическими целями.

Главной целью реализации такого сценария в период 2014–2020 годов является развал России как единого военно-политического и экономического центра в условиях, когда ядерное противоборство невозможно. Такое военное противоборство переносится соответственно:

- по времени: на период после 2020 года, когда будет создана глобальная ПРО и потенциал ВТО;
- по участникам: когда непосредственное участие США и других стран ЕС рискованно и исключается;
- по средствам: когда вооруженные средства ограничиваются запретом на использование ОМУ, но активно применяются все силовые средства Запада без каких-либо серьезных ограничений.

Безусловно, сохраняются высокие риски прямой военной конфронтации России и США, однако они во многом нивелируются, если:

- США прямо, политически и военно не участвуют в вооруженном конфликте, сохраняют отношения и заявляют о готовности к переговорам;
- если не используется ОМУ, прежде всего ЯО;
- если в военный конфликт вовлечены «неизвестные» политические силы и вооруженные формирования;
- если сохраняются те или иные преимущества в СМИ и средствах коммуникации;
- если существует возможность внутривнутриполитической дестабилизации;
- если существует возможность внешнеполитической изоляции

Наиболее вероятный сценарий

Ко второму десятилетию XXI века в российском экспертном сообществе не сложилось даже относительного единства относительно вероятных сценариев развития ВПО в мире и политики России. Существующий «разброс мнений» означает, что такие сценарии рассматриваются одновременно в самом широком диапазоне — от «благоприятного» сценария развития ВПО до «негативно-конфронтационного».

Действительно, в Тезисах о внешней политике России (2012–2018 гг.), подготовленных в РСМД в 2012 году, например, откровенно заявляется о необходимости прозападного вектора внешней политики «в интересах модернизации»: «Национальные интересы России требуют самого широкого привлечения внешних ресурсов для модернизации на максимально благоприятных условиях. Это означает установление и поддержание стабильно мирных и партнерских отношений со странами, где сосредоточены модернизации. Среди них, главным образом, страны — участники Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Потребности России в инвестициях и технологиях из этих стран будут возрастать на протяжении 2012–2018 гг. независимо от сценариев развития российской экономики»⁴⁰.

Кроме того, в тех же тезисах говорилось о том, что «интеграция с отдельными странами СНГ не является средством решения ключевых проблем России»⁴¹.

Вопросы обеспечения безопасности в этом сценарии, очевидно, рассматриваются в контексте союзнических отношений с США, НАТО и Евросоюзом. При этом, главной задачей российской политики в отношении НАТО должно

стать формирование в евроатлантическом пространстве сообщества безопасности с участием Российской Федерации.

Основными приоритетами на этом направлении на период 2012–2018 гг., по мысли авторов, являются:

- трансформация российско-американских (и российско-западных в целом) отношений в направлении стратегического сотрудничества, достижение договоренности с США/НАТО по ПРО в Европе, учитывающей интересы безопасности России;
- укрепление доверия посредством дальнейшего усиления контроля над вооружениями, договоренности с США по нестратегическим системам — крылатым ракетам и тактическому ядерному оружию в Европе;
- использование отношений Россия — НАТО для модернизации системы внешней безопасности Российской Федерации⁴².

Соответственно, исходя из этих приоритетов, предлагаются и военно-политические приоритеты и основные направления российской военной политики на долгосрочную перспективу. В частности заведующий отделом ИМЭМО РАН А. Загорский предлагает, например, ликвидацию всех баллистических ракет наземного базирования (МБР) и ряд других сомнительных мер в области вооружений⁴³.

Существуют и прямо противоположные, полярные прогнозы и предложения, в частности, ссылки на официальных руководителей Генштаба ВС РФ, полагающих неизбежность войны между Россией и США. Примечательно, что тот же РСМД, возглавляемый бывшим министром иностранных дел РФ И. Ивановым, буквально через два дня после публикации оценок А. Загорского, предложил статью другого своего эксперта — Валерия Алексеева, утверждавшего о «неизбежности войны» между Россией и США в ближайшие 10–15 лет.

Условия этого предполагаемого военного столкновения, определенные Алексеевым, следующие:

- военный конфликт между США и РФ проходит в некоем далеком от центра периферийном районе;
- столкновение между США и РФ опосредовано некоей третьей силой, выступающей на стороне американцев, т.е. военный конфликт РФ и США имеет непрямой характер. Последнее обстоятельство не исключает

вступления США в военные действия на заключительной фазе;

- военные действия будут вестись с использованием обычных вооружений, что, впрочем, не исключает возможность в какой-то момент конфликта ограниченного применения ядерного оружия.

Война, как известно по классическому определению, является продолжением политики иными средствами, поэтому каждый из участников преследует в конфликте собственные цели. США — создание условий для дестабилизации РФ и изменения мирового порядка, являющегося в настоящее время продолжением Ялтинско-Потсдамской системы. Россия — легитимации в глазах населения общественной системы, возникшей после 1991 года, и продолжение диалога с США на базе собственных интересов. Выступление третьего участника конфликта на стороне США не исключает того, что он преследует в нем собственные интересы. Таким образом, очевидно, что для модели гипотетического будущего военного конфликта эксперт РСМД использовал пятидневную войну РФ с Грузией в августе 2008 года, которая, на самом деле, была непрямым военным конфликтом США и РФ. В отличие от событий 2008 года, Алексеев полагает, что новый военный конфликт РФ и США будет более продолжительным по времени и более кровопролитным. Возможный военный конфликт между РФ и США не перерастет в тотальную войну. Однако он может привести к таким результатам, что каждая из участвующих в конфликте сторон объявит его результаты своей победой⁴⁴.

Далее Алексеев «перечисляет возможные сценарии военного конфликта: „третья русско-японская война“, „арктическая война“, „дальневосточная война“ и т. д.» Здесь надо сразу заметить, что автор рассматриваемой статьи выводит за скобки военного конфликта кризисные точки в СНГ. Он полагает, что «столкновение российских и американских вооруженных сил теоретически возможно в таких конфликтных точках СНГ, как Крым, Черное море, Закавказье. Однако подобный конфликт не позволит ни Москве, ни Вашингтону решить глубинные политические задачи. Для России победа в нем будет выглядеть слишком очевидной, а для США — поставит вопрос об эскалации». Очевидно, что «пятидневная война» 2008 года подвела черту под возможностью военных авантюр подобного рода. Алексеев пишет, что «наиболее

реалистичным полигоном теоретически выступают: волнения в Белоруссии, вызванные возможным ее выходом из Союзного государства», но почему-то умалчивает о конфликтном потенциале Украины. Означенные сценарии не дают «третьего заинтересованного», который выступит инициатором подобного рода конфликта со стороны США. Не рассматривать же в качестве такового Польшу? Поэтому сомнительна эскалация военного конфликта вокруг Калининградской области из-за предъявления территориальных претензий на нее со стороны Польши или Германии, либо появления в ней сепаратистских настроений, которые будут подержаны ЕС. Алексеев пишет о конфликтном потенциале проблемы статуса русскоязычного населения в Эстонии и Латвии. Однако в этой ситуации инициатива конфликта должна опять же исходить от прибалтов.

Проблематичен предлагаемый Алексеевым и сценарий Тихоокеанского конфликта США и России, поскольку в нем отсутствует «третий заинтересованный». Конфликт в означенном варианте примет характер прямого столкновения США и РФ. В этом своем качестве он не отвечает базовым условиям гипотетического столкновения. «Дополнительным источником конфликта может послужить поддержка американцами сепаратистских тенденций на Дальнем Востоке», — полагает при рассмотрении подобного варианта Алексеев. Но, где эти дальневосточные сепаратисты, спросим мы, при рассмотрении подобного варианта? Реальные сепаратистские движения на окраинах России могут проявиться лишь в ситуации ослабления центра — в таком состоянии, когда он точно не сможет вести внешние войны.

Также сомнителен предлагаемый Алексеевым сценарий «Арктической войны». Эксперт РСМД полагает, что «третьим заинтересованным» в ней могла бы выступить Канада. «Между Россией и Канадой сохраняется конфликт за статус Северного полюса. Для России выдавливание небольших канадских групп из российского сектора (возможно, после напряженного воздушного боя) будет выглядеть как „выстраданная победа“, — пишет эксперт РСМД. Подобный вариант, по крайней мере, смешон. Потенциальным враждебным России «канадским группам» негде закрепиться в Арктике, разве что на дрейфующих льдах. Для подобного рода конфликта в Арктике нет каких-либо спорных островных территорий.

Из всех рассмотренных и, как полагаем мы, нереальных сценариев остается один, достаточно проработанный экспертом вариант. Алексеев полагает, что идеальным полигоном для военного столкновения РФ и США выступает российско-японский территориальный спор. Для России Япония является сильным противником, обладающим, если не равенством, то даже превосходством в надводном флоте на Тихоокеанском театре военных действий. Однако фактор российской авиации, особенно стратегического назначения, делает конечную победу Москвы несомненной, полагает эксперт РСМД. В означенном конфликте представлен и «третий заинтересованный». В самой Японии есть силы, которые могут быть заинтересованы в поражении своей страны для ликвидации зависимости от США и обретения полноправного суверенитета и создания полноценных вооруженных сил. При наличии у Вашингтона и Токио союзного договора 1960 года, русско-японская война будет выглядеть как проявление слабости США, если они в войну не вступят. Для Соединенных Штатов конфликт может также сыграть позитивную роль»⁴⁵.

Между тем представляется, что наиболее вероятным сценарием развития ВПО в мире будет сценарий, когда условия формирования мировой ВПО будут определяться не только США и Россией, но и другими, порой более важными обстоятельствами. Целесообразно привести некоторые из них, полагая, что отношения «Россия — США» и сценарии их развития, обозначенные в указанной выше матрице сценариев, во многом будут предопределяться факторами иного «более высокого», цивилизационного порядка.

В частности, основной и наиболее вероятный сценарий развития ВПО в мире и его составная часть — военно-политические отношения — будут зависеть от развития следующих факторов.

Во-первых, способности США реализовать свою стратегию создания подконтрольных сообществ — Трансатлантического партнерства (ТАП) и Транстихоокеанского партнерства (ТТП), — которые смогут обеспечить сохранение в будущем американского мирового лидерства.

Очевидно, в т. ч. и для США, что сохранение «контрольного пакета» управления в мире будет возможно только в том случае, если США смогут мобилизовать и повысить эффективность своего

сотрудничества как с традиционными союзниками, так и новыми партнерами.

Во-вторых, будущая ВПО в мире будет зависеть от того, насколько успешным будет не только опережающее развитие новых центров силы, но и их способность превратиться в «центры консолидации». В частности, речь идет о том, насколько быстро и эффективно будут развиваться такие новые центры силы как БРИКС, ШОС, АСЕАН и др. Очевидно, например, что превращение БРИКСа из «клуба по интересам» в политический и финансовый союз, которое намечалось летом 2014 года, будет означать возникновение серьезного политического и экономического противовеса США и создаваемому поясу из двух партнерств — ТТП и ТАП.

В-третьих, в значительной степени влияние на формирование будущей ВПО в мире окажет возможность создания по сути нового военно-политического центра силы на базе ОДКБ и Евразийского союза. Если допустить, что в него войдут (кроме Казахстана, Белоруссии, России, Армении и Киргизии) другие государства, в частности те, 20 стран, которые заявили о готовности участвовать в ТС, то это, безусловно, будет означать, что в мире появился новый политический, экономический и военный центр силы.

В-четвертых, большое значение будет иметь усиление КНР и трансформация его военно-политической доктрины, в частности, с точки зрения превращения его в активного субъекта мировой ВПО. Китай, как известно, отказался принимать американские правила игры, например, на переговорах по климатическим изменениям, интеллектуальной собственности. Несмотря на обвинения в валютных манипуляциях, которые выдвигаются против КНР в США в связи огромным торговым дисбалансом между двумя странами, Пекин пошел лишь на незначительные уступки и не согласился на ревалюацию юаня.

Как констатировал Роберт Зеллик, «Китай оказался недовольным акционером». Пекин отказался сотрудничать на условиях Вашингтона, утверждает известный американский политический аналитик Фарид Закария.

Новый руководитель КНР Си Цзиньпин на заседании Всекитайского собрания народных представителей провозгласил: «Нам необходимо умножать свои силы и неуклонно идти вперед для того, чтобы в дальнейшем продвигать вперед социализм с китайской спецификой».

и бороться за достижение „китайской мечты“ о великом возрождении китайской нации». Председатель КНР напомнил о 170 годах, прошедших со времени первой Опиумной войны (1839–1842), о всей пятитысячелетней истории китайской цивилизации. «Китайская нация — это нация, обладающая беспрецедентной созидательной силой», — подчеркнул Си Цзиньпин. Он заявил, что Вооружённые силы КНР должны находиться «в полной боевой готовности для обеспечения победы в любой войне».

Как утверждают некоторые американские эксперты, «Пекин считает, что США являются одновременно и величайшей угрозой национальной безопасности Китая, и приходящей в упадок державой». «Китай намерен стать величайшей державой мира и быть признанным как Китай, а не как почетный член западного сообщества», — заявил бывший премьер-министр Сингапура Ли КуанЮ⁴⁶.

Наконец, **в-пятых**, существует множество иных глобальных трендов — научно-технических, финансовых, цивилизационных и др., — которые будут влиять на формирование наиболее вероятного сценария развития ВПО.

Само существование этих внешних по отношению к США и РФ факторов, их потенциальное влияние и направленность свидетельствует о том, что наиболее вероятный будущий сценарий ВПО будет развиваться при постоянно усиливающемся воздействии с их стороны. Сказанное означает, что относительное значение собственной политики США в мире будет уменьшаться под воздействием этих факторов, а способность США влиять на их эволюцию посредством международных инструментов, в частности, созданием ТАП и ТТП, может оказаться решающей.

Сказанное означает, что будущий сценарий развития ВПО в мире во все возрастающей степени будет определяться **внешними факторами**, прежде всего, коалиционным потенциалом ключевых геополитических игроков — **способностью ведущих государств объединить вокруг себя другие страны**, создать новые политические союзы и военно-политические коалиции. По сути дела это означает, что набор сценариев развития ВПО будет во многом идентичен **набору сценариев возможных военно-политических коалиций**. Их число теоретически достаточно ограничено, а практически в будущем будет еще меньше.

Теоретически возможные сценарии военно-политических коалиций

1. **США** — НАТО — ТАП — ТТП.
2. **КНР** — страны ЦА, АСЕАН, Ближнего и Среднего Востока, Африки и Л. Америки.
3. **БРИКС** — (возможно в расширенном составе), как политический, экономический и иной союз.
4. **«Исламский халифат»** — как союз большинства мусульманских государств и организаций.

Нетрудно обнаружить, что (за исключением БРИКС) политическая вероятность таких коалиций совпадает во многом с их цивилизационной идентичностью, что также означает, что в эволюции военно-политической обстановки цивилизационные и гуманитарные факторы будут приобретать все возрастающее значение.

Таким образом, рассматривая возможность реализации нескольких сценариев (в данном случае развития отношений между Россией и США и их влиянием на формирование МО), мы констатируем, что:

- существует большое количество возможных и вероятных сценариев развития МО в мире, когда участвуют все основные субъекты МО и влияют основные тренды мирового развития. Их анализ и прогноз необходимы для того, чтобы не ограничиваться только несколькими группами факторов. Количество сценариев и их вероятность определяется как количеством участников МО, так и системой взаимоотношений между ними;
- основные тенденции в развитии МО определяются тенденциями в развитии ЧЦ, которые предопределяют границы, вероятность и характер сценариев развития МО, детерминируют тенденции мирового развития, значение и роль основных участников МО;
- существует достаточно ограниченное количество групп и подгрупп сценариев развития МО, определяемых на основе современного анализа МО, политики и потенциалов отдельных государств, основными национальными интересами и мотивами поведения правящих элит;
- анализ существующих сценариев развития позволяет сделать их вероятностный прогноз, существенно ограничив количество их вариантов на среднесрочную и долгосрочную перспективу;

- смена мировых парадигм развития, соотношения сил и политик отдельных субъектов МО может вести к изменениям в сценариях развития МО в существенной их части, превращения бывших врагов в союзников и наоборот, в зависимости от совпадения (или несовпадения) основных групп интересов к тому периоду времени.

Анализ и стратегический прогноз сценариев развития МО дает серьезные основания для анализа и прогноза отдельной составной части МО — военно-политической обстановки (ВПО), которая, с одной стороны, является одной лишь частью МО, но с другой, проникает во все другие области МО — политику, экономику, гуманитарные отношения между этносами, нациями и государствами.

4.4. Долгосрочные сценарии развития военно-политической обстановки

Вассалы Франции искусно поставлены в положение белки, долженствующей вертеть колесо милитаризма⁴⁷.

*А. Свечин,
военный теоретик*

На основе данного документа («Основы политики Российской Федерации в области развития оборонно-промышленного комплекса на период до 2020 года и дальнейшую перспективу») и с учетом финансовых возможностей страны разрабатывается национальная программа развития ОПК...⁴⁸.

*Б. Кузык, В. Кушлин, Ю. Яковец,
эксперты*

Как уже говорилось выше, существующие будущие сценарии развития ВПО являются логическим следствием развития сценариев МО, их естественной, составной частью.

Это означает, во-первых, что анализ существующих сценариев развития ВПО в мире и их прогноз на период до 2030 и 2050 годов предполагает изначально попытку систематизации таких сценариев (по аналогии с систематизацией сценариев по группам и подгруппам МО), в силу их огромного вероятного количества.

Во-вторых, необходима логическая привязка различных сценариев ВПО с прогнозными сценариями развития международной обстановки. Надо отчетливо понимать, что не только развитие ВПО и СО, но и во многом вся военная политика ведущих государств формируется под прямым влиянием МО (и развитием основных трендов МО), в результате чего и выстраивается полноценная система внешнеполитических и военных угроз⁴⁹.

Западные политики, военные и эксперты также исходят из этой последовательности, описывая ее, например, следующим образом (рис. 12)⁵⁰.

В этой связи целесообразно выделить возможные и вероятные сценарии развития ВПО

из соответствующих сценариев развития МО, о которых говорилось выше, объединив их также в соответствующие группы и подгруппы по аналогии с соответствующими группами сценариев развития МО. Для того, чтобы избежать чрезмерной детализации и сохранить логику исследования предлагается (также как и в случае с анализом сценариев МО) рассмотреть отношения двух основных субъектов ВПО — России и США. Также как и в прежней матрице попытаемся количественно оценить вероятность развития таких возможных сценариев ВПО от 0 до +3 (табл. 5).

Как видно из расположения сценариев развития ВПО, они являются следствием и производными от соответствующих сценариев развития МО. Вместе с тем они отличаются определенными особенностями, а именно: в сценариях ВПО минимизирована доля сотрудничества и ее роль в отношениях между государствами и, наоборот, более четко и выпукло представлены варианты соперничества и противоборства. Хотя, если речь идет о некоторых областях сотрудничества (назовем их «избранными»), то эти области могут существовать параллельно с развитием конфронтационных сценариев.

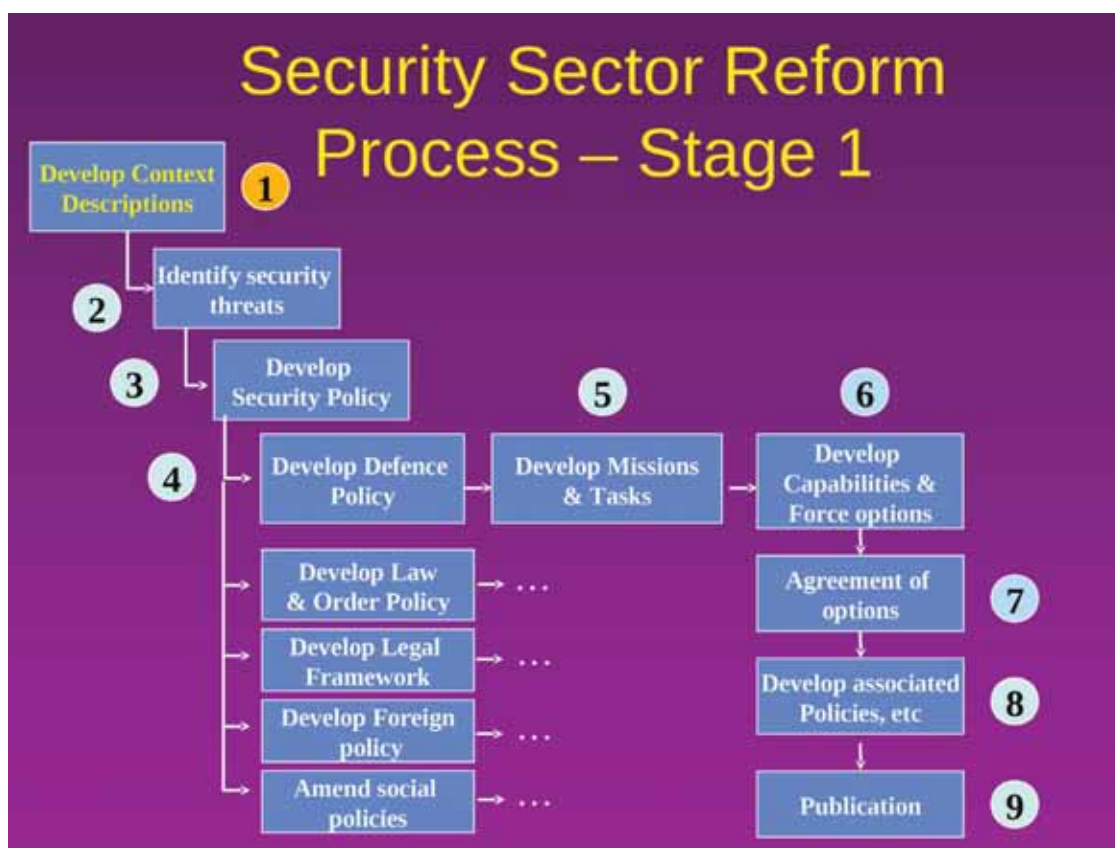

Рис. 12.

Такая «совместимость» — не удивительна. Достаточно вспомнить, что накануне Великой Отечественной войны, буквально за день до ее начала, не прекращались взаимные поставки сырья и техники Германии и СССР.

Как видно из матрицы, формализующей основные группы и подгруппы развития сценариев ВПО, область таких сценариев сосредоточена между «минимальными партнерскими отношениями» (+1) и «максимально враждебными» сценариями в 2014 году с устойчивой тенденцией к ухудшению.

Также как в случае с группами и подгруппами различных вариантов развития МО, вероятные сценарии достаточно определенно выделяются из числа возможных сценариев в отдельную область, границы которой вполне обозначены по времени и по характеру военно-политических отношений. Если говорить коротко, то:

- остается минимальная возможность сотрудничества в некоторых областях, где сохраняется пока что взаимный интерес, который, однако, достаточно быстро **сокращается**, а именно:
 - региональные конфликты;
 - ограничения ОМУ;

- сокращения ЯО;
- международный терроризм.

— одновременно расширяется пространство конфликтности и соперничества. Эта тенденция будет определять военно-политические отношения РФ и США в ближайшие годы и в более отдаленной перспективе. Ситуация может измениться после 2030 годов, когда реальностью станет неизбежное растущее противоборство новых центров силы с монополией на власть США.

Под таким углом зрения можно рассмотреть некоторые вероятные сценарии развития ВПО, выделив их из некоего практического множества потенциально возможных сценариев развития ВПО.

Наконец, необходимо помнить и то, что развитие СО также имеет определенное влияние на выбор и развитие сценариев ВПО. В военной истории бывали примеры того, как неожиданная и быстрая военная победа коренным образом меняла военно-политическую обстановку. Тем более, это влияние станет заметнее в будущем, когда будут использоваться качественно новые ВиВТ и способы их применения. Речь может идти, например, об использовании сил природы,

Табл. 5. Группы и подгруппы сценариев развития ВПО, вытекающие из соответствующих групп и подгрупп сценариев развития МО(на примере России и США)

Субъекты сценариев МО и ВПО (США и РФ)	Соединенные Штаты Америки					
	Группы и подгруппы сценариев МО		Группы и подгруппы сценариев развития ВПО	настоящее время	прогноз до 2030 г.	прогноз до 2050 г.
Российская Федерация	Группа позитивных сценариев развития МО (ГПСР МО)	союзнические отношения	Сценарий формирования военно-политического союза Сценарий создания политической коалиции			
		партнерские отношения	Сценарий военно-политического сотрудничества в мире и в отдельных регионах			
	Группа негативных сценариев развития МО (ГНСР МО)	враждебные сценарии	Сценарий формирования враждебной коалиции Сценарий геополитической военной изоляции и инфраструктур	+3		+3
		откровенно конфронтационные	Сценарий создания «облачного противника в СНГ» Сценарий военной провокации в СНГ		+3	область вероятных сценариев развития МО
	Группа нейтральных сценариев развития МО (ГНСЦР МО)	подгруппа сценариев игнорирования	Сценарий фактической военно-политической изоляции			
		подгруппа сценариев изолирования	Сценарий противодействия любой активности РФ в ВТС и военно-политической области			

в частности, определенные типы климатического оружия. Эти способы пока что рассматривались только как гипотетические (например, идея А. Сахарова об искусственных цунами), однако, в рамках инновационного развития шестого технологического уклада и по мере развития и обострения ВПО в мире реализуемость таких идей будет повышаться. В частности, авторы одной из работ следующим образом видят эту картину⁵¹ (рис. 13).

Таким образом последовательное развитие ВПО, вытекающее из закономерностей разви-

тия ЧЦ, МО, а также изменения в возможных сценариях СО позволяют в целом создать некоторые логические модели сценариев будущей ВПО и СО, которые можно использовать в целях стратегического прогноза и планирования в военно-политической области. Частные — военно-политические и иные — сценарии могут в определенной степени иллюстрировать логику и закономерности формирования будущих ВПО и СО. Что уже само по себе не мало, так как дает некоторые ориентиры для будущей военной политики.

Рис. 13.

Сценарий «общесовременного благополучия»

Сценарий «общесовременного благополучия» — возможный, но наименее вероятный из возможных сценариев развития человеческой цивилизации, МО и, как следствие, — ВПО. Его полностью исключать нельзя, так как неожиданные события и повороты в развитии ЧЦ могут привести к резкому изменению парадигмы человеческого сосуществования. Так, во второй половине 40-х годов XX века достаточно неожиданно для многих была создана и начала функционировать принципиально новая система международных отношений, которая основывалась на системе договоренностей держав — победителей и на учрежденной в этих целях ООН.

До этого такие попытки (неудачные) предпринимались накануне Первой Мировой войны и при создании Лиги наций.

Соответствующий сценарий развития ВПО в настоящее время предполагает, что:

- США откажутся от претензий на мировое лидерство и абсолютную справедливость свои действий (что совершенно противоречит, например, основным тезисам стратегического выступления Б. Обамы в мае 2014 в Вест-Пойнте);
- США согласятся на принципы равной безопасности и уважения суверенитета;
- США согласятся на равное отношение к разным системам ценностей, различным моделям национальных интересов;
- США откажутся от формирования наступательных военно-политических коалиций и т. д.

Очевидно, что подобных действий США никогда не предпримут и от них этого, по большому счету, никто и не ждет.

4.5. Сценарий развития евразийской системы безопасности

В качестве наиболее существенного риска ... в Moody's называют «геополитическую поляризацию» в регионе: Армения, Белоруссия и Казахстан сохраняют тесные связи с Россией, тогда как Грузия, Молдавия и Украина все активнее сотрудничает с Евросоюзом⁵².

Т. Едовина

В дипломатии наступательная инициатива ... лучший способ защиты государственных интересов⁵³.

*А. Громыко,
министр иностранных дел СССР*

Любая система безопасности — мировая, региональная, национальная — имеет, прежде всего, пространственно-геополитическое измерение. Даже расширение воздушно-космического пространства до глобального ТВД не отменяет этой характеристики потому, что конечные объекты безопасности и субъекты ВПО расположены на поверхности земли и воды.

Геополитика, география и внешняя торговля, которая по темпам развития будет опережать темпы роста ВВП, неизбежно будут предопределять и развитие международных военно-политических отношений.

Эту закономерность не отменяет даже то обстоятельство, что имели место мировые (глобальные) войны, а в послевоенный период некоторые государства и блоки пытались заявить о своей «глобальной ответственности». И в случаях мировых войн, и в процесс строительства военных организаций в относительно мирные

периоды всегда сохранялся главный, основной потенциальный ТВД, от результатов военных действий на котором зависел исход войны и военное планирование. В ходе Первой и Второй Мировых войн таким ТВД была западная часть Евразии — Европа, хотя военные действия шли и на Тихоокеанском ТВД, и в Африке, и в Азии. Более того, есть основания полагать, что численность погибших, во время Второй Мировой войны в Азии могла быть сопоставима с военными потерями в Европе, но это отнюдь не отменяет вывода о решающем значении ТВД именно в Европе.

В настоящее время, а тем более в долгосрочной перспективе 30–50 лет, есть все основания полагать, что главным и решающим ТВД станет Евразия, причем, как и во времени Крымской войны, Первой и Второй Мировых войн, военные действия охватят все части Евразии и прилегающих акваторий, включая Арктику.

Рис. 14.⁵⁴

В этой связи любой стратегический прогноз и планирования должны начинаться с геополитического анализа и перспектив развития ВПО в Евразии.

Стратегическое военное прогнозирование и стратегическое военное планирование в России должны исходить из того очевидного факта, что военно-политическая обстановка (ВПО) всегда является составным компонентом будущей международной обстановки (МО), и следствием сложившейся к тому времени системы международной и региональной безопасности.

При этом надо исходить из того, что в настоящее время:

- не существует всеобъемлющей системы европейской и евразийской безопасности «для всех», а реально существующая коллективная система — Североатлантическая — направлена на обеспечение интересов только определенной части государств;
- маловероятно, учитывая позицию Запада, что удастся сложить единую и справедливую систему безопасности в Евразии «от Лиссабона до Владивостока»;
- существует возможность создания «большой системы безопасности» в Азии, либо с участием КНР и России, либо отдельных региональных подсистем безопасности. В мае 2014 года тенденции были таковы, что потенциальная возможность создания системы безопасности в Азии, в основе которой лежали бы отношения КНР и России, выглядели вполне реальными. В Азии необходимо создать новую архитектуру безопасности при участии России, заявил председатель КНР Си Цзиньпин на пленарном заседании Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии СВМДА, который проходил во время визита и при участии президента РФ Владимира Путина. В своем выступлении лидер КНР, в частности, констатировал, что, «несмотря на растущие угрозы и вызовы, Азия остается перспективным и динамичным регионом».

Си Цзиньпин подчеркнул, что «безопасность должна быть универсальной», и пояснил, что безопасность одних стран не может обеспечиваться за счет безопасности других. «Споры нужно решать только мирными средствами, исключая возможность применения силы или угрозы ее применения», — подчеркнул председатель КНР.

Он добавил, что Совещание заинтересовано также в развитии отношений в сфере экономики и экологии. «Народы Азии испытывают сильное чаяние к международному миру и стабильности», — подытожил Си Цзиньпин⁵⁵.

Ко второму десятилетию XXI века в мире сохранилась единственная реальная военная система безопасности, основанная на общей системе ценностей и национальных интересов, совокупной военной мощи западных государств, в основе которой лежит система военно-политических союзов, коалиций и договоренностей с США. Это — простая констатация факта, признание того, что ни нарождающиеся новые центры силы — Китай, Индия, Россия, Бразилия, — ни существующие системы международной и региональной безопасности не могут пока что стать реальными альтернативами сложившейся системе обеспечения безопасности под эгидой США. Как, необходима признать и то, что США и большинство их союзников такая ситуация абсолютно устраивает и они не планируют изменение такой парадигмы безопасности «для избранных», основанной в XX веке.

Именно этим объясняется нежелание США и их союзников развивать прежние международные институты (ООН, ОБСЕ и др.) и создавать новые институты международной и региональной безопасности, которые могут стать альтернативой уже существующей под эгидой США системам.

И, наоборот, отчетливо прослеживается стремление Вашингтона не только укрепить контролируемую им систему безопасности, но и расширить ее возможности за счет увеличения функций, вовлечения новых членов и укрепления обязательств. Отчетливо стал проявляться т. н. тренд «геополитической поляризации», обозначенный еще в XX веке З. Бжезинским. Если во времена «холодной войны» расхождения между государствами и коалициями трактовались как идеологические и ценностные, то в XXI веке, когда идеологические и ценностные противоречия отошли на второй план, отчетливо проявилась другая, подлинная сущность — геополитическая, — когда идеологические, ценностные и даже экономические противоречия становятся лишь аргументами, «отблесками» более глубоких, геополитических противоречий господства и контроля. По этому поводу директор Института региональных проблем Н. Миронов справедливо заметил: «„Черно-белая“ шахмат-

ная (по Бжезинскому) картина мира ничего общего не имеет с идеологией либерализма и его базовыми принципами: правового государства, представительной демократии, политического плюрализма, конституционного устройства власти на основе диалоговых, парламентских форм выработки решений. Защита свободы и конституции в устах апологетов украинских и критиков российских реформ — это всего лишь ширма, прикрытие и обоснование конъюнктурных политических интересов»⁵⁶.

Таким образом следует признать (и события 2008 года в Грузии и 2014 года в Украине это подтвердили), что во втором десятилетии XXI века в мире продолжала существовать **единственная полноценная система обеспечения безопасности для определенного круга государств во главе с США**, объединенных единой системой геополитических интересов доминирования, маскируемых защитой либеральных ценностей, совпадением экономических и иных интересов. Эта система безопасности объективно не заинтересована в появлении новой всеобъемлющей системы безопасности, которая могла бы стать альтернативной. Более того, эта традиционная западная система препятствует малейшему движению в этом направлении.

Известно, что важнейшим условием, определяющим стратегическое военное планирование на долгосрочную перспективу, является прогноз будущей военно-политической обстановки (ВПО) в мире⁵⁷ вытекающий из прогноза геополитической обстановки. В этом смысле можно констатировать, что в начале XXI века начался процесс геополитической поляризации, который характеризуется не только появлением и усилением новых центров силы в мире, но и нарастанием между этими центрами силы мощных геополитических противоречий. В таких условиях преобладающими становятся тенденции консолидации вокруг этих центров силы других государств и организаций, формирование новых и развитие существующих коалиций.

Естественно, что эти тенденции идут открыто в противоречие с усилиями по созданию всеобщей или региональной системы безопасности, заведомо, как это было с инициативой России по созданию европейской системы безопасности, обесценивая все предпринимаемые усилия.

Такой военно-политической контекст современной международной и военно-полити-

ческой обстановки (МО и ВПО) дополняется радикальными изменениями в ВиВТ, а также способах их использования (военном искусстве). Прежде всего, речь идет о том, что резкое усиление военно-политического значения систем ПРО и ПВО в конце XX века привело к тому, что само представление о безопасности и мерах ее обеспечения в мире, регионах и отдельных странах стало стремительно меняться. Так, глобализация привела к тому, что 60–70 процентов торгового оборота (поставок сырья, промежуточных продуктов переработки, средств производства, транспорта, реализации и т. д.) формируется за счет глобальных промышленных цепочек⁵⁸. В некоторых отраслях России, например, фармацевтике, эта доля достигает 80 % и изменить ее быстро невозможно. Возникает ситуация импортной зависимости и взаимозависимости, которая в политическом и военном плане выгодна тем странам — лидерам, которые создают и управляют этими «производственно-транспортными цепочками» и в наименьшей степени от них зависят. Очевидный и яркий пример в ходе политического конфликта на Украине — отказ банковских систем «VISA» и «MasterCard», где доля российских клиентов не достигала 5 %.

В растущем геополитическом противостоянии безопасность государств уже не может быть обеспечена только традиционными военно-политическими средствами. Логика такова: наряду со средствами вооруженной борьбы (которые будут продолжать модернизироваться) и созданием качественно новых видов и систем ВиВТ, появляются силовые (но не военные) средства противодействия. Речь идет, прежде всего, о том, что сами средства обеспечения безопасности в XXI веке стремительно меняются, во-первых, и появляются новые, во-вторых. Происходит очевидный процесс выделения невоенных средств ведения силовых действий — прежде всего информационно-пропагандистских, гуманитарных, культурно-образовательных, сетевых, организационных, политико-дипломатических, экономических, финансовых и пр. — которые становятся главными инструментами обеспечения или дезинтеграции национальной безопасности.

В это же время происходит дальнейшая диверсификация традиционных и новых средств вооруженной борьбы, среди которых выделяются в качестве ведущих такие, как силы для

Рис. 15.

специальных операций, «частные армии», гражданские вооруженные формирования и т. д.

Отдельно следует сказать о появлении и стремительно растущем значении высокоточного оружия и средств воздушно-космической обороны (ВТО и ВКО), которые должны обеспечить «силовой фон» для применения силовых и вооруженных невоенных акций. Без гарантированного «прикрытия» с воздуха применение любых силовых средств — как вооруженных, так и гражданских — бессмысленно. Эти же средства нападения и обороны способны гарантировать достижения политических целей конфликта на стадиях, когда они еще не переходят в масштабные вооруженные операции. Таким образом, в XXI веке способность обеспечения национальной безопасности и суверенитета государств зависит от двух основных силовых средств: невоенных и собственно военных, среди которых выделяются отдельные способы и средства, которые можно изобразить на следующей логической схеме (рис. 15).

Если говорить коротко, то суть этих изменений свелась к возникновению во многом тождественности между понятием «безопасность» (которое в XX веке несло преимущественно политическую нагрузку) и способностью гарантировать, например, эффективную ВКО.

Такое же тождество, по сути, возникло и между понятием «суверенитет государства»

и «эффективная ВКО». События в Югославии, Афганистане, Ираке и Ливии продемонстрировали наглядно, что политические цели войны достигались преимущественно при помощи применения высокоточных систем оружия, которые поражали в приоритетном порядке:

- цели политического руководства и административного управления;
- средства ПВО и военного управления;
- средства, обеспечивающие коммуникацию, связь и распространение информации, включая СМИ;
- собственно военные цели и объекты промышленности.

Таким образом, возникла тесная взаимосвязь между способностью обеспечить военную безопасность от воздушно-космического нападения с понятием «национальный суверенитет» и региональной и международной безопасностью. Система международной или региональной безопасности, которая не гарантирует защиты от воздушно-космического нападения (т. е. высокой степени военно-политической интеграции ВС и военно-политического руководства), стала в XXI веке простой фикцией. Это наглядно проявилось в ходе воздушно-космических операций против Югославии, Афганистана, Ирака и Ливии, которые входили в систему международной безопасности под эгидой ООН, Лигой арабских государств и др. организаций.

4.6. Сценарий геополитической поляризации

Центристы (В. Путин) апеллируют к идее национального развития но не способны сформулировать последовательную концепцию или стратегию для воплощения в жизнь этой идеи⁵⁹.

*Р. Саква,
английский политолог*

... События последних двух десятилетий и задачи созидания новой России поставили наше общество перед необходимостью определения новой российской идентичности⁶⁰.

*А. Торкунов,
профессор МГИМО(У)*

Сценарий геополитической военно-политической поляризации является одним из вариантов негативного развития международной обстановки (МО). Он является составной частью процесса развития негативного геополитического сценария, предусматривающего консолидацию ресурсов союзников и партнеров США в глобальном масштабе, но, прежде всего, в рамках Трансатлантического (ТАП) и Транстихоокеанского (ТТП) партнерств.

Если говорить о Европе, то этот процесс объясняется относительным игнорированием со стороны некоторых стран-членов НАТО общих потребностей блока в последние годы. Это хорошо видно на примере изменения относительной доли ведущих стран НАТО в общих объемах военных расходов (рис. 16).

Эта тенденция увеличения доли США в военных расходах объективно противоречат двум другим трендам — падению доли ВВП США

Диспропорции расходов на оборону стран-членов НАТО
2007

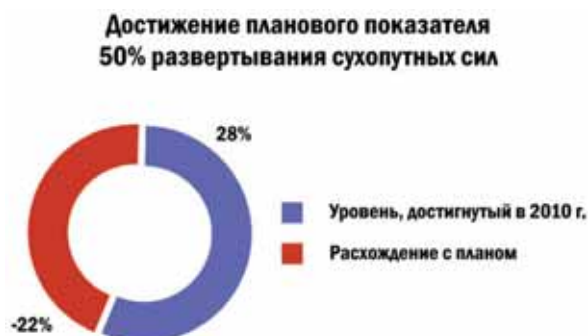
2012

Рис. 16.⁶¹

в мире и относительному сокращению их военных расходов в последние 2–3 года (которые последовали после сверхбыстрого, почти на 100 % роста военного бюджета США в начале XXI века).

Соответственно эта динамика не может не сказаться на росте боевой эффективности НАТО, которому в США придают огромное значение. По существу, происходит отставание от выполнения «плановых» показателей, что хорошо видно на следующей диаграмме.

Сценарий усиления геополитической поляризации, частным вариантом которого является военно-политическая поляризация, становится в начале XXI века одним из доминирующих сценариев развития ВПО в мире. Он, в частности, предполагает, что:

- роль международных организаций и авторитет международного права существенно слабеют;
- возрастает значение военно-политических и иных коалиций и союзов, включая региональные ассоциации и объединения, а также согласованных их действий в разных областях;
- происходит постепенная кристаллизация участников МО вокруг определенных центров силы, представляющих противоборствующие тенденции
- постепенно ослабевает тенденция односторонних военных и военно-политических действий отдельных субъектов — государств, организаций, уступающих постепенно место согласованным действиям групп государств.

Так, вооруженный конфликт в Украине в первой половине 2014 года в полной мере продемонстрировал наличие этих тенденций:

- ослабление роли ООН, ОБСЕ и других организаций (ИКАО, ЮНЕСКО и т. д.);
- возрастание роли НАТО, ЕС, «шестерки» и двусторонних отношений США, в т. ч. в информационной, экономической и др. деятельности;

- консолидация позиций западных стран вокруг позиции США;
- снижение активности односторонних действий.

Более того, если судить о характере военной активности участников ВПО в начале XXI века, то эти тенденции полностью подтверждаются. В частности, если в 2002 году численность односторонних акций существенно (на 40 %) превышала численность международных конфликтов, то в 2012 году, наоборот. Увеличилось и количество акций, предпринимаемых негосударственными игроками (как правило, по инициативе враждебных государств). Это хорошо видно из статистики, подготовленной СИПРИ.

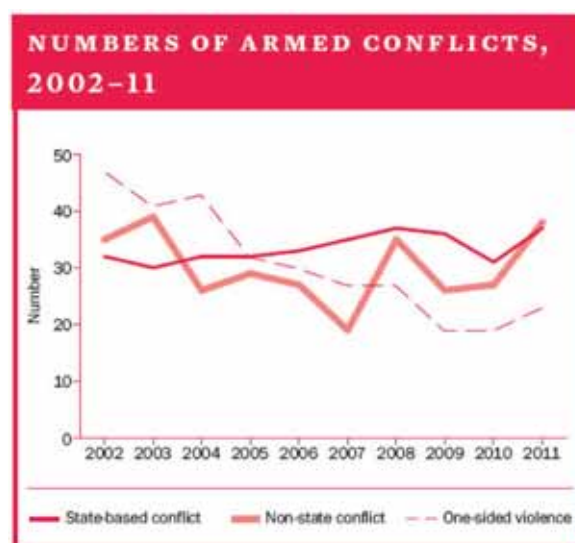

Рис. 17.⁶²

Эти существенные изменения коренным образом повлияли на состояние и перспективы международной и региональной безопасности — важнейшая характеристика состояния и перспектив ВПО в мире⁶³. Характеризуя современное состояние следует признать очевидное: создание системы евразийской безопасности «от Лиссабона до Владивостока», которое долгое время декларировалось в качестве главной цели, остается и будет в будущем не более, чем политическим лозунгом, о котором вспоминают каждый раз по соответствующему случаю, но который, ни в ближайшей, ни среднесрочной перспективе не станет реальной политикой в Европе и Евразии.

На деле Соединенные Штаты консолидируют Запад, создавая исключительно «для себя» систему безопасности, основанную на НАТО, которая в XXI расширяется уже не только в Европе,

но и в ЦА и Ю-В Азии. Эта система безопасности, созданная США после Второй мировой войны, надо признать, вполне эффективно защищала американо-британские интересы в мире в последние 60 лет, и ни у США, ни у Великобритании нет оснований ее менять ради создания какой-либо иной системы.

Более того, существующая мировая финансово-экономическая система очевидно наиболее выгодна двум крупнейшим мировым финансовым центрам — Нью-Йорку и Лондону, — которые извлекают максимальную выгоду, управляя мировыми финансами и контролируя основные международные финансовые институты. Так, например, основной внешний государственный долг сохраняется за США и Великобританией, которые «позволили» участвовать в этом процессе Германии и Франции на более скромных условиях.

Как видно из приведенных данных (табл. 6), англо-американский финансовый контроль в мире позволяет США и Великобритании кредитоваться за счет мировой экономики.

Очевидно, что подобная ситуация не может устраивать другие страны, прежде всего те, мас-

штабы и темпы роста экономики которых позволяют им претендовать на увеличение своей роли в мировых финансово-экономических процессах. Речь идет, прежде всего, о странах БРИКС, которые начали играть все более активную не только экономическую, но и политическую роль. Причем в разных регионах фиксируется разное напряжение между старыми и новыми центрами силы — от наиболее сильного противоречия, назревшего в АТР до относительно скрытого напряжения в Африке.

Отсутствие эффективных политических механизмов обеспечения безопасности в XXI веке, означает, что в действительности для ряда стран такие механизмы созданы и действуют (НАТО–ЕС), а для некоторых — еще только находятся в стадии формирования (ШОС–БРИКС). Так, в «АТР фактически отсутствуют эффективные механизмы обеспечения безопасности на фоне сохраняющегося исторического соперничества между странами региона. Здесь существует не менее десяти застарелых территориальных споров, сохраняются тенденция отхода от режима нераспространения и ядерная проблема на Корейском полуострове. Беспокойство вызывают

Табл. 6. Валовой внешний долг, млн долл. США, 2012 г.⁶⁴

№№	Страна	Значение	
1	Соединенные Штаты Америки	15,680,472	
2	Соединенное Королевство	9,471,208	
3	Германия	5,718,982	
4	Франция	5,370,709	
5	Люксембург	2,711,909	
6	Италия	2,499,602	
7	Нидерланды	2,493,906	
8	Испания	2,278,705	
9	Ирландия	2,163,912	
10	Швейцария	1,563,179	
11	Бельгия	1,423,730	
12	Канада	1,331,262	
13	Швеция	1,039,336	
14	Австрия	808,140	
15	Норвегия	723,066	
16	Российская Федерация	631,784	

и односторонние планы создания системы ПРО в Северо-Восточной Азии (СВА)⁶⁵, — справедливо фиксирует ситуацию известный специалист М. Титаренко. И далее он продолжает: «Несмотря на обилие международных, региональных и субрегиональных организаций, перед восточноазиатскими странами остро стоит проблема институализации региона. Создание структурированного сообщества сдерживают серьезные разногласия в регионе. Главный вопрос заключается в том, кто будет определять правила игры в этой динамично развивающейся зоне АТР и какими должны быть эти правила?»⁶⁶

Даже поверхностный анализ указывает, что «двадцатка» постепенно становится более влиятельной силой в мире, чем «восьмерки». Как пишет Н. Яковенко, «...При этом аналитики обращают внимание и на то, что если в рамках „восьмерки“ Россия вела партию, по сути дела в одиночку, то в „двадцатке“ — совершенно очевидна активная и солидарная линия стран единомышленников, партнеров, наконец, союзников. Более того, действиям стран Запада в попытке изолировать Россию и не допускать на саммит „двадцатки“ в Австралии, партнеры по БРИКС дали жесткий отпор, и осудили практику санкций против России и неприемлемость попыток решать, кто вправе участвовать в саммитах „двадцатки“, а кто нет. На эту ситуацию эксперты отреагировали однозначно: ожидаемый сюрприз для западной группы стран. Более того, наблюдатели выражают удивление относительно того, что западные политики не просчитывают такой очевидной реакции со стороны членов БРИКС»⁶⁷.

По мере изменения соотношения экономических, а теперь уже и политических сил не в пользу Запада, все большее значение приобретает фактор сохранения за США мирового лидерства в области наукоемких технологий (и как следствие, — качестве ВиВТ) и военной мощи, а также в тех военно-политических союзах и двусторонних отношениях, которые позволяют руководству США говорить об управлении глобальной военно-политической коалицией.

Иными словами, сохранение рычагов управления мировыми финансами, торговлей и экономикой во многом зависит от способности обеспечить такой контроль военно-силовой поддержкой, существованием такой системы безопасности для стран-лидеров, которая обес-

печивала сохранение геополитического и военно-политического статус-кво в мире.

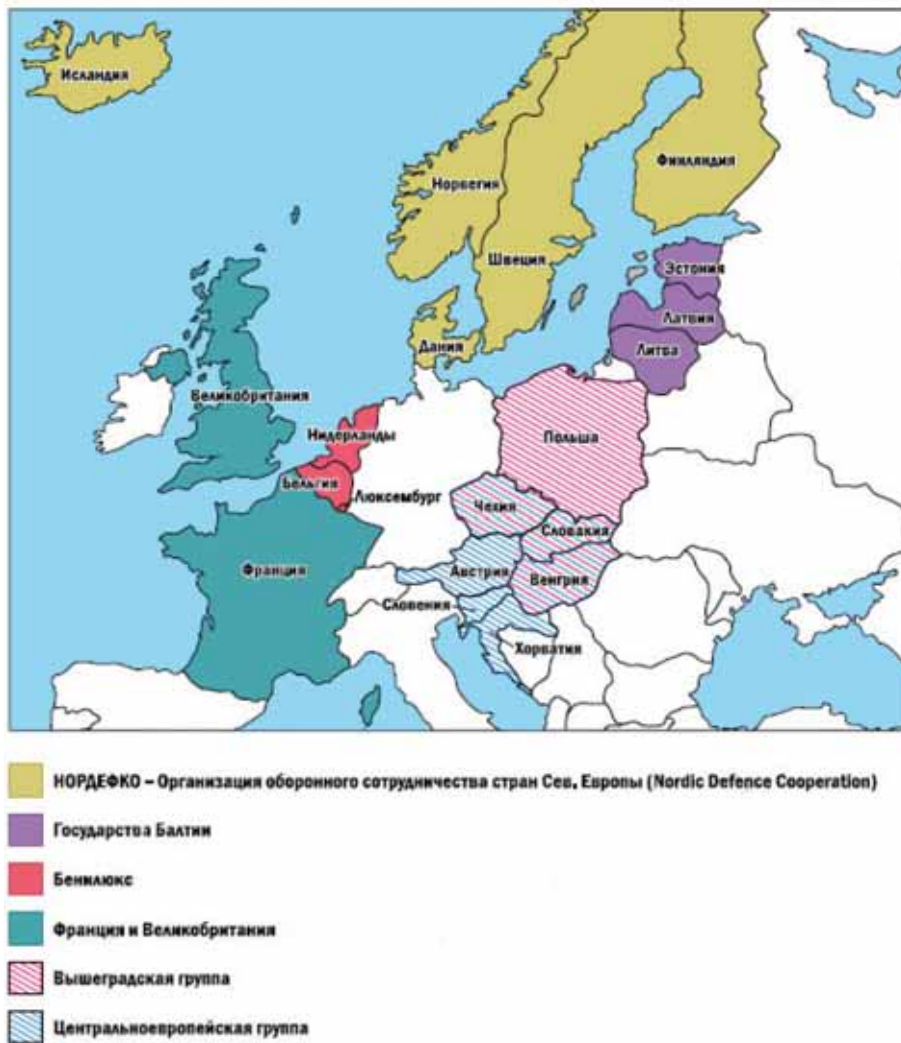
Угрозу, даже гипотетическую, такому изменению геополитического статус-кво, западные страны рассматривают в качестве прямой и непосредственной угрозе контролируемой или системы безопасности в мире и способности управлять мировыми финансами, торговлей и экономикой. Кризис на Украине отчетливо показал, как этот механизм действует на практике: достаточно было поставить под сомнение готовность Украины стать на крайне невыгодных условиях частью этого пространства, как были «включены» все механизмы — политические, военные, финансовые для того, чтобы «исправить» эту ситуацию.

«Исправление» этой ситуации предполагается в рамках развития сценария военно-политической консолидации, когда на разных уровнях и в разной степени зависимости от Вашингтона создается система военно-политических отношений, подконтрольная именно США. Одним из таких примеров может стать политика субрегионального военного сотрудничества в Европе (рис 18).

Соответственно надо признать, что без политической и военной интеграции евразийских государств (не вошедших в НАТО или систему военных союзов, создаваемых США), обеспеченной сознательной информационной и культурно-образовательной (идеологической) политикой, обеспечение безопасности в Евразии и проект евразийской интеграции превратится в простое соглашение о торговле. Тем более, что масштабы экономической интеграции в Евразии не являются такими уж впечатляющими. Они, очевидно, не смогут предопределить геополитическое будущее Евразии сами по себе. Тем более, не смогут автоматически превратить Россию в центр евразийской интеграции — «российское ядро» всего интеграционного процесса, что хорошо видно из следующих данных (рис. 19).

В силу разного рода объективных и субъективных причин — и это хорошо показали события на Украине 2013–2014 гг. — вопросы безопасности в Евразии станут в ближайшие годы наиболее приоритетной проблемой, которую можно в основном решить в рамках евразийской интеграции. И не только экономической и торговой — о чем много говорится, — но и военно-политической. Прежде всего, в области ПВО, а в перспективе — ВКО. Альтернативы этому процессу с точ-

Субрегиональное оборонное сотрудничество в Европе

Рис. 18.⁶⁸

ки зрения обеспечения безопасности государств Евразии просто нет, хотя пока что он и не находится в системе политических приоритетов. Если согласиться с утверждением, что существование эффективной ВКО равнозначно наличию суверенитета, то нужно признать, что без ВКО понятие «безопасность» теряет всякий смысл.

Таких важнейших причин несколько. И связаны они с изменением в соотношении мировых сил, новой ролью Евразии, развитием ВВТ и новейших технологий, радикальными изменениями основных грузопотоков и мировой торговли. Но главной причиной остается геополитическая ситуация в мире, где роль Евразии вообще и региона, который З. Бжезинский назвал «Европейскими Балканами», стремительно возрастает. Можно по-разному относиться к З. Бжезинскому, в том числе полагая, что его взгляды устарели и не отражают современного понимания

американской элитой международных реалий, но представляется, что именно он лучше других показал роль этого региона в современном мире, откровенно и ясно изложив существующую, а не декларативную американскую стратегию в Евразии.

В частности, в своей известной книге, название которой политологи часто приводят не полностью, — «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» — он откровенно писал: «... „Евразийские Балканы“ гораздо больше по своим размерам, еще более густо населены и этнически неоднородны. Они расположены на огромной территории, которая разграничивает центральную зону глобальной нестабильности, ... и включает районы Юго-Восточной Европы, Средней Азии и части Южной Азии, района Персидского залива и Ближнего Востока.

ДОЛЯ РОССИИ В ЭКСПОРТЕ И ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЯХ СТРАН СНГ (%)

ИСТОЧНИК: MOODY'S.

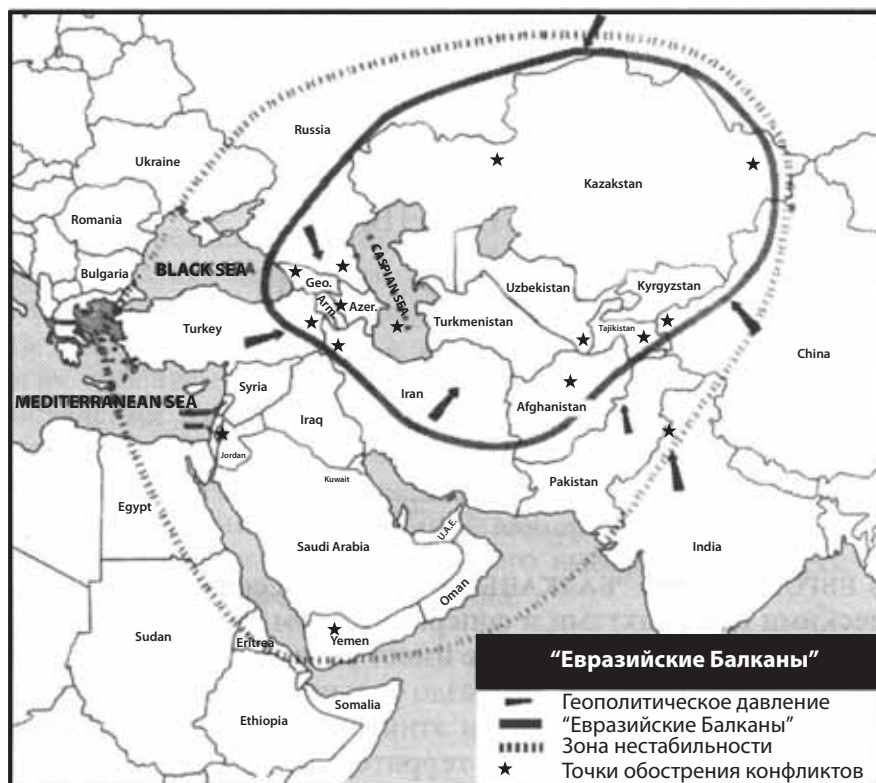
Рис. 19.⁶⁹

„Евразийские Балканы“ составляют внутреннее ядро огромной территории, имеющей удлинненную форму (см. карту), и имеют весьма серьезное отличие от внешней окружающей зоны: они представляют собой силовой вакуум.

Хотя в большинстве государств, расположенных в районе Персидского залива и Ближнего Востока, отсутствует стабильность, последним арбитром в этом регионе является американская сила. Нестабильный регион внешней зоны является, таким образом, районом гегемонии единственной силы и сдерживается этой гегемонией...

...„Евразийские Балканы“, расположенные по обе стороны неизбежно возникающей транспортной сети, которая должна соединить по более правильной прямой самые богатые районы Евразии и самые промышленно развитые районы Запада с крайними точками на Востоке, также имеют важное значение с геополитической точки зрения. Более того, „Евразийские Балканы“ имеют важное значение с точки зрения исторических амбиций и амбиций безопасности, по крайней мере, трех самых непосредственных и наиболее мощных соседей, а именно России, Турции и Ирана, причем Китай также дает знать о своем возрастающем политическом интересе к региону. Однако „Евразийские Балканы“ гораздо более важны как потенциальный экономический выигрыш: в регионе помимо важных полезных ископаемых, включая золото, сосредоточены огромные запасы природного газа и нефти»⁷⁰.

Примечательно, что к «зоне нестабильности» З. Бжезинский относит не только страны

Северной Африки и Ближнего и Среднего Востока, но и часть европейских районов России (Поволжье) и восточные области Украины. Эпицентром же этого турбулентного региона он справедливо выделяет Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан.

Другая причина, объективно способствующая заинтересованности евразийских государств в создании ВКО, — изменение удельного веса в экономике, торговле и политике стран Евразии и АТР. В том числе и для России. В. Никонов считает, например, что «...в ближайшие пять–десять лет доля рынков стран АТР в России будет как минимум сопоставима с европейской, на которую сейчас приходится половина нашей внешней торговли»⁷¹. Подобные радикальные сдвиги не могут не отразиться на всем комплексе военно-политических отношений в Евразии, отдельные регионы которой уже объявлены приоритетными для национальной безопасности России, США и других государств. Не случайно именно в этом контексте можно рассматривать идею ЕвроПРО. Как пишет академик А. Арбатов, «...очевидно, что ЕвроПРО НАТО, запланированная без участия России и вопреки ее возражениям, не является базой для сотрудничества... А российская ВКО ... будет плохо совмещаться с общей (или сопряженной) системой ЕвроПРО России — НАТО»⁷².

Эти процессы происходят на фоне активизации военной политики практически всех евразийских государств и, в более широком контексте, стран АТР, где военные расходы за последнее десятилетие выросли на 100 %. Стремительно меняются ВВТ и концепции их использования, растут риски и стратегические неопределенности, усиливается конфликтность практически на всем континенте — от Центральной до Юго-Восточной Азии.

Объективно процесс евразийской интеграции противостоит двум влиятельным существующим в мире военно-политическим реалиям. Во-первых, очевидному военно-технологическому превосходству США в XXI веке, которое правящие круги этой страны рассматривают как условие существования этого государства в мире. «Сегодня у Соединенных Штатов нет равных в военной мощи...», — заявил в «Стратегии национальной безопасности США»⁷³ в 2002 году Дж. Буш. Надо сказать, что сохранение технологического и военного превосходства США в мире никем не ставится под сомнение в правя-

щей элите страны. Ни демократами, ни республиканцами. Споры идут о том, каким образом развить это превосходство, на каких направлениях, и с какой эффективностью. И в этом суть научно-технической политики страны, где приоритеты НИОКР и технологий уже многие десятилетия остаются главными приоритетами.

Во-вторых, США осуществили формирование военно-политической коалиции в Евразии с участием широкого круга государств, обеспечили стремительный рост поставок ВВТ в эти страны, создание объединенной системы ПРО от Австралии до Аляски. США стремятся вовлечь в свою политику (естественно, на своих условиях) многие государства — от Японии и Филиппин до Вьетнама и Монголии, создавая благоприятные условия для проекции своей военной силы на континенте. В частности, как отмечает профессор С. Небренчин, «...переход к постиндустриальной экономике знаний знаменует начало азиатского цикла накопления капитала, а это означает новый виток геополитического противоборства вокруг Евразии, где уже сейчас протекает около 80 % войн и вооруженных конфликтов. При этом в эпицентре столкновения глобальных интересов оказывается все постсоветское пространство»⁷⁴.

Этот процесс развивается стремительно, а его последствия (в т. ч. военно-политические) проявляются достаточно быстро. Динамика изменений измеряется годами, а не десятилетиями. Так, по оценке китайских экспертов, например, «в 2012 году политико-экономическая ситуация в АТР претерпела глубокие изменения, что существенно сказалось на глобальной политической, экономической, дипломатической обстановке и в сфере безопасности. Судя по ситуации в этом регионе, мир, процветание и сотрудничество остаются главной тенденцией развития, но во внутренней и внешней политике ряда стран внутри и вне региона произошли некоторые изменения, в результате чего обстановка в регионе стала усложняться, а неопределенности — увеличиваться»⁷⁵.

Похоже, что стремительное развитие событий в Евразии и АТР намного опережает прежние оценки, подход к которым формировался в предыдущие десятилетия. Возможно, что правящие элиты евразийских государств просто не успевают осознавать то, что происходит в мире, оставаясь в плену инерции мышления. К сожалению, это относится не только к экономическому

SIPRI Yearbook 2011 - World's top 15 military spenders

Rank	Country	Spending (\$ Bn.) ⁽¹⁾	% of GDP	World Share (%)	Spending (\$ Bn. PPP) ⁽²⁾
—	World Total	1,630	2.6	100	1562.3
1	United States	711.0	4.7	41	711
2	China ^Y	143.0	2.0	8.2	228
3	Russia ^Y	71.9	3.9	4.1	93.7
4	United Kingdom	62.7	2.6	3.6	57.5
5	France	62.5	2.3	3.6	50.1
6	Japan	59.3	1.0	3.4	44.7
7	Saudi Arabia ^F	48.2	8.7	2.8	58.8
8	India	46.8	2.5	2.7	112
9	Germany ^Y	46.7	1.3	2.7	40.4
10	Brazil	35.4	1.5	2.0	33.8
11	Italy ^Y	34.5	1.6	2.0	28.5
12	South Korea	30.8	2.7	1.8	42.1
13	Australia	26.7	1.8	1.5	16.6
14	Canada ^Y	24.7	1.4	1.4	19.9
15	Turkey ^Y	17.9	2.3	1.0	25.2

Рис. 20.

аспекту отношений, но и к военно-политическому. Известный китайский эксперт Ли Шэньминь по этому поводу написал в конце 2012 года: «США в слепой самоуверенности направили острие атаки против двух держав — России и Китая. Однако в ближайшие годы Америка как государство-империя будет слабеть, и для замедления этого процесса ей придется все больше опираться на Европу, Японию и другие страны. Пока сложно предсказать, каким окажется через 20–30 лет результат сотрудничества, конкуренции, игр и борьбы между крупнейшими государствами и группировками мира, однако уже сейчас ясно одно: с момента начала мирового финансового кризиса и до 20–30-х годов нынешнего века, а возможно и до его середины, мировая архитектура будет находиться в состоянии сильной турбулентности и даже потрясений»⁷⁶.

Средства воздушно-космического нападения в новых геополитических условиях становятся главным инструментом военной политики, а концепции их использования — новыми направлениями в развитии военного искусства. Это — характерная черта, ставшая реальностью еще при ведении военных действий в Югославии и Ираке, но она особенно отчетливо проявилась в войне против Ливии, где основными средствами поражения стали авианалеты и крылатые ракеты морского базирования.

В силу этого средства ПРО и ПВО стали основой потенциалов обороняющихся держав, от качества которых зависело, сможет ли тот или иной режим защитить себя и суверенитет

страны. Наличие или отсутствие таких средств изначально рассматривается в качестве главного условия обеспечения безопасности государства. Сильная ПВО Сирии, в отличие от слабой ПВО Ливии, позволила ей не только достойно сопротивляться внешнему давлению, но и стратегически выстоять.

Эта же тенденция превращает средства ВКО в политический инструмент и предмет переговоров. Причем в политический инструмент евразийской интеграции. Так же, как в свое время в Европе ядерное оружие и базы США стали главным политическим инструментом при создании НАТО. Учитывая, что удельный вес воздушно-космических средств нападения и обороны в общих военных потенциалах замещает в ряде случаев традиционные средства, можно сделать вывод: они неизбежно станут предметом обсуждения не только на экспертном, но и на самом высоком политическом и военном уровнях. Речь, конечно, идет не только о проблематике ЕвроПРО, но и в целом о ВКО как в евразийском, так и двусторонних аспектах.

Причем не только в традиционном понимании — ограничение ВВТ, — но и в широком контексте, а именно: создание системы региональной безопасности, военно-политического и военно-технического сотрудничества, возможного формирования новых коалиций и союзов, например, в области создания объединенных или даже единых систем ПВО и ПРО. Наравне с набирающими силу в Евразии интеграционными процессами, военно-политическая ин-

теграция в области ВКО может стать главным интеграционным стимулом, оттеснив на второй план даже соображения экономической выгоды.

Возможные переговоры по проблематике ВКО можно условно разделить на функциональные, — посвященные отдельным видам наступательных и оборонительных вооружений, например, стратегическим неядерным крылатым ракетам (СКР) или гиперзвуковым летательным аппаратам, а также роли ядерного оружия вообще, в частности, нестратегического, — и на двусторонние — посвященные развитию или ограничению ВТС с отдельными государствами Евразии. Классический пример — отказ России от поставок в Иран ЗРК С-300, закупка систем ПВО Сирией, Вьетнамом и другими странами. Это уже признается на Западе. Как отмечает Федерация американских ученых в своем докладе, посвященном обзору позиции «НАТО в области сдерживания и обороны (DDPR)», «нестратегические ядерные силы не являются ни причиной, ни решением вопроса европейской безопасности, однако недостаток политического руководства ведет к тому, что эти системы обладают легитимностью, которой они не должны обладать»⁷⁷.

«Недостаток политического руководства» выражается в том, что отсутствует сам предмет переговоров — ограничение неядерных стратегических вооружений, — что, в свою очередь, неизбежно ведет к тому, что другие страны начинают (или усиливают) собственное производство таких систем. Так, в течение ряда лет в России фактически не велись работы по ГЗЛА и ударным БЛА, однако, учитывая действия США, руководство страны было вынуждено, например, принять решение о создании холдинга, который будет заниматься разработками гиперзвуковых технологий, в том числе и в сотрудничестве с Индией⁷⁸.

Эти тенденции практически иллюстрируются тем, что сегодня в США реализуется, например, проект создания высокоточных неядерных систем вооружений, при помощи которых можно поражать любую точку земного шара в течение одного часа (PromptGlobalStrike) после получения приказа. Понятно, что создать ВКО всей территории страны (стран) или континента для защиты от десятков тысяч высокоточных КР и ЛА будет малореально, и Россия будет вынуждена отвечать своими СНВ, что, собственно, и было отражено в новой редакции Военной доктрины страны 2012 года.

Важно подчеркнуть, что растущая активность США в военной области вообще, и в области ВКО в Евразии, в частности, являются частью их общей евразийской стратегии дестабилизации и дезинтеграции стран Евразии, которая прикрывается рассуждениями о внедрении в этих странах американской системы ценностей. Так, в докладе помощника Госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии Р. Блейка-младшего говорится: «Расширение нашего взаимодействия с правительствами стран Центральной Азии направлено не только на безопасность и экономические вопросы, но неизменно включает в себя откровенные и открытые дискуссии о необходимости политической либерализации, предоставления большей свободы гражданскому обществу, а также о необходимости уважать общепризнанные права человека»⁷⁹.

Процесс евразийской интеграции в узком понимании — как торгово-экономическая интеграция трех стран (плюс, возможно, Киргизии и Таджикистана) — пока что обходит вниманием проблему создания единой системы воздушно-космической обороны на всей Евразии, ограничиваясь на данном этапе созданием объединенной системы ПВО СНГ, либо, хотя бы, на первом этапе, — на территории постсоветских государств. Между тем, реалии таковы.

С экономической точки зрения адекватные военные усилия каждого из евразийских государств по отдельности невозможны, так как их потенциалы несопоставимы с совокупными возможностями США и их союзников. Это хорошо иллюстрирует сравнение военных расходов США и других стран в 2011 году, из которого, например, видно, что в абсолютных величинах военно-экономические возможности России сопоставимы с возможностями Франции, Великобритании или Японии (71,9 млрд долл. — Россия; 62,5 млрд — Франция; 62,7 млрд долл. — Великобритания и 59,3 млрд долл. — Япония), при том, что относительно ВВП расходы этих государств ниже, чем российские (рис. 20).

Безусловными мировыми лидерами по военным расходам являются США (711 млрд долл.) и Китай (143,0 млрд долл.), чьи доли в мире составляют 41 % и 8,2 % соответственно. Если же учесть военные расходы других союзников США — Германии, Саудовской Аравии, Италии, Южной Кореи, Канады и Турции, — то становится ясно, что военные возможности России (даже с учетом расходов КНР) никогда не будут

в ближайшие годы даже сопоставимы с расходами ведущих развитых государств⁸⁰.

Пытаться соревноваться, имея соотношение в экономических и военных силах 10 к 1, в принципе бессмысленно. Безопасность необходимо будет обеспечивать асимметричными мерами по

наиболее приоритетным направлениям. Таковым направлением, безусловно, является создание ВКО, способное нейтрализовать как ядерный, так и неядерный стратегический наступательный потенциал. Доля расходов на ВКО в общих расходах на оборону может составить 15–20 %.

4.7. Усиление роли геополитики

Будущее России неразрывно связано с Евразией. Не только в том ее географическом и геополитическом понимании ..., но и в историческом, этнополитическими ценностном аспектах⁸¹.

*В. Путин,
Президент России*

... сказывается, что не только евразийская стратегия и внешняя политика России, но и национальная стратегия должны исходить из приоритетов развития восточных регионов России⁸².

*А. Подберезкин,
профессор МГИМО(У)*

В основе любой современной системы международной или региональной безопасности лежат геополитические интересы, учитываемые при развитии любых сценариев ВПО и конкретных стратегий отдельных стран. Соотношение военно-политических сил в мире, позиции ведущих государств, оказывали решающее влияние на политику тех или иных стран еще до формирования Вестфальской системы. По мере развития человеческой цивилизации роль геополитических факторов возрастала вплоть до приобретения ею доминирующего значения во Второй Мировой войне.

С появлением ядерного оружия и стратегических средств его доставки, геополитика стала фундаментом, базой уже не только крупных, но и частью внутренней политики даже небольших государств, которые должны были учитывать ее в принятии политических решений. Так, не только война в Корее, Вьетнаме, революции на Кубе и Никарагуа, но и конфликт из-за Мальдивских островов, на Гренаде и в других районах мира являются яркими иллюстрациями этой тенденции.

В XXI веке глобализация привела к усилению воздействия геополитических императивов и факторов, когда многие события не только в политике, но и в экономике и социальной области, стали рассматриваются под этим углом зрения.

Есть все основания полагать, что по мере усиления новых центров силы проявятся и их геополитическое значение в мире и качественно новая роль в формировании мировой и региональной

ВПО. Уже во втором десятилетии XXI века, например, военные расходы в отдельных регионах становятся все более сопоставимыми с расходами прежних лидеров — США и стран Западной Европы, что хорошо видно из оценок СИПРИ⁸³.

WORLD MILITARY SPENDING, 2012

Region	Spending (\$ b.)	Change (%)
Africa	39.2	1.2
North Africa	16.4	7.8
Sub-Saharan Africa	22.7	-3.2
Americas	782	-4.7
Central America and the Caribbean	8.6	8.1
North America	708	-5.5
South America	65.9	3.8
Asia and Oceania	390	3.3
Central and South Asia	59.8	-1.6
East Asia	268	5.0
Oceania	28.2	-3.7
South East Asia	33.7	6.0
Europe	407	2.0
Eastern Europe	100	15
Western and Central	307	-1.6
Middle East	138	8.3
World total	1 756	-0.4

Spending figures are in current (2012) US\$.

**Принципиальная логическая схема
политического процесса и принятия решений**

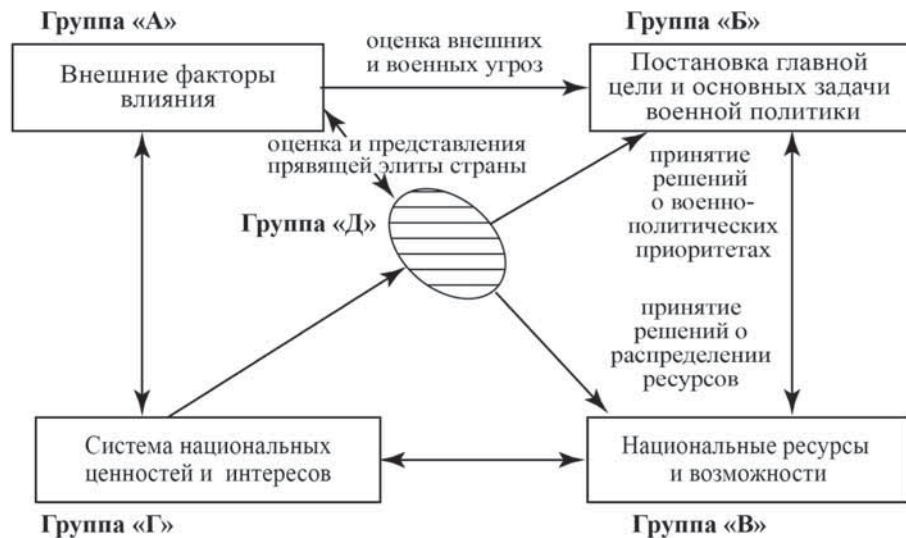

Рис. 21.

Эти изменения свидетельствуют о том, что в перспективе 20–30 лет военные расходы Азии, Ближнего Востока, Восточной Европы и даже Африки станут сравнимыми с военными расходами США и стран Евросоюза.

Более того, к 2020 годам, т. е. в уже фактически в среднесрочной перспективе, ядерные потенциалы некоторых стран будут политически сопоставимы с ядерными потенциалами США, Великобритании и Франции, а возможные технологические прорывы могут привести к тому, что и с точки зрения военно-технической, военные потенциалы целого ряда государств окажутся к 2020 годам вполне сопоставимыми с американскими, а тем более, английскими и французскими.

Таким образом, к 2020 годам складывается качественно новая ситуация в мировой и региональных ВПО, которая будет являться неизбежным следствием развития сценария дальнейшего усиления роли геополитики для других государств. Если вернуться к известному рисунку, описывающему логическую модель политического процесса формирования МО, то можно констатировать: (рис. 21)

- резкое усиление влияния внешних факторов на формирование политических целей и задач и, косвенно, на стратегию участников и распределение ресурсов (группа факторов «А» и группа факторов «Б»);
- усиление влияния группы факторов «А» на группу «В», т. е. на национальные интересы и базовые ценности.

Во втором десятилетии XXI века мы уже стали свидетелями начала этого процесса. Так, в событиях 2014 года на Украине именно геополитические интересы США оказали решающее (по сравнению с другими факторами) влияние на политические цели украинской элиты (окончательная смена политического курса и прежней элиты) — группы факторов «Б» — и смену национальных интересов (замену ориентации на Россию ориентацией на Запад) и системы ценностей («евромайдан» вместо русофильства), — группы факторов «В».

WORLD NUCLEAR FORCES, 2013

Country	Deployed warheads	Other warheads	Total inventory
USA	2 150	5 550	7 700
Russia	1 800	6 700	8 500
UK	160	65	225
France	290	10	300
China	—	250	250
India	—	90–110	90–110
Pakistan	—	100–120	100–120
Israel	—	80	80
North Korea	..	..	6–8?
Total	4 400	12 865	17 270

All estimates are approximate and are as of January 2013.

Рис. 22.⁸⁴

Собственно говоря, это усиление роли геополитики, превращения ее в решающий фактор и сформировало новый сценарий развития ВПО на Украине и в Восточной Европе.

И в этом смысле Евразия и Россия являются не просто подтверждением этой мысли, но и яркой иллюстрацией, которая наглядно показывает реальность такого подхода в области безопасности. В том числе и на множество конкретных примеров, наиболее ярким и последним из которых стали события на Украине 2014 года.

Более того, растущее влияние геополитики оказывается наиболее устойчивым фактором, влияющим на формирование ВПО в мире и основные тенденции в развитии ВиВТ, а также в военном искусстве, оказывая реальное и сильное воздействие на стратегическое военное планирование⁸⁵. Достаточно привести лишь некоторые примеры. Так, Франция, например, в середине 2014 года решила направить свои войска в пять бывших африканских колоний, а также «задержится» с выводом своих войск из ЦАР и Мали⁸⁶. Это поведение определенно свидетельствует в пользу изменений французской внешней и военной политики, которая во все большей степени ориентируется на геополитическую борьбу за Африку, чье значение стремительно возрастет уже к середине XXI века.

Другой пример — создание в РФ отдельного вида ВС — Воздушно-космических войск (ВКВ) к 1 января 2016 года⁸⁷, — что констатирует не только фактическое появление единого глобального ТВД (Воздушно-космического пространства), а чем подробнее будет сказано ниже. Очевидно, однако, уже сейчас, что ВКВ станут конкретным инструментом геополитики в глобальном масштабе, когда сфера ответственности этого вида войск распространяется не только на территорию РФ и ее союзников, но и на всю планету, все государства.

С геополитической точки зрения, очевиден растущий потенциал военного присутствия США и НАТО в Центральной Азии, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Учитывая удаленность от США, а также создание новых систем воздушно-космического нападения, этот потенциал все больше приобретает черты наступательно-оборонительного стратегического потенциала, используемого в воздушном и космическом пространстве. Этот потенциал — главный ресурс в силовом геополитическом противостоянии в Евразии. Традиционные сухопутные и морские

силы в такой стратегии малоэффективны, а геополитические амбиции США столь сильны, что их реализация без угрозы использования военной силы маловероятна. Причем эти амбиции сформулированы не только в концептуальных работах ученых и экспертов типа З. Бжезинского, но и в официальных документах. Как отмечают эксперты, «... идея „Шёлкового пути“ не только существовала, но и была оформлена в проект закона ещё в 1997 г. — задолго до начала войны США в Афганистане. В 1999 г. палата представителей США приняла „Закон о стратегии Шёлкового пути“, и сенат включил его в бюджетный „Закон по зарубежным операциям, экспортному финансированию и связанными с этим программами“ на 2000 финансовый год. (FY 2000 Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act)»⁸⁸.

В целом на всех потенциальных ТВД для России сложилось крайне неблагоприятное соотношение сил, когда военные возможности отличаются не в разы, а на порядки. Это означает, что должна быть избрана такая военная доктрина и военная стратегия, которые соответствовали бы этим неблагоприятным реалиям. Соответственно, из такой военной стратегии и должны исходить планы долгосрочного военного строительства, которых, по признанию авторитетных экспертов, сегодня нет⁸⁹. В частности, необходимо выделить два наиболее приоритетных направления военного строительства — создание эффективной системы ВКО территории страны (и союзников) и рефлексивного развития СЯС. Эти направления должны быть основой обеспечения безопасности России, ОДКБ, СНГ и, возможно, других стран. И в их пользу необходимо перераспределить национальные ресурсы, понимая, что Сухопутные силы, ВМФ, ВВС, ВДВ и другие виды войск становятся вспомогательными видами объединенной ВКО и СЯС.

В этой связи обращает на себя внимание политическая логика руководства США в отношении Евразии, которая наглядно просматривается, например, в подходе главного информационно-консультативного органа правительства страны — Центрального разведывательного управления (ЦРУ). На официальном сайте этого ведомства Россия вместе с постсоветскими государствами Средней Азии представлена как эпицентр Евразии, «за скобками» которого остается европейская часть континента и восточные регионы (Восточная Сибирь и Дальний Восток).

Такое представление о России и Евразии не случайно. Если исходить из приоритетного внимания США к среднеазиатским постсоветским республикам, то подразумевается, что их дестабилизация (особенно Казахстана) способна привести к распаду России на европейскую и азиатскую части (у З. Бжезинского — Поволжья). При этом наиболее развитые районы Южного Урала и Западной Сибири и коммуникации, которые проходят с запада на восток и с севера на юг по Челябинской, Омской, Новосибирской и другим областям, окажутся под непосредственной

угрозой. «Транспортные коридоры» — как идея транзита из Европы в страны АТР — также окажутся под фактическим контролем, впрочем, как и основные российские запасы природных ресурсов⁹⁰. Значение транспортных коридоров России в мире и в Евразии огромно и не вполне по достоинству оценено. Так, основу транспортных грузопотоков и пассажиропотоков в мире и в Евразии составляет российская ж/д сеть, на которую приходится более половины перевозок в Европе и в Евразии, а с учетом Украины и Казахстана — почти половина мировых грузопотоков по железным дорогам. Что хорошо видно из следующих примеров (табл. 7, рис. 23).

Отсюда и проистекает огромная роль российских транспортных коридоров с запада на восток и востока на запад, а так же стремительно растущее значение Северного морского пути (СМП) из Европы в Азию и наоборот.

Собственно экономическое значение ЦА невелико. В том числе и для России. И не стоит его переоценивать с точки зрения евразийской интеграции. Как отмечают исследователи МГИМО(У), «Пять Центрально-Азиатских государств создают всего около 11,1 % от общего ВВП СНГ, в каждом из них насчитывается не менее трети убыточных предприятий, и каждое обременено международными долговыми обязательствами. В целом, фактически только российское сотрудничество с Казахстаном обеспечено

Табл. 7. Общий объем железнодорожных грузоперевозок (млн тонн-км.) за вычетом пустых частных вагонов, 2011 год⁹¹

№№	Страна	Значение	
1	Соединенные Штаты Америки	2,524,292	
2	Российская Федерация	2,127,835	
3	Украина	243,866	
4	Казахстан	223,626	
5	Германия	113,317	
6	Польша	53,746	
7	Франция	34,200	
8	Швеция	22,864	
9	Латвия	21,410	
10	Австрия	20,345	
11	Литва	15,088	
12	Румыния	14,719	

Общий объем железнодорожных грузоперевозок (млн тонн-км.)
за вычетом пустых частных вагонов, 2011 год

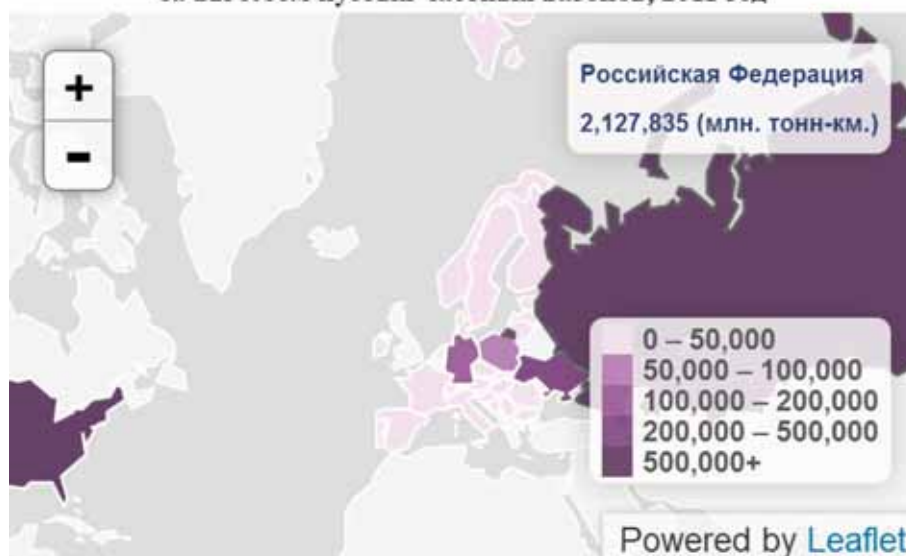

Рис. 23.⁹²

по-настоящему рентабельными проектами, а в других случаях рентабельность взаимодействия носит условный характер»⁹³.

И, опять же, возвращаясь к карте 3. Бжезинского, удивляешься ее совпадению с представлениями ЦРУ о роли транспортных коридоров и транзита — сырьевого и промышленного — из Европы в страны АТР.

Это подтверждается и другими изображениями политических карт Европы и Азии, на

которых Евразия четко делится на две политические части — европейскую и азиатскую⁹⁴, в центре которой находятся государства ЦА.

Так, в представлении западных геополитиков, Европа и ее безопасность ограничиваются безопасностью государств Западной, Центральной и частью Восточной Европы (включая страны Прибалтики, Белоруссию и Украину), а также Турцией. «За скобками» этой архитектуры безопасности находится российская часть Восточной Европы, Поволжья, страны ЦА и Сибирь.

Возвращаясь к ВКО, точнее, к ее политическим аспектам, во главе угла которых находится формирование коалиции в Евразии, обнаруживаешь, что в настоящее время сотрудничают с США или ведут переговоры о создании и размещении компонентов ПРО следующие страны:

- **Великобритания** — производит системы радиоразведки и РЭБ, поставляет компоненты для ПРО США (а также не исключает возможное размещение ПРО США на ее территории);
- **Ирландия** — поставляет компоненты для ПРО США (поддерживает развертывание ПРО США в Европе и Японии);
- **Германия и Франция** — поставляют сложное коммуникационное оборудование для ПРО США (также не исключают возможное размещение ПРО США на своей территории);
- **Польша** — ПРО США уже строится;
- **Эстония, Литва, Чехия** — ведутся переговоры по размещению ПРО США;

- **Дания** — поставляет компоненты для ПРО США (Дания также не исключает, что на ее территории появится ПРО США);
- **Финляндия и Швеция** — поставляют компоненты для ПРО США (также ведутся переговоры о размещении РЛС);
- **Южная Корея** — поставляет сложные и наукоемкие микросхемы для ПРО США (также Корея не исключает, что ПРО США появится и на Корейском полуострове);
- **Сингапур и Малайзия** — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
- **Канада** — ведёт переговоры с США по размещению ПРО США и интегрирование ПРО Канады в систему ПРО США;
- **Япония** — поставляет самые сложные компоненты для ПРО США, размещает РЛС, производит ракеты, а также скоро будут размещены ПРО США с ядерными установками в Японии (Хоккайдо);
- **Мексика** — ведутся переговоры о вступлении Мексики в систему ПРО США;
- **Монголия** — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
- **Азербайджан** — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
- **Румыния** — поставляет компоненты для ПРО США (также ведутся переговоры о размещении ПРО США в Румынии);
- **Грузия** — ведутся переговоры о размещении ПРО США в Грузии;
- **Австралия** — строится РЛС США с интегрированной системой «ПРО США — Новая Зеландия — Сингапур — Япония»;
- **Словакия** — ведутся переговоры о строительстве ПРО США;
- **Италия** — поставляет ОС для ПРО США (также не исключает возможность строительства ПРО США в Италии);
- **Норвегия** — поставляет детали и ОС для ПРО США⁹⁵.
- **Вьетнам** — планируются переговоры по размещению ПРО США.

Это свидетельствует, безусловно, не просто о сотрудничестве, но о формировании крупной военно-политической коалиции, которая публично пока не декларирует о своих четких целях, количестве участников, но ясно демонстрирует нарастающую тенденцию, в которой особое место отводится Евразии, точнее, странам АТР и Евразии, а в узком контексте — России и Китаю.

Возвращаясь к законодательному обеспечению геополитической стратегии США, эксперты отмечают: «Этот закон обязал исполнительную власть США прилагать все необходимые усилия для построения в регионах Средней Азии и Южного Кавказа „открытых демократических систем“ и „открытых рыночных экономик“. „Открытый“, в терминологии США, значит доступный для американского проникновения. Белому дому было предписано „активно продвигать участие американских компаний и инвесторов в планировании, финансировании и строительстве инфраструктуры коммуникаций, транспорта, включая воздушные сообщения, автодороги, железные дороги, порты, морские перевозки, банки, страхование, телекоммуникационные сети, газовые и нефтяные трубопроводы“. Проекты должны реализовываться силами частного капитала, что подразумевает приватизацию местных ресурсов и инфраструктуры»⁹⁶.

При этом особое значение придается дестабилизации режимов в Казахстане и других странах бывшей советской Средней Азии, но, прежде всего, все-таки Казахстана, который (как видно из карты ЦРУ) занимает ключевое место в американской геополитике. Не трудно заметить, судя по этой карте, что важнейшие районы Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири (т. е. по сути индустриальный и логистический центр России) находятся в непосредственной близости от Казахстана, а транспортные коридоры — «запад-восток» и «север-юг» — проходят через его территорию (рис. 24).

В этой связи понятна и адекватная реакция правительства Казахстана, которое осенью 2012 года закрыло восемь газет, телеканал «К+» и 23 интернет-ресурса за разжигание экстремизма⁹⁷.

В мае 2006 г. с учётом военных реалий «Закон о стратегии Шёлкового пути» был основательно обновлён и дополнен. В частности, США взяли на себя обязательство по «развитию внутреннего оборонного потенциала и обеспечению безопасности границ» государств «Шёлкового пути»⁹⁸.

Как объясняют исследователи из Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), «Современный Шёлковый путь» является «частью противоповстанческой стратегии США в регионе». Как и Северная сеть доставки (NDN) — пути снабжения оккупационных войск США и НАТО в Афганистане, проходящие через Россию, которую

Рис. 24.

в Вашингтоне считают первым шагом к реализации «Шёлкового пути»⁹⁹. Таким образом, «Новый Шёлковый путь» продолжает американскую стратегию Большой Центральной Азии и преследует массу важных целей одновременно: 1) освоение природных ресурсов Афганистана, оцененных Геологической службой США в один триллион долларов; 2) получение доступа к рынкам, насчитывающим более двух миллиардов человек — почти четверть населения планеты; 3) строительство капитализма в регионе, многие районы которого находятся на феодальной стадии развития; 4) получение предлога для расширения военного присутствия и размещения военных баз — «для защиты трубопроводов»;

5) перенаправление природных ресурсов региона от Китая в Индию и Пакистан; 6) наконец, создание региональной организации «государств Шёлкового пути» в противовес ШОС и ОДКБ.

Что касается России, то она незримо присутствует в законе 2006 г., где ставится целью «предотвращение установления любой другой страной монополии на энергоресурсы или энергетическую транспортную инфраструктуру в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, которая бы ограничила доступ США к энергоресурсам»¹⁰⁰. Другими словами, США и их союзники недвусмысленно заявляют о своих претензиях на контроль над значительной частью Евразии, являющейся в том числе и частью территории России.

4.8. Сценарий евразийской военно-политической интеграции

Возобновленная программа евразийской интеграции стремится вдохнуть новую жизнь в центристскую идеологию, придав ей экономическую базу и политическую перспективу¹⁰¹.

Р. Саква,
английский политолог

... ведущие страны мира стали заметно чаще и откровеннее прибегать к силе и угрозе ее применения¹⁰².

А. Торкунов,
профессор МГИМО(У)

В отсутствии системы коллективной безопасности перед евразийскими странами, которые не являются членами НАТО, возникает

трудный выбор. Либо положиться на гарантии США и НАТО, либо создавать собственную систему евразийской безопасности, опирающуюся

на соответствующий военный потенциал коалиции. Пока что прообраз такой системы существует в виде ОБСЕ, которая с 1975 года существовала в качестве региональной организации по обеспечению безопасности в Европе. После саммита 2010 года в Астане, когда была сделана безуспешная попытка создания «евразийского пространства безопасности», стала ясно, что констатация «стратегической неопределенности внутри ОБСЕ, проявившаяся в ... расхождениях между государствами-участниками, усилилась в последние десятилетия»¹⁰³.

В настоящее время в Евразии формально действует множество международных региональных организаций, которые условно можно разделить на следующие категории¹⁰⁴.

Европейские военно-политические блоки и институты обеспечения европейской безопасности

Важнейшими военно-политическими блоками и институтами обеспечения европейской безопасности являются: НАТО и примыкающие к ней организации (Парламентская ассамблея НАТО, Совет евроатлантического партнерства (СЕАП), ассоциация Атлантического договора и др.), Западноевропейский союз, Евросоюз, Организация договора коллективной безопасности, Содружество Независимых Государств (СНГ), Совет Европы (СЕ) и Организация безопасности и сотрудничества в Европе, а также различные субрегиональные организации (Союзное государство России и Белоруссии, Европейско-азиатское экономическое сотрудничество (ЕврАзЭС), Совет государств Балтийского моря, Вишеградская группа, Вильнюсская группа, «Сотрудничество центральноевропейских государств» (СЕНКООП), Организация за демократию и экономическое развитие (ОДЭР-ГУАМ), Охридско-Адриатическая группа, «Квадрилатерале»).

Как отмечают некоторые исследователи, характеризуя усилия Североатлантического союза по обеспечению европейской безопасности, его военно-политическое руководство основные усилия сосредоточивает на реализации планов трансформации блока в политической сфере, продолжении процесса расширения организации, вовлечении в сферу своей деятельности других государств и международных структур, повышении коалиционного военного потенциала, а также на развитии отношений с Россией в выгодном для Запада направлении¹⁰⁵.

Это отчетливо проявилось в своего рода «стресс-тесте» отношений России и НАТО в ходе конфликта на Украине в 2014 году. Как заявил 18 мая 2014 года генеральный секретарь альянса Андерс Фог Расмуссен в интервью одной из ведущих газет Германии *Frankfurter Allgemeine Zeitung*: «Мы готовы к любым вариантам развития событий, у нас имеются соответствующие планы обороны. Вы были бы удивлены, если бы увидели, насколько быстро мы можем действовать».

Альянс уже активизировал деятельность на Востоке. Напомним, что после проведения референдума в Крыму, НАТО начал патрулирование самолетами радиолокационной разведки системы АВАКС воздушного пространства над странами Балтии. В Эстонии были проведены учения *Steadfast Javelin* с участием шести тысяч военнослужащих из Прибалтики, Польши, Германии и США. На официальном сайте альянса говорится, что это лишь часть «пакета мер», которые принимаются в связи с кризисом на Украине.

Руководство НАТО также предоставило Киеву невоенную помощь: приборы ночного видения, бронежилеты и шлемы и т. д.

В то же время генсек НАТО отметил, что сейчас альянс принимает в отношении Москвы «решения двойного действия».

«С одной стороны, мы приостановили все практическое сотрудничество с Россией, с другой — решили оставить открытым канал для политического и дипломатического диалога в рамках совета Россия — НАТО. У нас было заседание совета Россия — НАТО 5 марта, после начала кризиса. Мы предложили провести новое заседание в рамках совета. Мы открыты к политическому диалогу», — заявил генсек¹⁰⁶.

Военно-политические блоки и институты обеспечения безопасности в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Важнейшими военно-политическими блоками и институтами обеспечения безопасности в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе являются: НАТО, ОДКБ, Шанхайская организация сотрудничества, Лига арабских государств, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Организация Исламская солидарность, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Ассоциация регионального

сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), а также различные коллективные органы безопасности и двухсторонние военно-политические союзы с участием США, Китая, Ирана, Японии, Республики Корея и Индии.

Главными сферами сотрудничества стран — участниц Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) являются политика, безопасность и экономика. В Декларации о создании ШОС в частности говорится, что целями организации являются «укрепление взаимного доверия, дружбы и добрососедства между государствами-участниками, обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе, построение нового, демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка».

Страны, входящие в организацию или участвующие в ее работе, ставят перед собой прежде всего задачу повысить уровень своей защищенности от проявлений всех видов экстремизма. Однако становится все более очевидным, что обеспечение региональной безопасности и стабильности возможно лишь при условии, что контртеррористическая деятельность будет сочетаться с работой по искоренению социально-экономических корней экстремизма и терроризма. С этим связан «экономический акцент» этой организации.

Основой для объединения государств в Лигу арабских государств (ЛАГ) является их национально-этническая и конфессиональная общность. С этих позиций осуществляется деятельность этой организации по обеспечению безопасности на Ближнем Востоке, которая касается, прежде всего, политических и экономических аспектов.

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) также призван обеспечить безопасность государств — членов организации на Аравийском полуострове. Изначально возникнув как региональная политическая и экономическая организация, ССАГПЗ все больше смещает приоритеты своей деятельности в сферу военно-политической интеграции участников организации. При этом значительное внимание Совет уделяет сотрудничеству с НАТО.

Организация Исламская солидарность имеет целью укрепить исламскую солидарность, обеспечить развитие разносторонних связей между исламскими государствами, а также поддержание мира и международной безопасности.

Страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) стремятся проводить внешнюю политику региональной безопасности, которая не слишком бы связывала их с тем или иным центром силы в Азии. С учетом данного фактора большинство из этих стран поддерживают выгодные для себя политические и экономические связи с США, Японией, Китаем и Россией.

Государствами-участниками АСЕАН признается, что наиболее эффективным способом обеспечения стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, не противоречащим политическим и экономическим интересам различных стран, является создание международных многосторонних диалоговых механизмов. В этой связи членами АСЕАН принимаются определенные шаги по формированию основ таких коллективных органов безопасности.

Большое значение для обеспечения региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе имеет многостороннее сотрудничество в форматах «АСЕАН плюс один» (АСЕАН плюс Россия), «АСЕАН плюс три» (АСЕАН плюс Япония, Китай и Республика Корея), а также Восточно-Азиатского сообщества (АСЕАН+3, Индия, Австралия, Новая Зеландия).

Его эффективность обусловлена высокой степенью взаимопонимания между соседними азиатскими государствами и исторически сложившимися между ними связями.

Значительное место в обеспечении региональной безопасности в Южной Азии также принадлежит Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК).

Для большинства ведущих военно-политических союзов, коллективных органов и институтов обеспечения безопасности в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Шанхайская организация сотрудничества, Лига арабских государств, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Организация Исламская солидарность, АСЕАН, Форум АТЭС, СААРК) характерно усиление значения экономической составляющей.

Это соответствует общей тенденции формирования в этих регионах мира экономических сообществ государств, безопасность которых будет обеспечиваться не только военными средствами, но и заинтересованностью каждой страны в благополучии своих экономических партнеров и стабильной экономической ситуации.

Участие России в военно-политических блоках и институтах обеспечения евразийской безопасности

Значительное место в обеспечении евразийской безопасности занимает участие России в военно-политических блоках и международных региональных политических организациях.

Сотрудничество России с НАТО происходит в рамках нескольких организаций и программ. При этом главным инструментом здесь выступает Совет Россия — НАТО (СРН). В Римской декларации (2002) определены девять приоритетов такого сотрудничества сторон.

Первый — борьба против терроризма; основа для сотрудничества в этой области — План действий СРН по терроризму.

Второй — урегулирование кризисов. В рамках этого приоритета ключевую роль играет императив оперативной совместимости. В июне 2005 года на встрече министров обороны СРН приняты «Военно-политические руководящие указания по укреплению оперативной совместимости между силами России и государств НАТО». Их цель — обеспечить способность к эффективным совместным действиям на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях.

Третий — борьба с распространением ОМУ.

Четвертый — контроль над вооружениями и меры по укреплению доверия.

Пятый — ПРО на ТВД. В этой области уже проведено несколько совместных учений; действует специальная рабочая группа СРН.

Шестой — поиск и спасение на море.

Седьмой — сотрудничество в сфере военных реформ. С 2002 года развивается совместный проект в области переподготовки и трудоустройства российских военнослужащих, увольняющихся с военной службы.

Восьмой — совместные действия в случае гражданских чрезвычайных ситуаций.

Наконец, девятый приоритет — научно-техническое сотрудничество и сотрудничество в управлении воздушным движением¹⁰⁷.

Россия активно выступает за реформирование ОБСЕ в направлении придания этой организации статуса более эффективного механизма обеспечения безопасности в Европе. Сотрудничество России с этой организацией заключается прежде всего в участии российских делегаций в работе миссий и наблюдателей ОБСЕ.

Россия является главным инициатором и последовательным сторонником реализации

процесса укрепления ОДКБ. Создание Российско-Белорусской и Российско-Армянской группировок войск (сил), Коллективных сил быстрого развертывания в регионах коллективной безопасности является важным фактором обеспечения стабильности в Европейском, Кавказском и Центрально-Азиатском регионах.

Формирование новой системы безопасности в Евразии

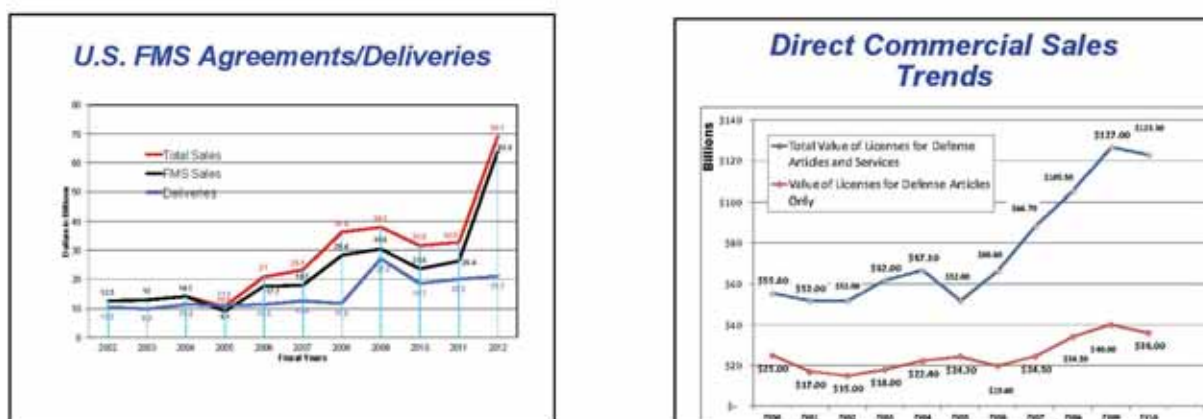
Необходимость формирования новой системы безопасности Евразии обуславливается рядом факторов, главными из которых являются:

- обострение военно-политической обстановки в ряде регионов Европы и Азии, сопровождающееся вооруженными конфликтами различной степени интенсивности, которые в свою очередь продемонстрировали ущербность существующей системы евразийской безопасности;
- стремление США закрепить свое глобальное доминирование в политике и экономике, возродить фантомы Советского Союза и «железного занавеса», играть роль ключевого арбитра в мировой экономике и в системе международных отношений; а также
- усиление геополитического соперничества на постсоветском пространстве и окончательное превращение его из «ближнего зарубежья» РФ в арену международной конкуренции в политике и экономике.

Новая система безопасности Евразии: сущность, составные части и принципы формирования

Политические и экономические кризисы последнего времени свидетельствуют, что существующий миропорядок обуславливает необходимость его серьезной модернизации. Становится все более и более очевидно, в том числе и на Западе, что нарастает противоречие между глобальным характером современных вызовов и угроз — международный терроризм, глобальная наркосистема и организованная преступность, распространение ОМУ и средств его доставки, усложняющиеся региональные конфликты, демографические проблемы, глобальная бедность, нелегальная миграция, изменение климата и др.), которые требуют ответа солидарными усилиями всего мирового сообщества, и существованием однополярной (а другими словами, неоимперской) международной системы,

Defense Institute for Security Assistance Management, 2013

Рис. 25.¹⁰⁸

предполагающей одностороннее реагирование по всему широкому спектру международных проблем.

Растущее множество международных организаций в Евразии не сказывается однако эффективно на укреплении ее безопасности. Наоборот, в последние два десятилетия мы наблюдаем, как минимум, два опасных процесса.

Во-первых, страны Евразии стремительно наращивают свои военные расходы, а их темпы роста значительно опережают среднемировые мировые.

Во-вторых, в начале века не только стремительно росли расходы на оборону США (вплоть до 2013 ф. г.), но и экспорт оружия, военной техники и разного рода услуг (рис. 25).

Очевидное нарастание конфликтности и готовности ведущих мировых держав использовать военную силу в Евразии сопровождалось последнее десятилетие стремительным ростом военных потенциалов. Это было видно из фактически удвоения военных расходов за 10 лет, которое произошло практически во всех странах АТР, но, прежде всего, в США, чья доля в мировых расходах на военные цели превысила 40 %. Значительная часть этих средств шла на развитие возможностей использования военной силы именно в Евразии. Так, из запрошенных Б. Обамой на 2013 год финансовых средств (более 650 млрд долл.) почти 80 млрд специально выделялось на обеспечение действий в Афганистане.

В этой связи наиболее актуальной угрозой в Евразии стала угроза воздушно-космического нападения, возможные сценарии которой были уже апробированы США в Ираке и Ливии. По-

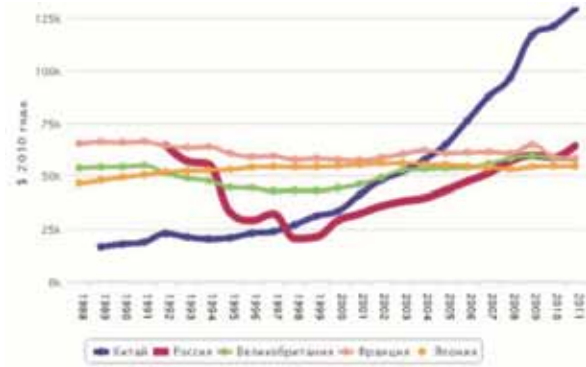
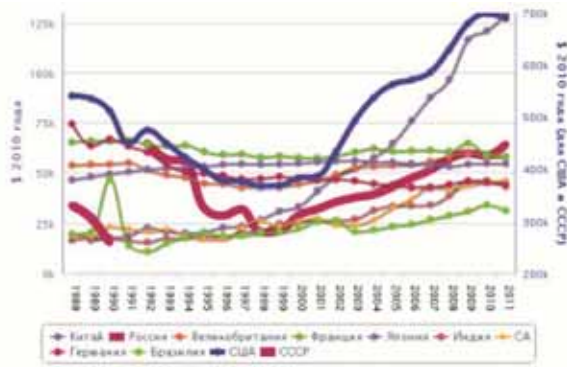
нятно, что единственным реальным средством противодействия становятся средства ВКО. Они же, будучи оформлены в адекватную военную доктрину, могут стать и главным инструментом военно-политической интеграции.

Вот почему необходимо рассмотреть аргументы в пользу этой идеи. Идея, которая может стать главным стимулятором интеграции и лечь в основу общей военной доктрины и планов военного строительства.

1. Ни одна из стран СНГ, в силу финансовых проблем, не способна обеспечить ВКО своей территории самостоятельно, без сотрудничества с Россией и другими государствами евразийскими государствами.

Уровень такого сотрудничества определяется уровнем военно-политического сотрудничества, общностью системы ценностей и пониманием необходимости усиления позиций в геополитической и политической конкуренции в Евразии. Простой пример. За последнее десятилетие военные расходы США выросли с 300 до 700 млрд долл., а расходы на разведывательную деятельность за этот же период достигли 80 млрд долл.¹⁰⁹.

Другие союзники США — Япония, Великобритания, Франция, Германия — тратят на военные цели примерно столько же, сколько Россия, а Канада, Саудовская Аравия, Южная Корея — несколько меньше. В целом же военные расходы США и их союзников примерно в 20 раз превышают российские, что делает военное соревнование по всем направлениям военного строительства совершенно бессмысленным. Неизбежно придется выбирать и концентрироваться на нескольких приоритетных направлениях. Вероятнее всего, на ВКО и СЯС,

которые во все большей степени превращаются в единый стратегический комплекс.

Вместе с тем евразийская кооперация может позволить странам не только потенциально создать национальные системы ПВО и ПРО, но и объединенную систему ВКО Евразии.

Другими словами, у основных евразийских держав есть организационная и промышленная структура, способная при определенных условиях решить задачу формирования евразийской ВКО.

2. Последние 20 лет продемонстрировали, что военная сила развитых государств, активно использовавшаяся США и их союзниками против Югославии, Ирака, Ливии и других государств, представляет собой, прежде всего, потенциал нанесения высокоточных ударов авиацией и крылатыми ракетами (КР), а ее нейтрализация зависит от развитой системы ВКО.

В последние годы этот потенциал пополняется новыми типами ВТО, чья скорость и дальность существенно увеличены. Эти новые типы и системы оружия, разрабатываемые в рамках концепции «Быстрого глобального удара», например, гиперзвуковые аппараты и КРМБ, позволяют наносить неядерные высокоточные удары по любой точке планеты в течение часа¹¹⁰.

Важно отметить, что эти программы переходят из стадии разработок и испытаний в стадию полномасштабного развертывания, которая уже измеряется не десятилетиями, а годами. Иначе говоря, формирование стратегического потенциала для воздушно-космического нападения и защиты от уцелевших средств противника перешло в заключительную фазу.

Аргументы о том, что эти системы направлены против Ирана, не выдерживают критики. По признанию представителей Пентагона, ракетные потенциалы Тегерана надежно нейтрализованы 24 батареями системы ПВО/ПРО «Пэтриот», размещенными в шести государствах Персидского залива (это от 96 до 384 ракет в зависимости от их типа); корабельными ракетами-перехватчиками ВМС США SM-3 с БИУС «Иджис», расположенными в его зоне (боекомплект до 300 ракет, поскольку в Аравийском море постоянно находятся несколько таких кораблей), а также эффективными средствами ПРО Израиля. «Возражай, не возражай против такой мощной противоракетной инфраструктуры — она все равно уже развернута»¹¹¹, — считает В. Козин.

К этому надо добавить еще две батареи противоракетной системы THAAD (в общей сложности 96 ракет-перехватчиков с двумя РЛС), которые США решили в конце декабря 2011 года поставить ОАЭ на сумму 3,48 млрд долл. В 2011 году Вашингтон дал добро на продажу Кувейту 209 ракет «Пэтриот» повышенной точности GEM-T-104E, а также на замену ракет «Пэтриот» PAC-2 на PAC-3 в Саудовской Аравии. О потенциальных возможностях Пентагона по сдерживанию «иранской ракетной угрозы» говорит также тот факт, что в период войны против Ирака в 2003 году Соединенные Штаты сконцентрировали в зоне конфликта в общей сложности 1015 ракет-перехватчиков ЗРК «Пэтриот» PAC-2 и 54 ракеты PAC-3¹¹².

Особенно дестабилизирующими станут новые типы противоракет SM-3 ПБ, которые предназначены для перехвата баллистических ракет. Как показали слушания в Конгрессе США в феврале 2013 года, эти ракеты «будут обладать значительно большими возможностями, чем предыдущие типы SM-3»¹³. Обращает на себя внимание и то, что в ходе обсуждения в Конгрессе неоднократно подчеркивалось, что наиболее эффективной дислокацией этих ракет должно стать их размещение на судах ВМС США в Северном море. Это абсолютно дезавуирует идею «иранской угрозы» с юга.

Собственно в создании интегрированного — наступательного и оборонительного потенциала в Евразии и по периметру ее границ — аккумулируются сегодня основные усилия США. Причем этот потенциал переходит в плоскость возможности его практического использования. Осенние учения 2012 года успешно продемонстрировали возможности США по отражению ракетной угрозы, состоящей одновременно из пяти целей и ракет различного радиуса действия. Эти испытания укладываются во второй раунд создания глобальной системы ВКО США и заключаются в отработке всех систем региональной ПРО, которая будет реализовываться в Европе и Юго-Восточной Азии. Так как система имеет значительную мобильность, то возможности ее использования не ограничиваются только этими регионами, и она может быть развернута практически в любой точке мира. Практически это означает, что по периметру Евразии формируется глобальная система ВКО США.

Впервые установки типа THAAD отразили угрозу удара ракетами средней дальности (MRB), комплекс PatriotAdvanced Capability-3 (PAC-3) уничтожил крылатую ракету малой дальности (SRBM), двигавшейся на предельно малой высоте вдоль водной поверхности.

Демонстрация боевых возможностей региональной системы ВКО была проведена в районе атолла Кваджалейн и прилегающей к нему западной части Тихого океана, что позволило отработать действия комплекса ПРО морского базирования (AegisBallisticMissileDefense (BMD)), а также системы THAAD и PATRIOT на островах и мобильных морских платформах¹⁴.

Это означает, что через 3–5 лет у США и их союзников появится военно-техническая возможность использования военной силы в Евразии в любой точке по своему усмотрению в любое время и против любого противника. Иран, КНДР или Афганистан, конечно, не являются главными целями такой политики. Уже имеющихся у США в настоящее время средств вполне достаточно, чтобы решить эти задачи. Главной целью являются Россия и Китай, точнее, их военно-стратегический потенциал контроля над оперативной обстановкой в Евразии и АТР.

Единственным практическим средством нейтрализации угрозы воздушно-космического нападения становится создание объединенной системы ВКО евразийских государств, если, конечно, исходить из того, что эти страны хотят сохранить свой суверенитет во внутренней и внешней политике.

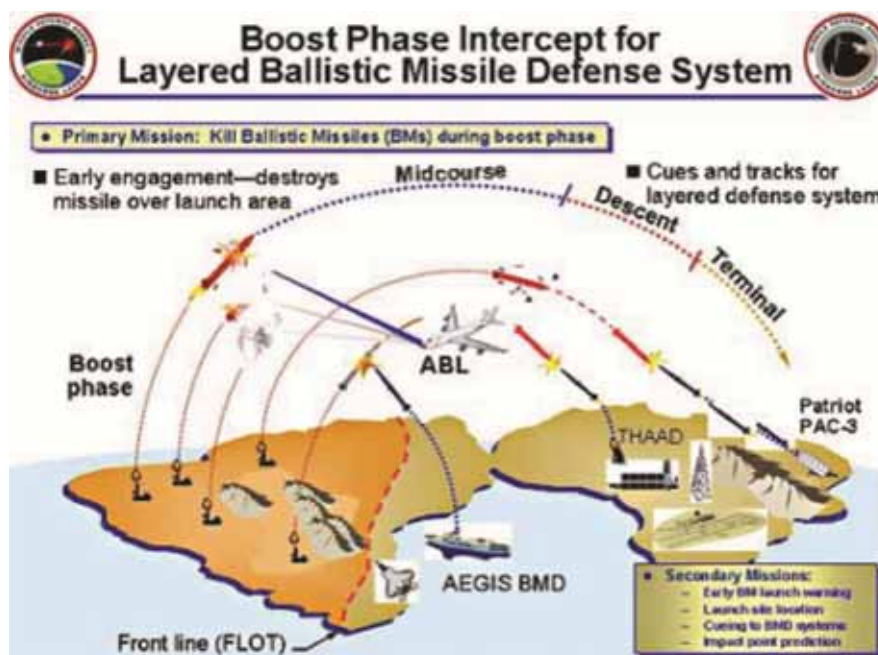
3. В последнее десятилетие складывается ситуация, когда США фактически создают еди-

Эволюция противоракеты SM-3. RIM-161 Standard Missile 3 (SM-3) – американская зенитная управляемая ракета семейства «Стандарт». Находится на вооружении ВМС США, устанавливаются на крейсера и эсминцы. Кинетическая боевая часть имеет собственный двигатель. Наведение производится автоматически с помощью матричной инфракрасной головки самонаведения, имеющей высокое разрешение. Предназначены для уничтожения воздушных целей, в том числе баллистических ракет и боеголовок на заатмосферных высотах.

ную систему ПРО вокруг и в самой Евразии, состоящую из отдельных территориальных систем в Европе, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Предположительное завершение создания единой системы ПРО к 2020 году может привести к такой ситуации, когда США смогут без особого риска использовать во всей Евразии высокоточные системы наступательных вооружений, превратив их фактически в потенциал

первого, «разоружающего» удара. Традиционное ядерное сдерживание перестанет существовать, а вместе с ним и последний атрибут великой державы для России. Вместе с тем, ряд экспертов, например, академик А. Арбатов, полагают, что имеющиеся у России комплексы средств преодоления ПРО (КСП ПРО) уже сегодня «на порядок более эффективны...», чем запланированная к 2020 году система США/НАТО»¹¹⁵.

Думается, что эти оценки излишне оптимистичны. Проблема в том, что они не учитывают важнейшей характеристики средств ПРО: буферности системы. Предположим, что оценка верна, и вероятность поражения баллистической цели одной ракетой действительно стала на порядок хуже, то есть 0.09 вместо 0.9. Таким образом, для доведения вероятности поражения до приемлемой величины потребуется на порядок больше ракет. В США прекрасно осознают эту потребность, и количество противоракет уже сегодня превышает количество перехватываемых целей более чем в 3 раза. При сложившемся темпе наращивания численности перехватчиков одновременно с ростом их потенциала

декларируемое «превосходство на порядок» будет сведено к нулю через 10–12 лет по самым пессимистичным оценкам. А с учетом слабой вариативности траекторий боевых блоков и повышенного потенциала перехватчиков класса GBI, размещенных на основных направлениях возможного удара, превосходство даже самых передовых боевых частей будет нивелировано на этих направлениях за 5–7 лет. Реальность такова: мы стоим на пороге того периода, когда ядерное сдерживание перестает быть эффективным, а само ядерное оружие становится бесполезным. Более того, его могут объявить «вне закона» не только применительно к Ирану, КНДР, но и к другим странам.

4. Под угрозой находится стратегическая стабильность, сложившаяся в последние пять десятилетий. Утеря Россией потенциала ядерного сдерживания неизбежно отразится не только на военных возможностях страны, но и на внешнеполитических позициях и прочности суверенитета, а также на позициях ее союзников по ОДКБ, более того, на всей ситуации в Евразии. Фактически большинство этих государств могут оказаться объектом для шантажа населения с применением массированного воздушного удара по всей своей территории. Пример с Ливией очень показателен: война была выиграна с помощью КР и авиационных ударов без наземной операции. При этом главной угрозой стратегической стабильности становится развертывание глобальной системы ВКО США.

Сегодня наблюдается системное и достаточно быстрое, заранее спланированное наступление на стратегическую стабильность. Так, за 2011 год модернизированы:

- система обнаружения и слежения (UEWR) различных видов ракет, которая направлена на околоземное пространство, РЛС раннего предупреждения ракетного пуска;
- три комплекса наземных пусковых установок в Форт Грейли;
- установлено улучшенное программное обеспечение по управлению системы перехватчиков (GMD FireControl) и новый узел

контроля управления системой слежения и выявления целей FGA;

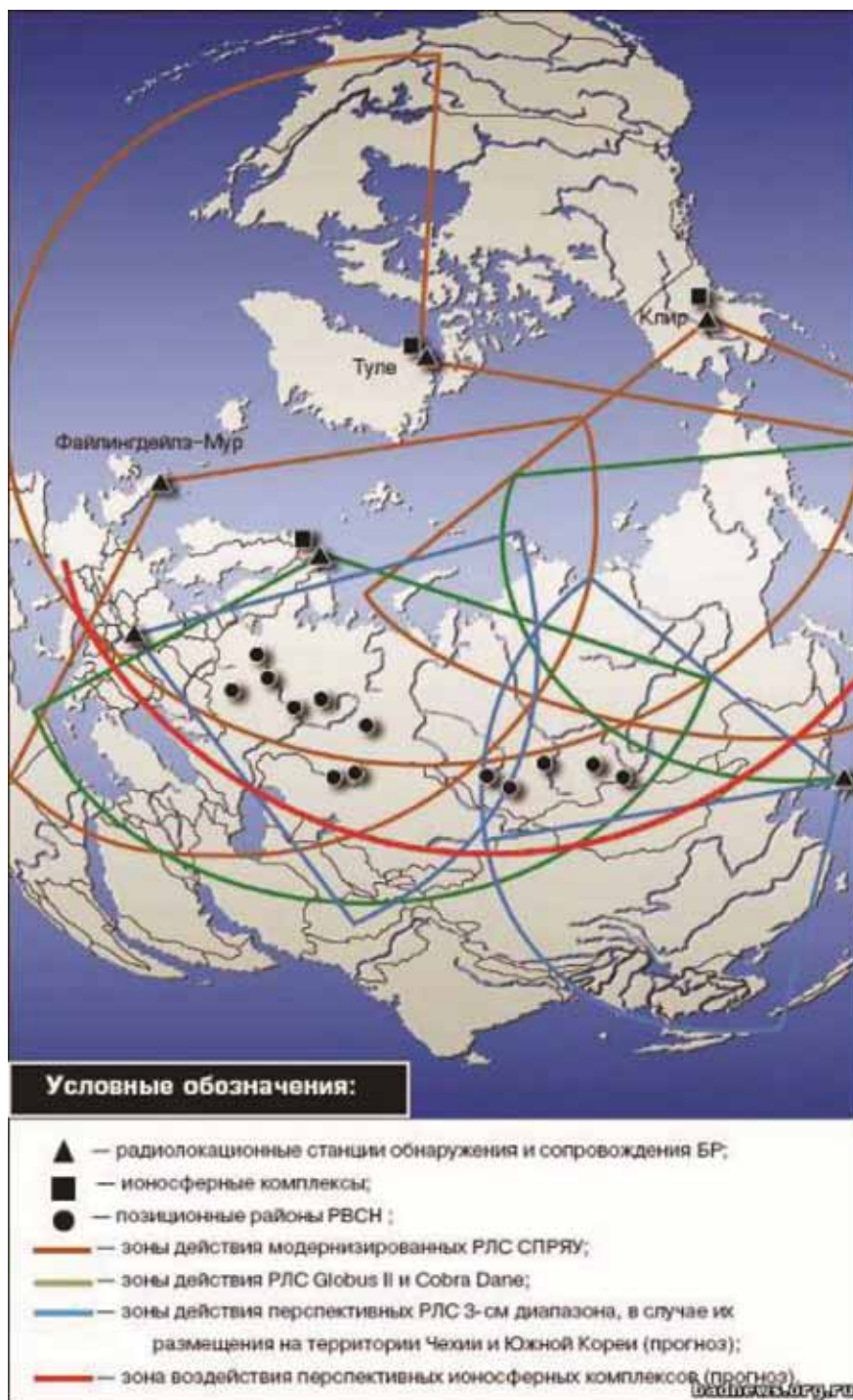
- закончено строительство основных конструкций Missile Field-2.

К началу 2012 года ВКО США состояла из:

- 30 наземных комплексов (GBI) ПРО от Аляски до Калифорнии;
- 23 комплексов морского базирования (BMD), рассчитанных на противодействие ракетам малой и средней дальности и для выполнения операций по наблюдению и слежению за ракетами дальнего радиуса действия (LRS&T);
- 87 комплексов ракет перехватчиков SM-3 и 72 комплекса SM-2 морского базирования;
- двух систем THAAD;
- шести радаров типа AN/TPY-2;
- 903 ракет типа PATRIOT (PAC)-3 новой модификации;
- 56 узлов огневой поддержки типа PAC-3¹¹⁶.

5. Рост конфликтности в Евразии — очевидный факт, имеющий прямое отношение не только к Центральной Азии, но и к Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, где территориальные и экономические проблемы становятся все более острыми, а готовность к их разрешению снижается. В немалой степени этому способствует и растущая конкуренция в мире, борьба за ресурсы и влияние.

Сказанное говорит о том, что проблема создания эффективной ВКО — это отнюдь не только российская, а общевосточная проблема,

в решении которой должны быть заинтересованы по большому счету основные государства континента. Но и для России, следует подчеркнуть, необходимо решительнее выходить за рамки идеи создания национальной ВКО, которая не может быть реализована только за счет ресурсов нашего государства. Тем более такая система ВКО не может «разорвать» решение проблемы евразийской безопасности на сугубо «российскую» и «остальную». Как справедливо заметил академик А. Торкунов, «При рассмотрении

любого исторического феномена необходима своеобразная шкала мер, элемент сопоставления. Российскую государственность, степень консолидации российского суверенитета можно понять только на общем фоне международных отношений конкретного периода, только в сопоставлении с состоянием дел у ближайших соседей и лидеров мирового порядка»¹¹⁷.

6. В этой связи важно подчеркнуть тезис, который постоянно пытаются игнорировать в последние десятилетия: в международных

отношениях военная сила остается решающим инструментом внешней политики, несмотря на рост влияния «мягкой силы» и экономических средств воздействия, несмотря на все процессы глобализации и «гуманизации». При этом важно понимать, что военная сила по-прежнему, как и в XX веке, реализуется в двух формах — поли-

тико-психологической (давление, шантаж) и прямой, военно-силовой. Для того, чтобы политико-психологическая (в т. ч. «эмоциональная») форма была эффективна, нужно, чтобы угроза использования военной силы выглядела абсолютно реальной. Здесь играют главную роль не намерения («intentions»), а возможности («capabilities»).

4.9. Сценарий возможной евразийской военно-политической интеграции

Запад выиграл мир не с помощью своего превосходства в идеях, ценностях или религии, ... но скорее с помощью превосходства применения организованного насилия. Запад иногда забывает это; не-Запад — никогда¹¹⁸

*С. Хантингтон,
политолог*

Россия сможет их преодолеть (жесткие реалии), если обретет собственную стратегию, ориентированную на традиционный для себя евразийский регион, найдет нужные для новой евразийской интеграции идеи¹¹⁹.

*С. Глазьев,
советник Президента России*

На возможный сценарий долгосрочного военного планирования России должно влиять две группы факторов: формирование ВПО в мире с учетом вероятности складывания враждебной военно-политической коалиции, во-первых, и развитие военных программ государств, объединенных в такую враждебную России военно-политическую коалицию, в Евразии, во-вторых. И первая, и вторая группа факторов не просто возможны. Их вероятность, на мой взгляд, очень высока, если не неизбежна. Вся политика США и их союзников второго десятилетия XXI века свидетельствует о том, что на Западе сознательно формируют военно-политическую коалицию как главное условие будущего развития различных сценариев МО и ВПО.

Не менее актуальна и вторая группа факторов — продолжение ставки США на военно-техническое превосходство, которое неоднократно подтверждалось в последние годы в т. ч. и Б. Обамой. Это стремление сопровождается консолидацией экономических и финансовых усилий под эгидой США, которая стала особенно заметна во втором десятилетии XXI века. В результате, несмотря на некоторое абсолютное сокращение военных расходов США в 2012–2014 годах, общая тенденция роста военных расходов Запада

сохраняется, более того, она уже превысила показатели последних лет «холодной войны».

Рис. 26.¹²⁰

Очевидно, что «ядром» противостоящей коалиции может быть только Россия, обладающая необходимым научно-техническим и экономическим потенциалом. Теоретически на эту роль мог бы претендовать Китай, однако вряд ли он будет готов быть только лидером такой коалиции, а не ее полноправным гегемоном.

Поэтому, когда мы рассуждаем об изменении соотношения военных сил и неприемлемом ущербе использования военной силы, необходимо иметь в виду, что стремление ведущих

государств обеспечить себе силовые позиции неизбежно должны быть обеспечены материальными возможностями — соответствующими вооружениями, военной техникой, вооруженными силами и концепциями их использования. Сегодня речь идет, прежде всего, о высокотехнологических и высокоточных системах наступательных и оборонительных вооружений, которые (вкуне с информационными и коммуникационными) средствами составляют единый наступательно-оборонительный комплекс. Эти средства, как видно из рисунка, стремительно развивались в последние 20 лет, что отражает очевидную тенденцию создания все более совершенных средств ведения войны. Прежде всего в области ВТО, ВКО и систем боевого управления ими.

Ложные рассуждения о «недопустимости войны», ее «невозможности», «аморальности» и «бесчеловечности» не имеют ничего общего с реальной политикой. Политические декларации имеют некоторый смысл лишь до определенной степени. В действительности мы наблюдаем стремительное и бесконтрольное развитие ВВТ по всем направлениям, которые достаточ-

но четко определяются военно-политическим руководством ведущих государств. Что видно из простого подсчета появления новых систем оружия, проведенного экспертами¹²¹.

Главной целью в Евразии в среднесрочной перспективе становятся Казахстан, Киргизия и Таджикистан, против которых ведется системная и последовательная политика, направленная на дестабилизацию. Центром военной активности США в Средней Азии, помимо Киргизии, стал Таджикистан, отмечается в пресс-релизе армии США. В Таджикистане Центральное командование ежегодно проводит от 50 до 60 программ и мероприятий в сфере безопасности (в 2011 г. — более 70)¹²². В частности, закончено строительство Национального центра боевой подготовки, создаются системы межведомственной связи для правительства Таджикистана, построен мост через реку Пяндж с пограничным и таможенным постами на таджикско-афганской границе — комплекс, который «способствует увеличению коммерческого обмена, укрепляющего связи Таджикистана с его южным соседом»¹²³.

Проникновение США в Евразию идет по всем направлениям. Так, институт иностранных языков Министерства обороны США провел два 16-недельных курса английского языка для таджиков, закончена реконструкция Академии МВД Таджикистана, оказывается содействие в обучении кадров. Построены пограничные заставы в Шурабаде и Яхчи-пуне, там даже установлены «полы с обогревом»¹²⁴! Военный партнер Таджикистана — Национальная гвардия штата Вирджиния — также расширяет военное сотрудни-

Карта ядерных держав мира

Согласно договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), ядерными державами являются государства, осуществившие ядерный взрыв до 1.01.1967 г.

чество: проведение боевой подготовки и обмен информацией в 2011 г. дополнены формированием «миротворческого подразделения», подготовкой «ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций» и военно-гражданской медицинской готовности¹²⁵ — отмечает российский эксперт Г. Бородин. Отчасти именно эти тенденции ведут к росту «привлекательности» ядерного оружия, которое стремительно расползается по Евразии.

Думается, что полагаться в очередной раз на «асимметричный ответ», развивая СЯС

России, уже нельзя. Реальность такова, как она описывается серьезными исследователями в области ядерной стратегии. Как отмечают эксперты, в 1998 году из 6 тыс. ЯБЗ российских СЯС гарантированно достигли бы США не более 600 (т. е. 10 %). Но на самом деле ситуация выглядит еще сложнее. Как отмечают эксперты, «Выполнение планов ядерной войны обеспечивается поддержанием в ВС США боезапаса около 5000 ядерных боезарядов (ЯБЗ), а во Франции, Великобритании и Китае ядерного боезапаса

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ РОССИИ И США			
	НАЗЕМНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	МОРЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	ВВС
РОССИЯ ВСЕГО 2825 боеголовки	1357 боеголовки 68 Межконтинентальные баллистические ракеты Р-36МУТХ и Р-36М2 (SS-18) 72 Межконтинентальные баллистические ракеты UR-100НУТХ (SS-16) 180 Подводные крылатые ракеты Вулкан (SS-20) 50 Крылатые ракеты Тучка-М крылатых базирования (SS-21) 15 Мобильные комплексы Тучка-М (SS-27)	612 боеголовки 13 Ракетный подводный крейсер стратегического назначения (РПКСН): 7 пр. 667БДР (Delta IV), 5 пр. 667БДР (Delta V) Начет: 292 пусковых установки * Ракетный комплекс с ракетой Р-29Р (SS-N-18) * Ракетный комплекс с ракетой Р-29ВР (SS-N-23) * Ракетный комплекс с ракетой Р-29РМВ2 «Самолет»	856 крылатых ракет 14 Бомбардировщики Ту-160 (Blackjack) 63 Бомбардировщики Ту-95МС (Bear H) * Бомбардировщик Ту-22М3
США ВСЕГО 5900 боеголовки	1700 боеголовки 50 Межконтинентальные баллистические ракеты LGM-118А Peacekeeper (SM-3) 500 Межконтинентальные баллистические ракеты LGM-30С «Minuteman III»	3168 боеголовки 18 Подводная лодка океанов с баллистическими ракетами (SSBN): класс «Ома» SSBN-598 (SSBN) Начет: 144 Пусковые установки с BRYE «Columbia» 288 Пусковые установки с BRYE «Columbia»	1098 крылатых ракет Точечные бомбардировщики: 81 B-1 20 B-2 142 B-12

Источник: Стратегический международный институт исследований мира (СИММ). Данные на 2008 год.

по 200–300 ЯБЗ у каждой страны. К югу от РФ, в Азии, находятся все остальные ядерные страны мира, осуществляющие качественное и количественное наращивание ядерных вооружений (сначала ближней, затем средней, и потом большой дальности) — Израиль, Индия, КНДР, Пакистан. С завершением создания в Иране шиитской ядерной бомбы вокруг РФ почти замкнется дуга из ядерных стран»¹²⁶.

В этих условиях дальнейшее сокращение СЯС России и США становится все более проблематичным, тем более, что это сокращение не затрагивает ядерные потенциалы союзников США и не связано, как прежде, с ограничениями по развертыванию НПРО. Тем более такие сокращения не связываются с массовым производством стратегических неядерных вооружений.

Не случайно, США категорически отказываются вести переговоры об ограничении неядерных стратегических вооружений. Так, «при обсуждении п. 2 ст. V ДСНВ американская сторона заявила, что новые виды неядерных вооружений, обладающие стратегической дальностью, не будут ею рассматриваться в качестве «новых видов СНВ», подлежащих ограничениям нового договора. Тем самым она дала понять, что программы, развиваемые в рамках концепции БГУ, не будут ограничиваться новым Договором.

К настоящему времени США находятся на этапе НИОКР по программам БГУ, решения о том, какие именно системы будут развернуты, пока окончательно не принято. Вместе с тем, можно предположить, что новый Договор СНВ

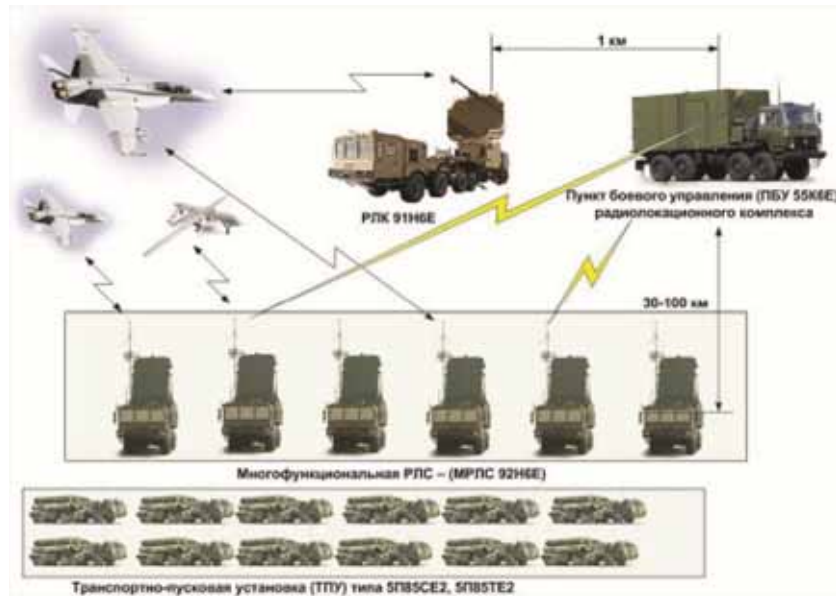
не будет создавать каких-либо препятствий для развития или ограничений на развертывание в отношении следующих перспективных типов стратегических неядерных вооружений:

- Тяжелых бомбардировщиков (ТБ), переоборудованных в носители неядерных вооружений, включая неядерные баллистические ракеты «воздух — земля» (БРВЗ) и неядерные КРВБ большой дальности. В частности, Договор не будет запрещать развертывание неядерных КРВБ большой дальности на ТБ В-1В.
- Новых ТБ, оснащенных для неядерных вооружений, включая неядерные БРВЗ и неядерные КРВБ большой дальности.
- Боевых самолетов, не являющихся ТБ (дальность менее 8000 км), но вооруженных неядерными КРВБ большой дальности.
- Крылатых ракет наземного и морского базирования с дальностью более 5500 км в неядерном оснащении¹²⁷.

Понятно, что в России анализируют ситуацию и предпринимают действия по ее нейтрализации. В том числе в области ВКО. Конкретно речь идет о программе воздушно-космической обороны (ВКО), являющейся приоритетом Государственной программы вооружения до 2020 года (ГПВ-2020). Но вопрос заключается в том, насколько быстро и эффективно эта программа может быть реализована.

Другая проблема — создание объединенной ВКО ОДКБ или СНГ.

В 2011 году на базе Космических войск был сформирован новый род войск — войска ВКО.

В ГПВ-2020 на программу выделено порядка 20 % всех средств — около четырех триллионов рублей (примерно 130 млрд долл.), что в принципе сопоставимо с затратами США на глобальную ПРО. Помимо модернизации существующих и создания новых элементов системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), планируются массовая закупка зенитных ракетных комплексов С-400 «Триумф» и С-500, модернизация Московской системы ПРО (А-135), а также главное — создание интегрированной информационно-управляющей системы ВКО¹²⁸. Предусматривается, что система управления создается в рамках ряда ОКР, система уничтожения МБР, КР и ВТО — С-500.

Вместе с тем остаются без ответа два главных вопроса: создание единого командования и системы управления всеми силами и средствами ВКО России, а в перспективе — ОДКБ и других государств, а также создание системы, способной уничтожать ВТО, неядерные стратегические вооружения, МБР, БРПЛ стратегических сил возможных агрессоров. Решение этих задач представляется неизбежным и будет необходимым еще до 2020 года. На доктринальном, политическом и военно-техническом уровне эти задачи должны решаться уже сегодня, ибо от того, как они будут решены, зависит реализация всей идеи ВКО и обеспечение безопасности Евразии.

4.10. Сценарий сохранения «ядерного сдерживания» в Евразии

... обе структуры (СНГ и ОДКБ) являются скорее имиджевыми, нежели реально функционирующими...¹²⁹.

А. Дубнов,
обозреватель «Московских новостей»

Традиционная концепция стратегической стабильности, ... состоит в том, что ... безопасность обеих сторон обеспечивается их обоюдной возможностью причинить друг другу неприемлемый ущерб в ответном ударе, даже приняв на себя первый удар противника¹³⁰.

А. Арбатов,
академик РАН

То, что на протяжении десятилетий предотвращало глобальную войну, — «ядерное сдерживание» или возможность взаимного

гарантированного уничтожения (MAD), — похоже, в начале XXI века уже перестает существовать. То произошло в период нарастания

Табл. 8. Приоритеты поражения объектов тыла страны по взглядам командования армии США¹³¹

Уровни приоритетов	Последовательность	Поражаемые объекты
I	1 2 3 4 5 6 7 8	1. Пункты управления.
		2. Узлы связи, радиовещательные станции и телецентры.
		3. Узлы железных дорог.
		4. Железнодорожные мосты основных направлений.
		5. Автодорожные мосты федеральных дорог.
		6. Морские и речные порты, аэропорты, базы.
		7. Насосные станции трубопроводов.
		8. Склады резервов.
II	1 2 3 4 5	1. Атомные электростанции.
		2. Гидроэлектростанции.
		3. Тепловые электростанции.
		4. Подстанции ЛЭП.
		5. Склады ГСМ, нефтебазы.
III	1 2 3 4 5	1. Нефтеперерабатывающие и химические производства.
		2. Предприятия оборонного комплекса.
		3. Предприятия цветной и черной металлургии.
		4. Предприятия машиностроения.
		5. Предприятия по производству электрооборудования.

нестабильности в мире и стремительного роста военно-политического противостояния. «Остатки» сдерживания уже не гарантируют от начала войны в период резкого обострения. Новые реалии XXI века, в особенности мировой системный кризис 2008–2012 годов, показали, что мир стоит на пороге радикальных изменений в экономической и социально-политических областях, которые не могут не отразиться на военно-политической области и, прежде всего, на сценариях развития ВПО и СО.

Таким образом, мы наблюдаем классический последовательный переход неблагоприятного сценария развития МО в еще менее неблагоприятный сценарий развития ВПО, который в наибольшей степени ориентирован на Евразию по следующим причинам:

1. Взаимное гарантированное уничтожение с политической точки зрения не является больше средством, противодействующим эскалации конфликтов в Евразии. Основ-

ные центры силы и противоборства сосредоточены в Евразии и противоречия между ними развиваются по нарастающей.

- Одновременно наблюдается стремительный рост военной мощи государств Евразии и США, который сопровождается резким увеличением военных расходов, количества и качества ЛС и ВиВТ.
- Создаются новые ВиВТ, прежде всего ВТО, способное выполнять стратегические задачи, которые ранее решались с помощью ЯО, в частности, уничтожение важнейших политических, военных и экономических объектов. Так, приоритетность таких объектов (в том виде как ее видят российские исследователи) выглядит следующим образом (табл. 8).
- Создание глобальной системы ПРО предполагает резко возросшую в будущем возможность защиты от уцелевших после нападения стратегических сил в ответном ударе.

Причем первый удар по СНВ может быть массированным применением ВТО, что позволит сохранить нападающей стороне в качестве дополнительной угрозы стратегические наступательные силы.

Таким образом мы наблюдаем два, прямо противоположных сценария развития возможного военного конфликта в Евразии в условиях, когда политические и иные противоречия делают все более неизбежным применения военной силы.

Сценарий №1 «ядерного сдерживания» в Евразии.

Этот сценарий предполагает, что военное столкновение можно предотвратить, если государства Евразии (или союз, блок, коалиция) обладают потенциалом «ядерного сдерживания». В разной степени такой подход разделяют не только руководство России, Китая, Индии и Пакистана, но и Японии и других стран Евразии.

В соответствии с таким сценарием необходимо для всех стран на континенте в той или иной степени придерживаться следующих принципов:

- сохранение возможности при любых обстоятельствах для нанесения ответного ядерного удара. Этот принцип предполагает модернизацию и наращивание ЯО, систем боевого управления и др. мероприятий;
- сохранения возможности на разных этапах неядерного конфликта эффективно вести боевые действия, не прибегая к ядерному оружию;
- не участвовать в мероприятиях по ограничению ЯО;
- обеспечивать себе постоянный рост политико-экономической и военной мощи в регионе.

Сценарий №2 «ядерного сдерживания» в Евразии

Этот сценарий, как представляется, становится главным будущим сценарием для США в Евразии. Он развивается в соответствии со следующими принципами:

- создание стратегического наступательного потенциала ВТО, способного поразить все важнейшие объекты противника в Евразии;
- создание стратегического оборонительного потенциала США, способного обеспечить защиту от ответного удара;

— проведение мероприятий по:

- ограничению и сокращению ЯО в мире и в Евразии, включая его запрет в неядерных государствах;
- недопущение ограничения и сокращения ВТО и других видов и систем ВиВТ, необходимых для уничтожения ЯО;
- международно-правовые ограничения по распространению ЯО и новых технологий.

Иногда может сложиться впечатление, что в мире хаотично и бесконтрольно нарастает протест против ЯО и «вдруг» активизируются мероприятия по его сокращению и уничтожению

Однако процесс «самоуничтожения» ядерного сдерживания происходит отнюдь не случайно, хаотично, без влияния со стороны. С самого начала установления ядерного равновесия в конце 60-х годов, которое стало первопричиной «разрядки» и положило начало контролю над вооружениями, США стремились избавиться от «неудобства» такого равновесия. Оно серьезно ограничивало их возможности использовать военную силу в мире, а, главное, не позволяло им форматировать международные отношения под американское единоличное лидерство. Сегодня это «неудобство» превратилось в серьезное препятствие для США потому, что новые центры силы вполне сознательно создают свои военные инструменты, включая ЯО. При этом речь идет не только о КНР, Индии, Пакистане, но и о других потенциальных владельцах ядерного потенциала.

Даже в 90-е годы XX века, когда были уничтожены Организация Варшавского договора и СССР, а Россия во многом перестала быть суверенной державой, стремительно теряя последние атрибуты ядерной мощи, существование самой возможности ядерного удара со стороны России воспринималось как единственный реальный сдерживающий фактор и атрибут великой державы, которые явно и скрыто влияли на амбиции и активность американской внешней политики. Поэтому в XXI веке для США «ядерное сдерживание» превратилось уже не только в преграду для использования военной силы по отношению к СССР/России, но и в глобальное препятствие для наращивания американского мирового лидерства.

Борьба за контроль над геополитическим пространством, транспортными коридорами и ресурсами, которая усиливается в XXI веке,

неизбежно повлечет за собой дальнейшую активизацию американской силовой политики. Эта тенденция усилилась в последние два десятилетия (Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, Украина и др.), но она при этом объективно сдерживалась отсутствием монополии США на применение ОМУ. Эти конфликты, есть все основания так полагать, развивались бы совершенно по-иному, если бы не было «ядерного сдерживания». Для Сирии, Ирака, Югославии применялись бы совершенно иные сценарии ведения вооруженной борьбы.

Собственно это «неудобство» для США объясняет очень многое в их внешней и военной политике, в частности, например, стремление быстро сократить и даже уничтожить СЯС, да и все виды ОМУ, но, главное, создать стратегический неядерный потенциал, способный вернуть военной силе США способность быть «используемым» инструментом политики. И это «неудобство» становится неприемлемым для США в XXI веке в период обострения мировых противоречий.

Это же «неудобство», в конечном счете, объясняет и фанатичную приверженность США к созданию глобальной системы ПРО, размещению ее компонентов по периметру границ России, в Европе и АТР. Создание глобальной ПРО — обязательное условие и предпосылка отказа от политики «ядерного сдерживания», которая стала абсолютно неприемлемой для США. По сути отказ от ПРО означал бы для США отказ от идеи ликвидации «ядерного сдерживания» и сохранения определенного внешнего влияния и даже контроля над использованием ими военной силы.

Это же «неудобство» лежит в основе решений о развитии крупных программ БЛА, КР

всех типов базирования, роботизирования ВС, ВМФ и авиации. Надо отчетливо понимать, что решения о разработке крупных программ ЯО будут находиться под прямым воздействием успеха или неудачи в политике «ядерного сдерживания». Очевидная «потеря интереса» США к ядерному оружию (в т. ч. переоснащение его носителей на неядерные боеприпасы) вызвана, прежде всего, надеждами на ликвидацию «ядерного сдерживания».

Сегодня влияние «ядерного сдерживания», в том числе и на интеграционные процессы в Евразии, недооценивается, хотя, по сути, успех, например, европейской интеграции объясняется не столько экономическими мотивами, сколько интересами безопасности и военно-политического сотрудничества в Европе. В этой связи ключевым вопросом является вопрос о том, насколько лет еще хватит «остатков» «ядерного сдерживания». Ясно, что речь идет не о десятилетиях, а о годах, но... все-таки.

С этой точки зрения сценарий укрепления «ядерного сдерживания» по самым различным направлениям евразийского и даже более широкого — международного — сотрудничества, представляется вполне перспективным. Концепция «ядерного сдерживания» в свое время оказалась эффективной во время октябрьского (1962 г.) кризиса на Кубе. В дальнейшем она также использовалась в более опосредованной форме. Поэтому есть все основания полагать, что потенциал «ядерного сдерживания» может быть реанимирован не только применительно к интересам России и ее ближайшим союзникам, но и превращен в концепцию «расширенного» ядерного сдерживания, предполагающую участие других государств.

4.11. Сценарий развития стратегического неядерного оружия

Единство, целостность и суверенитет России безусловны¹³².

*В. Путин,
Президент России*

Опасна продолжающаяся недооценка значения военно-политических аспектов евразийской интеграции, способных укрепить «ядерное сдерживание». Девальвация «ядерного сдерживания» разрушает и саму идею евразийской интеграции, а с ней ставит под сомнение и стратегическую

роль России в мире и в Евразии. Это противоречие с неизбежностью ставит вопрос о формировании нового внешнеполитического и военно-политического курса евразийских держав. По этому поводу ректор МГИМО(У) А. Торкунов справедливо заметил: «Россия — „срединный

континент“» (между Китаем, Тибетом и «западным полуостровом» — Европой), «сухопутный океан, пространство российской цивилизации..., называемой Евразией, оказалась перед необходимостью выработки нового внешнеполитического курса...»¹³³.

Концепция «ЕвразВКО» определенно исходит из необходимости укрепления режима ядерного сдерживания и недопущения понижения порога использования ядерного оружия и распространения ядерного сдерживания за пределы традиционно ядерных государств — США, России, КНР, Великобритании и Франции, а также включения в понятие «ядерное сдерживание» неядерного компонента и ВКО.

Представление о ядерном сдерживании в XXI веке должно формироваться с учетом появления и массового распространения неядерных стратегических вооружений и, видимо, неизбежном массовом распространении систем ВКО не только в ядерных государствах, но и повсеместно в других странах.

Гиперзвуковой модуль, разрабатываемый в рамках программы PromptGlobalStrike, неядерное оружие стратегической досягаемости

Еще в 2003 году, описывая возможные сценарии будущей войны, И. Капитанец писал: «В основе замысла вероятного начала агрессии заложена идея о возможности одновременно уничтожения Стратегических ядерных сил (СЯС) РФ обычными боезарядами крылатых ракет (КР) в первом «обезоруживающем ударе». Цель первого удара достигается применением высокоточных крылатых ракет большой дальности преимущественно морского базирования. Этим оружием в первом, массированном, одновременном, «обезоруживающем» ударе подавляются: командные пункты (КП) и грунтовые пусковые установки (ГПУ) РВСН, объекты ПВО, аэродромы, командные пункты армии, системы

управления и связи, выводятся из строя важнейшие военные объекты и информационные центры.

По мнению американских аналитиков, первый удар США может считаться достаточным и эффективным только в случае, если будут гарантированно уничтожены более 85 % сил СЯС РФ (от численности ЯБЗ РФ в 2010 г. по договору СНВ-3 2003 г.)¹³⁴. В этом случае США удастся избежать невосполнимого ущерба для своей территории, так как американская ПРО будет в состоянии уничтожить практически все баллистические ракеты РФ (или большую их часть), запущенные в ответном ударе¹³⁵.

После выхода США из договора по ограничению ПРО в 2002 г. противоракетная оборона США непрерывно развивается и совершенствуется. В случае успешности работ по совершенствованию ПРО США к 2020 г. процент допустимо не уничтоженных сил СЯС РФ может повыситься до 30–25. Носителями высокоточных крылатых ракет с обычными боезарядами являются крейсера УРО, эсминцы УРО, подводные лодки и стратегические бомбардировщики и (что возможно, хотя и запрещено действующими договоренностями) грунтовые ракетные установки (ГПУ КР)»¹³⁶.

Соответственно, по мере увеличения дальности КР и появления ГЗЛА, районы, из которых потенциально могут наноситься удары, значительно расширяются. Что и происходит сегодня.

Важен и другой аспект: реализация планов возможного использования неядерного ВТО в стратегических целях возможна только в том случае, если будет развернута глобальная система ПРО, гарантирующая защиту от уцелевших СЯС ответного удара со стороны России.

И, наоборот, — невозможность нанесения «разоружающего» удара может быть обеспечена только посредством создания эффективной системы ВКО страны (либо значительного числа объектов), либо... нанесения упреждающего удара по ПУ КР и местам сосредоточения ВМФ США и ПЛА. Выбор — политический и заведомо невыигрышный для России, если она будет делать ставку на упреждающий удар¹³⁷. Но, с другой стороны, она уже поставлена перед фактом возможного «разоружающего» удара со стороны США с помощью КР разных типов базирования. В этом ударе СЯС США играют второстепенную роль, а создающаяся система ПРО — основную. И чем глубже будут

сокращения потенциалов СНВ России и США, тем сильнее будет проявляться эта тенденция. Тем более, что развитие и модернизацию СНВ России вряд ли можно назвать достаточными. Как заметил С. Топалов, описывая эту сложную взаимосвязь: «Почему-то они никогда не задумывались над тем, сколько из стоящих на дежурстве межконтинентальных баллистических ракет (МБР) не сможет стартовать из шахт по причине технической неисправности, а из стартовавших сколько по той же причине не преодолеет и полпути до территории противника, сколько боевых блоков будет уничтожено противоракетной обороной (ПРО) противника, сколько из прорвавшихся сквозь ПРО боеголовок упадет слишком далеко от объекта поражения или сработает не на полную мощность. Но, главное, при рассмотрении вопросов ядерного противостояния большинство авторов заклиниваются на сценариях классической ядерной войны, когда агрессор поражает стратегические объекты противника исключительно ядерными средствами. Для них до сих пор остается незамеченной провозглашенная Америкой еще в 1980-х годах теория глобальной неядерной войны»¹³⁸.

Экспериментальный гиперзвуковой аппарат X-51, элемент системы PromptGlobalStrike

Между тем потенциальную стратегическую ситуацию заведомо осложняют программы массированного развертывания ВТО в неядерном и ядерном («чистом») варианте сверхмалой мощности¹³⁹. По разным оценкам, к 2015 году предполагалось, что США будут иметь до 100 тыс. единиц ВТО¹⁴⁰.

Опыт последних конфликтов также весьма показателен. Так, ноябрьская война 2012 года в Секторе Газа показала, что, во-первых, с помощью высокоточных средств поражения Израиль уже в первые часы не только ликвидировал часть руководства ХАМАС, но и большинство иранских ракет «Фаджр-5» и прочих ракет, способных наносить удары до 40–75 км, качественно изменив военную ситуацию в свою пользу.

Во-вторых, созданная Израилем тактическая система ПРО «Железный купол» доказала свою эффективность, обнаруживая 100 % запущенных неуправляемых ракет, уничтожая (по оптимистичным оценкам) до 90 % (система способна прогнозировать их попадание, не уничтожая те ракеты, которые попадут в незащищенную зону). Территория, которая эффективно прикрывается одной батареей, достигает 150 км², дальность поражения 4–70 км (по некоторым сведениям — 150), а высота — 10 км. Такая эффективность позволила свести потери до минимума. За 2011 год при 229 ракетных обстрелах погибло всего три человека.

Таким образом, сочетание высокоточных неядерных средств поражения и систем противоракетной обороны продемонстрировало очень высокую эффективность: фактически за несколько дней было уничтожено военно-политическое управление, средства поражения (включая подземные ПУ) при минимальных

потерях гражданских лиц и полностью нейтрализован потенциал ответного удара.

Этот пример демонстрирует не только эффективную интеграцию средств нападения и обороны в современной войне, но и возможность одной небольшой страны (пусть высокоразвитой) создавать эффективный наступательно-оборонительный потенциал, а также реализовывать высокоточные неядерные системы поражения, включая современные возможности ПРО и ПВО. Поэтому, когда говорят о создании региональной (региональных), а тем более глобальных систем ПРО, следует иметь в виду, что, в отличие от 70-х годов прошлого века, необходимо учитывать как принципиально новые возможности неядерных средств нападения и защиты, так и их комплексное использование. Так, в США разрабатываются гиперзвуковые ЛА разных типов, способные летать со скоростью до 10 М, т. е. преодолеть расстояние в тысячу километров менее, чем за 5 минут¹⁴¹. Собственно этот потенциал и лег в основу концепции «Быстрого глобального удара» (PromptGlobalStrike), предполагающей нанесение в течение часа разоружающего удара неядерными боеприпасами в любой точке мира. Некоторые неудачи, которые постигли американцев на этом направлении, не должны обескураживать. То, что эта проблема решается технически, доказал еще опыт СССР, где еще в 1990-х годах была создана лаборатория «Холод» на базе ракеты ЗРК С-200. «В ходе летного испытания ракета сумела развить скорость в 5,2 числа Маха (около 6 тыс. км/ч). На основе этого проекта машиностроительное КБ „Радуга“ в Дубне разработало стратегическую крылатую ракету Х-90, более известную на Западе как АS-X-21. Неприязательный с виду аппарат длиной 12 м и со складывающимися крыльями размахом 7 м, будучи запущен с борта Ту-160М, улетает со скоростью 5 М за 3 тыс. км, имея на борту две ядерные боеголовки индивидуально наведения. Х-90 была способна подниматься на высоту более 30 км и активно маневрировать в полете»¹⁴².

По оценкам военных специалистов, гиперзвуковые средства воздушного нападения характеризуются очень малой уязвимостью в современной системе ПВО. Это объясняется чрезвычайно малым временем обстрела гиперзвуковой цели, узким «окном пуска». По этой характеристике гиперзвуковые средства

поражения превосходят системы, создаваемые с использованием стелс-технологий, где сужение «окна пуска» достигается не высокой скоростью, а низкой заметностью и, соответственно, уменьшенным радиусом их обнаружения. В то же время, использование стелс-технологий в разработке гиперзвуковых средств поражения потенциально способно сделать их практически неуязвимыми для всех существующих и создаваемых систем ВКО. Такие разработки уже ведутся.

Уже сегодня для многих ясно, что создание ЕвроПРО в Европе и других регионах планеты не ограничится третьей и четвертой фазами — за ними неизбежно последуют другие, но вот сколько их будет и какие в итоге системы ПРО будут созданы, где они будут развернуты, — остается до сих пор загадкой. Уже говорят о системе ПРО в Юго-Восточной Азии и глобальной ПРО. Как справедливо заметил Д. Рогозин, «На вопрос: „А будет ли после третьей, четвертой фазы пятая, шестая, седьмая...?“ ... нам улыбаются в ответ. Конечно, мы понимаем, что после четвертой фазы будут и пятая, и шестая, седьмая»¹⁴³. Видимо, процесс развертывания систем ПРО необратим. Поэтому есть смысл говорить не терминами XX века, вспоминая о Р. Макнамаре и стратегии взаимного гарантированного уничтожения (MAD — MutualAssuredDestruction), а использовать новые категории.

Нельзя исходить, например, как считают некоторые авторы, в т. ч. в России, что решению об использовании СЯС будет предшествовать кризисный период, который исключает нанесение внезапного ядерного удара или массированного использования высокоточных неядерных средств поражения. Вот почему любое движение в создании региональных ПРО предполагает изначально высокую степень риска, непредсказуемости.

«Евразийский аспект» американской системы ПРО хорошо известен, хотя о нем говорят значительно меньше, чем о европейском. Как отмечает эксперт В. Евсеев, «далеко не всегда замечается, что создаваемая американцами система ПРО носит глобальный характер, а основные ее компоненты развернуты не в зоне ответственности НАТО, а в далеком от Европы Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Этот восточный сектор противоракетной обороны планируется создать от Австралии через Филиппины, Тайвань, Республику Корею

и Японию до Аляски. Ее составными частями являются американские военные объекты на Гавайских островах и в Калифорнии. Несомненно, что создаваемая система направлена против все более усиливающегося основного американского геополитического противника — Китая, хотя с формальной и пропагандистской точек зрения она предназначена для отражения северокорейских ракетных угроз»¹⁴⁴.

Не стоит забывать в этой связи о НАТО, который превратился в военно-политический союз, претендующий на глобальную ответственность. Как отмечают эксперты МГИМО(У), анализирующие его деятельность, «Партнерство с „восходящими державами“ — Китаем, Индией, „форматом“ БРИКС или тем более ОДКБ не относится к приоритетным задачам НАТО (несмотря на заинтересованность в кооперативной безопасности). Подтверждается „обычный“ эгоцентрический подход Североатлантического альянса, исключающий какие-либо изменения курса на военно-политическое доминирование в Европе и мире, признание реального равноправия и взаимный учет интересов в области безопасности. Содействие урегулированию международных проблем и кризисных, конфликтных ситуаций рассматривается не с позиции обеспечения всеобщей безопасности, а исключительно в контексте интересов членов альянса и в соответствии со статьей 5? Вашингтонского договора 1949 года.

В современной стратегии НАТО институционализована политика новых азимутов вне атлантической зоны ответственности, „свобода рук“ в географических координатах от Японии до Австралии и Новой Зеландии. К политике „эффективного и гибкого партнерства“, своего рода „инновационной системе“ в рамках продвигаемой доктрины „кооперативной безопасности“, предполагается подключить эвентуальных партнеров по всему миру, включая Монголию»¹⁴⁵.

Таким образом, и военно-политически, и военно-технически США целенаправленно расширяют свое глобальное присутствие, которое должно быть обеспечено, прежде всего, средствами воздушно-космического нападения и защиты. И если политика «ядерного сдерживания» России еще какое-то время может работать, то ее необходимость в АТР и Евразии уже отпала.

Не стоит исключать полностью из этой логики и собственно Китай, военные возможности

которого стремительно увеличиваются вслед за экономическим потенциалом, а политические амбиции существенно возрастают. Смена политического руководства страны осенью 2012 года мало что проясняет. С одной стороны, новый генсек Си Цзиньпин считается близким к военной элите, а, с другой, он «психологически возлагает очень большие надежды на продолжение хороших связей с США»¹⁴⁶.

Неопределенность в оценке внешнеполитического курса Китая сохраняется, тогда как приобретение им потенциала СНВ и ПРО стало реальностью, не позволяя игнорировать замечания некоторых исследователей о том, что Китай может договориться с США за счет России. Таким образом в уравнение ядерного сдерживания последних лет добавляется новый компонент — стратегические и оборонительные возможности Китая.

Стратегическая стабильность в мире на протяжении шести десятилетий обеспечивалась ядерным сдерживанием — возможностью СССР (России) и США нанести ответный удар, который свел бы к нулю вероятные политические и военные преимущества от использования ядерного оружия. Нравится это или нет, но такая ситуация на протяжении всего периода удерживала стороны от прямого военного столкновения даже в тех случаях (в Корее, Вьетнаме, на Кубе и т. д.), когда вооруженные силы сторон вступали в непосредственное столкновение. Пока что политические и военные конфликты в мире не ставили под сомнение эту данность, но это отнюдь не означает, что так будет и впредь, что это устраивает США. А, кроме того, объективные процессы развития ВТ средств поражения и обороны демонстрируют стремительную девальвацию представлений о классическом ядерном сдерживании.

Сегодня есть все основания полагать, что при стратегическом прогнозировании и планировании нужно исходить из того, что ядерное сдерживание стремительно превращается в некий анахронизм, который сможет просуществовать какое-то время, если будет продолжена модернизация СЯС и прекратятся их сокращения, а сами стратегические вооружения и системы управления ими будут надежно защищены ВКО.

Кроме того, эти меры должны учитывать и необходимость нейтрализации кибер атак, информационного воздействия и обладать способностью уничтожать стратегические ВТО.

- ¹ Россия и мир: 2014. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. Проекта — А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 89.
- ² Петухов О. Н. Сайт Томского политехнического университета / http://portal.tpu.ru/SHARED/o/ONPETUKHOV/Study/Strategic-planning/Tab/Lectures_on_the_discipline_of_Strategic-Planning_outcome.pdf. С. 53.
- ³ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.
- ⁴ Крупнов Ю. В России к концу XXI в. останется 80 млн человек / Аргументы и Факты. №29. 2014. 16 июля.
- ⁵ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 592.
- ⁶ Там же. С. 31.
- ⁷ Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. А. В. Коротаев. М.: ЛКИ, 2014. С. 46.
- ⁸ Там же. С. 47 2.
- ⁹ Там же. С. 52.
- ¹⁰ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 101.
- ¹¹ См. подробнее: Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.
- ¹² «U.S. Public, Experts Differ on China Policies: Public Deeply Concerned about China's Economic Power», Pew Global Attitudes Project, September 18, 2012, / www.pewglobal.org/files/2012/09/US-Public-and-Elite-Report-FINAL-FOR-PRINT-September-18-2012.pdf
- ¹³ Барак Обама: действия США позволили добиться изоляции России / ИТАР-ТАСС. 2014. 28 мая / <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1222857>
- ¹⁴ Метатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке (Под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова). М.: Аспект Пресс, 2013. С. 12.
- ¹⁵ Александрова В. Прогноз на 2056 год / Эл. ресурс: «Взгляд». 2006. 3 декабря / <http://vz.ru/society/2006/12/3/59430.html>
- ¹⁶ Транспортная стратегия и экономический рост России. Россия в становлении единой транспортной системы евроазиатского континента. Вестник Евроазиатского транспортного союза. М., 2005. Вып. 2.
- ¹⁷ Объем и структура российского рынка транспортно-логистических услуг / РБК. 2013 / Эл. ресурс: URL: http://www.rbc.ru/reviews/transport2013/chapter_1.shtml
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Выступление В. Путина на 08.07.2014 / <http://russian.rt.com/article/39898#ixzz36zGzbymI>
- ²¹ Иванов считает перспективным объединение Шелкового пути с Транссибом. 09.07.2014 / <http://ria.ru/economy/2014/0709/1015254067.html>
- ²² Концепция формирования Единого транспортного пространства Евразийского экономического сообщества / <http://www.hse.ru/data/2013/12/10/1339246840/O%20KONCEPCI%20FORMIROVANI%20EDINO%20TRANSPORTNOGO.pdf>
- ²³ Тулунов Д. С. Арктическая дипломатия — новый феномен мировой политики // Россия в глобальной политике. 2013. 31 августа.
- ²⁴ Синютин С. Дороги будут! // Транспорт России / <http://www.transportrussia.ru/transportnaya-politika/dorogi-budut.html>
- ²⁵ Бордачев Т. В. Будущее Азии и политика России // Россия в глобальной политике №2. 2006. Март–апрель.
- ²⁶ Дашковский И. Торговцы перекроют карту мира // РБК. 2011. 29 августа.
- ²⁷ Мнение: Арктика — вот настоящий банк России // ИА REGNUM. 2013. 19 марта.
- ²⁸ Дноуглубительные суда готовятся к переходу из Мурманска в Сабетту // ИА «Би-порт». 2013. 24 июля.
- ²⁹ KojiSekimizu NorthernSeaRoute, Days 4 and 5, 18–19 August 2013
- ³⁰ Тулунов Д. Потенциал Северного морского пути // РСМД. 2012. 9 июля.
- ³¹ Исаев Р. Г. Перспективы развития Северного морского пути и Мурманского транспортного узла. Отчет о результатах исследования / Мурманск. 2012. С. 19.
- ³² NilsenThomas. Южная Корея снабжает Финляндию авиационным топливом по Севморпути // BarentsObserver. 2012. 26 ноября.
- ³³ Российский Северный морской путь связал Корею и Финляндию // Администрация Ненецкого автономного округа. 2012. 30 октября.
- ³⁴ Тулунов Д. С. Арктическая дипломатия — новый феномен мировой политики // Россия в глобальной политике. 2013. 31 августа.
- ³⁵ Южная Корея пойдет Северным морским путем // ИА «Федералпресс». 2013. 31 июля.
- ³⁶ Рогов С. М. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. 2013. 6 мая.
- ³⁷ Федеральный закон Российской Федерации от 28 июля 2012 г. №132-ФЗ вступил в силу 27 января 2013 г.
- ³⁸ Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. М.: Экономика, 2011. С. 342.

- ³⁹ Аспекты безопасности. 1/2013. С. 6 / <http://nato.w-europe.org/bulleting/SecAspects1-2013.pdf>
- ⁴⁰ Тезисы о внешней политике России (2012–2018 гг.) / РСМД. М.: Спецкнига, 2012. С. 9.
- ⁴¹ Там же. С. 12.
- ⁴² Тезисы о внешней политике России (2012–2018 гг.) / РСМД. М.: Спецкнига, 2012. С. 16.
- ⁴³ Загорский А. Радикальное сокращение ядерных вооружений укрепит безопасность России / РСМД. 2013. 21 сентября / http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2538#top
- ⁴⁴ Сценарии возможного военного конфликта РФ и США: комментарий к статье эксперта РСМД Валерия Алексеева. 2013. 6 ноября / <http://www.regnum.ru/news/polit/1728971.html>
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Рогов С. Доктрина Обамы. Властелин двух колец / Эл. ресурс: РСМД. 2013. 6 мая / http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1783#top
- ⁴⁷ Цит. по: Кокошин А. А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник. А. А. Свечин. М.: МГУ, 2013. С. 246.
- ⁴⁸ Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. М.: Экономика, 2011. С. 343.
- ⁴⁹ См. подробнее: Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.
- ⁵⁰ Col. Dr. Catalin-Marius Tarnacop. Arrangements and procedures to assess security risks and national defence requirements / NATO Studies Centre
- ⁵¹ Амурская государственная медицинская академия Кафедра мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф / Основы мобилизационной подготовки здравоохранения Благовещенск 2010 / http://www.amursma.ru/downloads/Zakr/2/Osnovy_mobilizatsionnoy_podgotovki_zdravookhraneniya_.pdf. С. 75.
- ⁵² Едовина Т. Кризис вокруг Украины скажется на кредитных рейтингах стран СНГ // Коммерсант. 2014. 14 мая. С. 8.
- ⁵³ Цит. по: Громыко А. А. Полет его стрелы. М.: Научная книга. 2009. С. 302.
- ⁵⁴ Институт энергетических исследований российской академии наук. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года / <http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf>. С. 46.
- ⁵⁵ Китай призвал Россию и других соседей создать новую архитектуру безопасности в Азии и вместе бороться против «трех зол» / Эл. ресурс: «NEWSru.com :: В мире» 21 мая 2014 г. / <http://www.newsru.com/world/21may2014/colldefense.html>
- ⁵⁶ Миронов Н. М. Тирания меньшинства // Независимая газета. 2014. 14 мая. С. 2.
- ⁵⁷ См. подробнее: Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.
- ⁵⁸ Миронов В. Обходимся своим // Российская газета. 2014. 14 мая. С. 4.
- ⁵⁹ Саква Р. Диалог и разногласия // Российская газета. 2013. 6 ноября. С. 8.
- ⁶⁰ Торкунов А. В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. №6 (27). С. 8.
- ⁶¹ Аспекты безопасности. 1/2013. С. 9 / <http://nato.w-europe.org/bulleting/SecAspects1-2013.pdf>
- ⁶² A summary of SIPRI Yearbook 2013. P. 10 / <http://www.sipri.org/yearbook/2013/filis/SIPRIYB13Summary.pdf>
- ⁶³ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.
- ⁶⁴ База данных по транспортной статистике ЕЭК ООН / http://w3.unece.org/pxweb/quickstatistics/readtable.asp?qs_id=17&lang=14
- ⁶⁵ Внешняя политика России: 2000–2020. Научное издание в 3 томах / РСМД. М.: Аспект Пресс. Т. 1. С. 180.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Яковенко Н. БРИКС: Новый расклад в мире / «ИноСМИ». 2014. 30 апреля / <http://www.inosmi.ru/world/20140430>
- ⁶⁸ Аспекты безопасности. 1/2013. С. 11 / <http://nato.w-europe.org/bulleting/SecAspects1-2013.pdf>
- ⁶⁹ Едовина Т. Кризис вокруг Украины скажется на кредитных рейтингах стран СНГ // Коммерсант. 2014. 14 мая. С. 8.
- ⁷⁰ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010. С. 149–150.
- ⁷¹ Никонов В. А. Стена больше не нужна // Российская газета. 2012. 14 ноября. С. 9.
- ⁷² Арбатов А. Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. №4(65). С. 22.
- ⁷³ National Security Council. The National Security Strategy of the United State of America. Wash, DC.: USGPO, 2002, September, P. 1.
- ⁷⁴ Небренчин С. Иран в евразийском контексте внешней политики России / НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 111.
- ⁷⁵ Взгляд из Китая: глубокие изменения в политико-экономической обстановке АТР в 2012 году // «ЖэньшынъЖибао». 2012. 28 декабря / Эл. ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>
- ⁷⁶ Китайский аналитик Ли Шэньмин: о глобальной роли США в обозримой перспективе 2012. 20 сентября / Эл. ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>
- ⁷⁷ Non-Strategic Nuclear Weapons. FASSpecialReport. №3 / Эл. Ресурс Федерации американских ученых / <http://www.fas.org/pubs/>
- ⁷⁸ Развитие отечественного гиперзвука — реальность / Эл. ресурс «Военное обозрение 2012. 7 ноября / <http://topwar.ru>

- ⁷⁹ Помощник Госсекретаря США Роберт Блейк — о концепции присутствия США в Центральной Азии. 27 июля 2012 г. Эл. ресурс «Фергана» / <http://www.fergananews.com>
- ⁸⁰ U. S. Military Expenditures US. Other Countries / <http://images.yandex.ru>
- ⁸¹ Путин В. В. Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства обороны. 27.02.2013 / Эл. ресурс «Президент России». 2013. 27 февраля / президент.рф
- ⁸² Подберезкин А. И., Боришполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. М.: МГИМО(У). 2014. С. 9.
- ⁸³ A summary of SIPRI Yearbook 2013. P. 10 / <http://www.sipri.org/yearbook/2013/filis/SIPRIYB13Summary.pdf>
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ См. подробнее: Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.
- ⁸⁶ Франция направит войска в пять своих бывших африканских колоний / Чит. по: Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 20 июля / <http://eurasian-defence.ru/>
- ⁸⁷ Воздушно-космические силы будут созданы в РФ 1 января 2016 года / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 20 июля / <http://eurasian-defence.ru/>
- ⁸⁸ Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 133–134.
- ⁸⁹ Рукшин А. Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил // Эл. ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>
- ⁹⁰ Информационный ресурс: «Официальный сайт ЦРУ «TheWorldFactbook» / <http://www.cia.gov/library/>
- ⁹¹ База данных по транспортной статистике ЕЭК ООН / http://w3.unece.org/pxweb/quickstatistics/readtable.asp?qs_id=53&lang=14
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Боришполец К. П. Перспективы экономического развития государств Центральной Азии. Аналитические записки ИМИ МГИМО(У). 2012. Ноябрь. С. 8.
- ⁹⁴ Информационный ресурс: «Официальный сайт ЦРУ «TheWorldFactbook» // <http://www.cia.gov/library/>
- ⁹⁵ Противоракетная оборона США / <http://ru.wikipedia.org/>
- ⁹⁶ Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 134.
- ⁹⁷ Прокуратура Алма-Аты подала иски в суд в отношении ряда казахстанских и зарубежных СМИ / Эл. ресурс «Казахинформ». 12 ноября 2012 г. // <http://www.inform.ru/>
- ⁹⁸ Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый Шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 134.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Саква Р. Диалог и разногласия // Российская газета. 2013. 6 ноября. С. 8.
- ¹⁰² Торкунов А. В. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Международные процессы. 2006. Январь–апрель. Т. 4. №1(10).
- ¹⁰³ Towards a Euro-Atlantic and Eurasian Security Community / Drafting Group. 2011. P. 6.
- ¹⁰⁴ См., например, Гордиенко Д. Военно-политические блоки и институты обеспечения евразийской безопасности / <http://www.fonddiv.ru/>
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Тэвдой-Бурмули А. «Красная линия» НАТО / Эл. ресурс: «Портал МГИМО(У)». 2014. 21 мая / <http://www.mgimo.ru/>
- ¹⁰⁷ См., например, Гордиенко Д. Военно-политические блоки и институты обеспечения евразийской безопасности / <http://www.fonddiv.ru/>
- ¹⁰⁸ America — The Arsenal of Sovereignty. By Prof Mike Marra and Dr James Gordon Department of Military Strategy, Planning and Operations, US Army War College / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2014/marra-gordon_arsenal-of-sovereignty.pdf. С. 2.
- ¹⁰⁹ Alfergood D. Intelligence Spending Drops for a Second Year. October 31st, 2012. / <http://www.fas.org/libeary/2012/10>
- ¹¹⁰ Пентагон испытал гиперзвуковую бомбу АНВ. 2011. 18 ноября / <http://www.infox.ru>
- ¹¹¹ Козин В. П. ЕвроПРО — это установка на первый ядерный удар // Независимая газета. 2012. 27 января. С. 3.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Standard Missile-3 Block IIB Analysis of Alternatives / GAO report, February, 11, 2013.
- ¹¹⁴ Гебеков М. План мероприятий по созданию глобальной системы ВКО США продолжается / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 15 ноября / <http://eurasian-defence.ru>
- ¹¹⁵ Арбатов А. Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. №4(65). С. 20.
- ¹¹⁶ Чит. по: Гебеков М. План мероприятий по созданию глобальной системы ВКО США продолжается / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 15 ноября / <http://eurasian-defence.ru>

- ¹¹⁷ Торкунов А. В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. №5 (26). С. 46.
- ¹¹⁸ Huntington S. Shah Anup / The Arms Trade is Big Business — Global Issues / <http://www.globalissues.org/article/74/the-arms-trade-is-big-business/> 2014. 05 Jan.
- ¹¹⁹ Цит. по: Глазьев С. Предисловие. Подберезкин А. И., Боришполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. М.: МГИМО(У). 2014. С. 3.
- ¹²⁰ Trends in world military expenditure. 2012. P. 1. Sam Perlo-Freeman, Elisabeth Sköns, Carina Solmirano and Helén Wilandh / Sipri Fact Sheet / <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1304.pdf>
- ¹²¹ Вооруженные силы Российской Федерации: модернизация и перспективы развития / под ред. И. Коротченко. М.: Национальная оборона, 2010. С. 27.
- ¹²² CENTCOM, Tajikistan expand security partnership. U. S. Central Command press-release. June 29, 2010. <http://www.centcom.mil/press-releases/centcom-tajikistan-expand-security-partnership>
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Tajikistan: US Government rebuilds border guard facilities in Shurobod // Fergana News Information Agency. June 30, 2011. <http://enews.fergananews.com/news.php?id=2108>.
- ¹²⁵ НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 157.
- ¹²⁶ Маркелл Ф. Б. Калькулятор стратегического сдерживания // Независимая газета. 2012. 31 августа.
- ¹²⁷ Мясников Е. О взаимосвязи стратегических ядерных и неядерных вооружений в новом Договоре СНВ. 2010. 16 июля / <http://www.armscontrol.ru>
- ¹²⁸ Арбатов А. Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. №4(65). С. 21.
- ¹²⁹ Дубнов А. Ташкент ушел, проблемы остались / Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. №4. С. 72.
- ¹³⁰ Арбатов А. Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. №4(65). С. 21.
- ¹³¹ Амурская государственная медицинская академия Кафедра мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф / Основы мобилизационной подготовки здравоохранения Благовещенск 2010 / http://www.amursma.ru/downloads/Zakr/2/Osnovy_mobilizatsionnoy_podgotovki_zdravookhraneniya_.pdf. С. 85.
- ¹³² Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / <http://президент.рф/news.17118>
- ¹³³ Торкунов А. В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. №5 (26). С. 48.
- ¹³⁴ Несложно посчитать, что в этом случае потенциал ответного удара в рамках договоренностей по развернутым боевым блокам СНВ-3 составит не более 230 боеголовок, запускаемых с использованием порядка 50 МБР. Согласно стратегическим оценкам экспертов, для уверенного уничтожения военно-промышленного потенциала США требуется от 700 боевых частей. Таким образом, даже если игнорировать фактор ПРО, ответный удар окажется заведомо недостаточным для гарантированного возмездия.
- ¹³⁵ Буферность системы ПРО США оценивается не менее чем в 500 боевых блоков (без уточнения их типа)
- ¹³⁶ Капитанец И. М. Флот в войсках шестого поколения. М.: «Вече», 2003.
- ¹³⁷ С учетом традиционно большого веса морской компоненты, используемой в качестве платформ для нанесения удара КР, потребуется практически одновременно поразить несколько сотен крейсеров, эсминцев УРО и подводных лодок, что невозможно даже при теоретическом рассмотрении проблемы.
- ¹³⁸ Топалов С. Шаткая концепция эшелонирования стратегических сил // Независимое военное обозрение. 2005. 22 апреля.
- ¹³⁹ «Чистые» ядерные боеприпасы не обязательно ограничены по мощности. Технически вполне возможно создание «чистых» зарядов мегатонного класса. В гонке «классических» ядерных вооружений во главу угла всегда ставилось достижение максимальной мощности заряда, что диктовало использование нейтронных отражателей, изготовляемых, например, из соединений урана. Если мощность не является приоритетом, создание «чистой» бомбы может быть сведено к замене части отражателей на свинцовые поглотители. Это было продемонстрировано в испытаниях «Царь-бомбы», советского ядерного устройства АН602 проектной мощностью в 100 Мт, преднамеренно сниженной до 57 Мт установкой поглотителей вместо части отражателей. Будучи самым мощным испытанным ядерным устройством в мире, она одновременно стала и самым «чистым» из них.
- ¹⁴⁰ Ягольников С., Шушков А. Соединенные Штаты пересматривают ядерную политику. 2008. 10 февраля.
- ¹⁴¹ Обратим внимание на то, что гиперзвуковые ЛА не обнаруживаются существующими системами предупреждения о ракетном нападении, имея время реакции, сопоставимое с МБР.
- ¹⁴² Глобальный ответ. Россия запустит гиперзвуковые ракеты / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. 7 декабря / <http://topwar.ru>
- ¹⁴³ Rogozin D. O. Выступление на научно-практической конференции РСМД «Евроатлантическое сообщество безопасности: мир или реальность». М., 23 марта 2012 г. // РСМД. 2012. №3. С. 52.
- ¹⁴⁴ Евсеев В. В. Восточный рубеж американской ПРО // Независимая газета. 2012. 5 октября. С. 4.
- ¹⁴⁵ Воронин Е. Р. Отношения Россия–НАТО: состояние и перспективы. Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У). 2012. Декабрь. С. 3.
- ¹⁴⁶ Скосырев В. Коррупция может победить Китай // Независимая газета. 2012. 20 ноября. С. 7.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова В.* Прогноз на 2056 год / Эл.ресурс: «Взгляд». 2006. 3 декабря / <http://vz.ru/society/2006/12/3/59430.html>
2. *Арбатов А. Г.* Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65).
3. Барак Обама: действия США позволили добиться изоляции России / ИТАР-ТАСС. 2014. 28 мая / <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1222857>
4. *Белоусов Д. Р.* ОПК и наука: что следует из долгосрочного прогноза. Доклад. Международный форум технологического развития ТЕХНОПРОМ-2013. Новосибирск. 2013. Ноябрь.
5. *Бжезинский З.* В борьбе с российским шовинизмом («TheAmericanInterest», США). Цит. по: Эл.ресурс «ЦВПИ». 2014. 3 июня / <http://eurasian-defence.ru/>
6. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010.
7. *Бордачев Т. В.* Будущее Азии и политика России // Россия в глобальной политике № 2. 2006. Март–апрель.
8. *Боришполец К. П.* Перспективы экономического развития государств Центральной Азии. Аналитические записки ИМИ МГИМО(У). 2012. Ноябрь.
9. Взгляд из Китая: глубокие изменения в политико-экономической обстановке АТР в 2012 году // «ЖэньшынъЖибао. 2012. 28 декабря / Эл.ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>
10. Внешняя политика России: 2000–2020 / РСМД [Под общ.ред. И. С. Иванова]. М.: Аспект Пресс, 2012.
11. Вооруженные силы Российской Федерации: модернизация и перспективы развития /под ред. И. Коротченко. М.: Национальная оборона, 2010.
12. *Воронин Е. Р.* Отношения Россия–НАТО: состояние и перспективы. Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У). 2012. Декабрь.
13. *Гебеков М.* План мероприятий по созданию глобальной системы ВКО США продолжается / Эл.ресурс «Евразийская оборона». 2012. 15 ноября / <http://eurasian-defence.ru>
14. *Гордиенко Д.* Военно-политические блоки и институты обеспечения евразийской безопасности / <http://www.fonddiv.ru/>
15. *Громыко А. А.* Полет его стрелы. М.: Научная книга. 2009.
16. *Дубнов А.* Ташкент ушел, проблемы остались / Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4.
17. *Евсеев В. В.* Восточный рубеж американской ПРО // Независимая газета. 2012. 5 октября.

18. *Едовина Т.* Кризис вокруг Украины скажется на кредитных рейтингах стран СНГ // Коммерсант. 2014. 14 мая.
19. *Загорский А.* Радикальное сокращение ядерных вооружений укрепит безопасность России / РСМД. 2013. 21 сентября / http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2538
20. *Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития* / отв. ред. А. В. Коротаев. М.: ЛКИ, 2014.
21. *Исаев Л. М.* Политический кризис в арабских странах: опыт оценки и типологизации / http://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/dissertaciya_isaev_final.pdf.
22. *Исаев Р. Г.* Перспективы развития Северного морского пути и Мурманского транспортного узла. Отчет о результатах исследования / Мурманск. 2012.
23. Казахстан одобрил создание единой с Россией зоны ПВО / Эл.ресурс «ЦВПИ». 2014. 27 мая / <http://eurasian-defence.ru/>
24. *Капитанец И. М.* Флот в войсках шестого поколения. М.: «Вече», 2003.
25. *Карминский А. М., Черников Б. В.* Методология создания информационных систем: учебное пособие / А. М. Карминский, Б. В. Черников. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИД «ФОРУМ»; ИНЫФРА-М, 2012.
26. *Козин В. П.* ЕвроПРО — это установка на первый ядерный удар // Независимая газета. 2012. 27 января.
27. *Кокошин А. А.,* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А. А. Свечин. М.: МГУ. 2013.
28. *Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С. и др.* Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. А. В. Коротаев. Изд. стереотип. М.: Изд.: ЛКИ. 2014.
29. *Крашенинникова В., Росс А.* В Стамбуле: «Новый шелковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012.
30. *Крупнов Ю.* В России к концу XXI в. останется 80 млн человек / Аргументы и Факты. № 29. 2014. 16 июля.
31. *Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В.* Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. М.: Экономика, 2011.
32. *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; авт. вступ. стат. А. Д. Некипелов. М.: Институт экономических стратегий. Т. V. / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>.
33. *Литовкин В.* Без Генштаба нет армии / Эл.ресурс: «Военное обозрение». 2014. 26 января / <http://topwar.ru/>
34. *Маркелл Ф. Б.* Калькулятор стратегического сдерживания // Независимая газета. 2012. 31 августа.
35. *Метатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке* (Под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова). М.: Аспект Пресс, 2013.
36. *Миронов В.* Обходимся своим // Российская газета. 2014. 14 мая.
37. *Миронов Н. М.* Тирания меньшинства // Независимая газета. 2014. 14 мая.
38. *Мясников Е.* О взаимосвязи стратегических ядерных и неядерных вооружений в новом Договоре СНВ. 2010. 16 июля / <http://www.armscontrol.ru>
39. НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012.
40. *Небренчин С.* Иран в евразийском контексте внешней политики России / НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012.
41. *Никонов В. А.* Стена больше не нужна // Российская газета. 2012. 14 ноября.
42. *Обама Б.* Выступление в академии Вест-Пойнта. 2014. 28 мая // ИТАР-ТАСС / <http://itar-tass.com/>
43. *Подберезкин А. И., Боришполец К. П., Подберезкина О. А.* Евразия и Россия. М.: МГИМО(У). 2014.
44. *Подберезкин А. И.* Военно-политический и стратегический характер современных внешних и внутренних военных угроз и возможный прогноз до 2020 и 2030 годов / Эл.ресурс: «Наследие». 2014. 9 февраля / <http://www.nasled.ru>
45. *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

46. Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. ТТ. I–III. М.: МГИМО(У), 2011–2013 гг.
47. Подберезкин А. И. Предложения по сценариям развития ЧЦ, МО, ВПО и СО / Интр. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 2 июля / <http://eurasian-defence.ru>
48. Подберезкин А. И. Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». РАУ-Корпорация. Москва. 1996.
49. Подберезкин А. И. Стратегия для будущего президента России: Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». Москва, 2000.
50. Подберезкин А. И. Человеческий капитал. Москва. 2007. Том I. Идеология опережающего развития человеческого потенциала.
51. Поздняк В. НАТО после Чикагского саммита: развитие оборонного потенциала // Аспекты безопасности. 2013. № 1.
52. Помощник Госсекретаря США Роберт Блейк — о концепции присутствия США в Центральной Азии. 27 июля 2012 г. Эл.ресурс «Фергана» / <http://www.fergananews.com>
53. Попов И. М., Хамзатов М. М. Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государств / Доклад И. М. Попова на научной конференции в МГИМО(У) МИД РФ. 2014. Апрель / <http://eurasian-defence.ru>. 2014. 2 июня.
54. Попов И. М., Хамзатов М. М. Новый характер войны: «облачный противник» Vs государства / Экспертно-аналитический центр «Эпоха».
55. Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / <http://президент.рф/news.17118>
56. Рогов С. Доктрина Обамы. Властелин двух колец / Эл.ресурс: РСМД. 2013. 6 мая / http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1783
57. Рогов С. М. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. 2013. 6 мая.
58. Рогозин Д. О. Выступление на научно-практической конференции РСМД «Евроатлантическое сообщество безопасности: мир или реальность». М., 23 марта 2012 г. // РСМД. 2012. № 3.
59. Российская элита — 2020. Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва. 2013. Июль
60. Российский Северный морской путь связал Корею и Финляндию // Администрация Ненецкого автономного округа. 2012. 30 октября.
61. Россия и мир: 2014. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. Проекта — А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2013.
62. Рукишин А. Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил // Эл.ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>
63. Саква Р. Диалог и разногласия // Российская газета. 2013. 6 ноября.
64. Синютин С. Дороги будут! // Транспорт России / <http://www.transportrussia.ru/transportnaya-politika/dorogi-budut.html>
65. Скосырев В. Коррупция может победить Китай // Независимая газета. 2012. 20 ноября.
66. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М.: Магистр. 2011.
67. Сценарии возможного военного конфликта РФ и США: комментарий к статье эксперта РСМД Валерия Алексеева. 2013. 6 ноября / <http://www.regnum.ru/news/polit/1728971.html>
68. Тезисы о внешней политике России (2012-2018 гг.) / РСМД. М.: Спецкнига, 2012.
69. Топалов С. Шаткая концепция эшелонирования стратегических сил // Независимое военное обозрение. 2005. 22 апреля.
70. Торкунов А. В. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Международные процессы. 2006. Январь–апрель. Т. 4. № 1(10).
71. Торкунов А. В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26).
72. Торкунов А. В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27).
73. Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 9. Кн. 1. Обеспечение национальных интересов России в Арктике / Зап. воен. округ, Воен. акад. Ген. штаба

- Вооружен. Сил Рос. Федерации, Ин-т воен. истории, Гос. полярн. акад. — Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 2014 / <http://pvkgb.ru/d/647158/d/obespechenie-nacionalnyh-interesov-v-arktike---kniga-1.pdf>.
74. Тулунов Д. Потенциал Северного морского пути // РСМД. 2012. 9 июля.
75. Тулунов Д. С. Арктическая дипломатия — новый феномен мировой политики // Россия в глобальной политике. 2013. 31 августа.
76. Тэвдой-Бурмули А. «Красная линия» НАТО / Эл.ресурс: «Портал МГИМО(У)». 2014.21 мая / <http://www.mgimo.ru/>
77. Уриновский А. Киберармии США не хватает хакеров / Эл.ресурс: «ЦВПИ». 2013. 5 февраля / <http://eurasian-defence.ru>
78. Южная Корея пойдет Северным морским путем // ИА «Федералпресс». 2013. 31 июля.
79. Ягольников С., Шушков А. Соединенные Штаты пересматривают ядерную политику. 2008. 10 февраля.
80. Яковенко Н. БРИКС: Новый расклад в мире / «ИноСМИ». 2014. 30 апреля / <http://www.inosmi.ru/world/20140430>
81. A summary of SIPRI Yearbook 2013. / <http://www.sipri.org/yearbook/2013/filis/SIPRIYB13Summary.pdf>
82. Alfergood D. Intelligence Spending Drops for a Second Year. October 31st, 2012. / <http://www.fas.org/libeary/2012/10>
83. America — The Arsenal of Sovereignty. By Prof Mike Marra and Dr James Gordon Department of Military Strategy, Planning and Operations, US Army War College / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2014/marra-gordon_arsenal-of-sovereignty.pdf. С. 2.
84. CENTCOM, Tajikistan expand security partnership. U. S. Central Command press-release. June 29, 2010. <http://www.centcom.mil/press-releases/centcom-tajikistan-expand-security-partnership>
85. China`s Military & the U. S. — Japan Alliance in 2030 / Carnegie Endowment for International Peace. W. 2013.
86. Huntington S. Shah Anup / The Arms Trade is Big Business — Global Issues / <http://www.globalissues.org/article/74/the-arms-trade-is-big-business/> 2014. 05 Jan.
87. National Security Council. The National Security Strategy of the United State of America. Wash, DC.: USGPO, 2002
88. Non-Strategic Nuclear Weapons. FAS Special Report. № 3 / Эл. Ресурс Федерации американских ученых / <http://www.fas.org/pubs/>
89. Tajikistan: US Government rebuilds border guard facilities in Shurobod // Fergana News Information Agency. June 30, 2011. <http://enews.fergananews.com/news.php?id=2108>.
90. Trends in world military expenditure. 2012. P. 1. Sam Perlo-Freeman, Elisabeth Sköns, Carina Solmirano and Helén Wilandh / Sipri Fact Sheet / <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1304.pdf>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С. Е. Нарышкина.	3
Вступительное слово Генерального директора ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“» Я. В. Новикова	5
Список используемых сокращений и аббревиатур	7
Понятийный аппарат	9
Введение	15
Глава 1. Методики прогнозирования глобального развития	23
1.1. Перспективы стратегических сценарных прогнозов глобального развития	30
1.2. Стратегический прогнозный сценарий глобального развития	35
1.3. Принципы стратегического прогнозирования глобального развития	38
Глава 2. Порядок формирования сценариев глобального развития	49
2.1. Методологические вопросы формирования сценариев развития	50
2.2. Порядок формирования сценариев развития человеческой цивилизации	51
2.3. Порядок формирования сценариев развития международной обстановки	59
2.4. Порядок формирования сценариев развития военно-политической обстановки.	60
2.5. Порядок формирования сценариев развития стратегической обстановки	61
Глава 3. Потенциал государств и конфликтность национальных интересов	65
3.1. Совокупный и сетевой потенциал государств.	67
3.2. Политика и конфликт национальных интересов	69
3.3. Показатели конфликтности национальных интересов	71
3.4. Показатели совокупного потенциала России.	72
Глава 4. Сценарии глобального развития.	77
4.1. Место человеческой цивилизации в военно-политическом прогнозировании	79
4.2. Сценарии развития человеческой цивилизации и долгосрочный стратегический прогноз	87
4.3. Долгосрочные сценарии развития международной обстановки	103
4.4. Долгосрочные сценарии развития военно-политической обстановки	113
4.5. Сценарий развития евразийской системы безопасности	117
4.6. Сценарий геополитической поляризации.	121
4.7. Усиление роли геополитики	130
4.8. Сценарий евразийской военно-политической интеграции	136
4.9. Сценарий возможной евразийской военно-политической интеграции	147
4.10. Сценарий сохранения «ядерного сдерживания» в Евразии.	151
4.11. Сценарий развития стратегического неядерного оружия	154
Список используемой литературы	163

Научное издание

**ПОДБЕРЕЗКИН Алексей Иванович,
СУЛТАНОВ Руслан Шамилевич,
ХАРКЕВИЧ Максим Владимирович и др.**

Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития

Аналитический доклад

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*
Оформление *В. С. Поляничева*

Подписано в печать 20.08.2014.
Формат 60х84 $\frac{1}{8}$. Усл.-изд. л. 20,87.
Тираж 1000 экз. Первый завод 50 экз. Заказ № 747

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76